

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
ТОЛЬЯТТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт права
Кафедра «Уголовное право и процесс»

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)

26 ноября 2021 года
г. Тольятти

Самара
2021

УДК 343
ББК 67.408+66.2
У 26

*Издание выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках исследовательского проекта № 20-011-00141 А «Уголовно-правовое
воздействие как реакция государства на преступления и преступность
и его роль в обеспечении национальной безопасности России»*

Редакционная коллегия:

Дуонов В. К., доктор юридических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ
Закомолдин Р. В., кандидат юридических наук, доцент, почетный работник ВПО РФ

У 26 **Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства** : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Тольятти, 26 ноября 2021 г. / редкол.: В. К. Дуонов, Р. В. Закомолдин. — Самара : САМАРАМА, 2021. — 220 с.

ISBN 978-5-6046812-8-2

Настоящий сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Целеполагание уголовно-правового воздействия как специальной деятельности государства», проходившей 26 ноября 2021 г. на базе кафедры «Уголовное право и процесс» Института права Тольяттинского государственного университета в рамках исследовательского проекта РФФИ № 20-011-00141А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

В мероприятии приняли участие ученые, преподаватели, аспиранты и практикующие юристы из ряда регионов России (Тольятти, Самара, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Ставрополь, Ульяновск, Краснодар, Калининград, Иркутск, Орел, Омск, Кострома, Псков, Улан-Удэ, Нижний Новгород, Тамбов, Рязань, Ростов-на-Дону и др.), а также Белоруссии, Азербайджана и Сербии.

Издание предназначено для ученых, преподавателей и обучающихся юридического профиля, представителей правоприменительной практики и всех лиц, интересующихся проблемами современного уголовного права.

Материалы сборника постатейно (со списком литературы)
размещаются в Научной электронной библиотеке
(Российский индекс научного цитирования (РИНЦ))
(Лиц. договор от 30 октября 2020 г. № 997-10/2020К
(непериодические издания))

ISBN 978-5-6046812-8-2

© ФГБОУ ВО «ТГУ», 2021
© Коллектив авторов, 2021

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ДУЮНОВ В. К.

руководитель проекта РФФИ,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинского государственного университета,
д. ю. н., профессор, Почетный работник ВПО РФ (г. Тольятти)

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ВТОРОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА РФФИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ»

Уважаемые коллеги! Наша Конференция завершает второй этап фундаментальных исследований в рамках научного проекта РФФИ № 20-011-00141A на тему «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России». Исследовательский коллектив, в который кроме автора этих строк входят также кандидат юридических наук, доцент Р. В. Закомолдин, доктор юридических наук, доцент И. А. Подвойкина и аспирант Я. В. Куминов, предлагает к обсуждению некоторые итоги второго этапа наших исследований по данному научному проекту.

Результаты, полученные нами в течение второго этапа исследований, были представлены в 27-ми докладах на 20-ти международных, всероссийских и региональных научных мероприятиях. Получили отражение в 15-ти опубликованных на текущий момент научных работах [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], в том числе в отечественных изданиях, рекомендуемых ВАК [6; 7], и зарубежных изданиях, индексируемых в международных базах WoS и Scopus [1; 2]. Также подготовлена и направлена в печать итоговая монография В. К. Дуюнова «Целеполагание уголовно-правового воздействия как специальной деятельности государства» (Москва, РИОР, 2021). Помимо этого, еще ряд публикаций находятся в печати, в том числе в крупных научных центрах России и ближнего зарубежья. Также до конца текущего года будет издан сборник материалов данной конференции.

Некоторые наши суждения и выводы прошедшего второго этапа исследований мы традиционно выносим на обсуждение коллег и участников данной итоговой конференции.

Мы продолжаем исследование феномена уголовно-правового воздействия как реакции государства на преступное поведение и преступность, фундаментального уголовно-правового явления и комплексного уголовно-правового института в современных быстро меняющихся социальных условиях.

На основе полученных ранее результатов на данном этапе мы сосредоточились на углубленном исследовании проблемы целеполагания, лежащей в основе механизма уголовно-правового воздействия как специфического вида целенаправленной человеческой деятельности, осуществляющей компетентными органами государства в ответ на существование преступного поведения и преступности в целях удовлетворения насущной социальной потребности противодействия этим негативным социальным явлениям.

Нами рассмотрены существующие в науке общие представления о человеческой деятельности как вызываемой определенными потребностями формы взаимодействия человека с окружающим миром, направленного на их познание и преобразование в целях удовлетворения указанных потребностей, подвергнуты анализу основные ее признаки и виды с акцентом на особенностях государственной деятельности в сфере противодействия преступному поведению и преступности. К отличительным особенностям последней (государственной деятельности) мы относим, прежде всего, ее обусловленность объективно и перманентно существующей социальной потребностью противодействия преступному поведению и преступности как вредоносным социальным явлениям, а также вытекающие из данной потребности целевую направленность данной деятельности на ее удовлетворение, нормативную урегулированность и императивность деятельности, ее конструктивный характер, системную организованность, функциональность и связь системой исторически сложившихся в обществе важнейших социальных ценностей, нравственных установок и принципов.

Уголовно-правовое воздействие как специфический вид такой деятельности, представляет собой сложный динамичный процесс практической реализации реакции государства на преступное поведение и преступность, связанный с использованием норм и иных ресурсов уголовного права, в целях противодействия этим негативным явлениям и обеспечения национальной безопасности страны от угроз криминального характера. Осуществляемый компетентными органа-

ми в различных предусмотренных законом формах специальной государственной деятельности, этот процесс имеет свои пределы, собственную сложную структуру и характеризуется последовательной, поэтапной его реализацией в ответ на совершение отдельных преступлений и явление преступности в целом.

Уголовно-правовое воздействие (влияние, эффект), оказывается системой уголовно-правовых норм, каждой нормой и каждым институтом уголовного права, уголовным законодательством и уголовной юстицией (правоприменительной практикой) — назначением и исполнением наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия: а) на преступность в целом посредством криминализации всех деяний, представляющих повышенную общественную опасность и установления уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение; б) на существование и рост определенных видов (типов) преступлений — посредством установления уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение; в) на конкретные преступления — посредством реализации указанных законодательных санкций.

В связи с этим мы рассматриваем оказываемое в рамках указанной реакции уголовно-правовое воздействие в трех измерениях: 1) в широком как ответ на негативное социальное явление преступности в целом; 2) в средне-широком — как ответ на существование конкретного вида преступлений; и 3) в узком, собственном значении (смысле слова, измерении) — как ответ на отдельное конкретно совершенное преступление (в рамках привлечения к ответственности или освобождения от таковой). Каждое из этих измерений рассматривается нами как необходимое и важное для наиболее глубокого и полного понимания феномена уголовно-правового воздействия в качестве системно организованного и целенаправленного процесса осуществления специальной государственной деятельности, рождающейся из объективной социальной потребности противодействия преступным проявлениям.

Мы исходим из того, что поведение всякого психически здорового человека и вся осмысленная человеческая деятельность являются целесообразными и целенаправленными: всегда направлены на получение определенных желательных для субъектов деятельности результатов, мысленное заведомое представление о которых выступает в качестве целей его (их) деятельности. Целесообразность пронизывает все сферы человеческой деятельности, это важнейший компонент в структуре осмысленной человеческой деятельности. Как идеальное представление о результатах соответствующей деятельности, цели определяют ее сущность и все важнейшие параметры (ха-

рактер, содержание, пределы и др.), выполняя две важнейшие функции: мотивирующую и ориентирующую. Цели выступают также интегративными факторами, объединяющими различные действия, средства, возможности и результаты в единую целесообразную систему действий (воздействия), в единый механизм.

Основой формирования целей человека является его предметно-материальная деятельность, направленная на преобразование окружающего мира, а непосредственной предпосылкой и основополагающей объективной причиной возникновения цели является потребность. Социально полезные цели, к которым относятся и цели уголовноправового воздействия, лежат в основании всякой целесообразной конструктивной деятельности человека именно потому, что они непосредственно вызываются объективной необходимостью, соответствующими потребностями социального развития.

Нами подвергнуты исследованию основные свойства, характеризующие социальные цели; отмечается многообразие последних и обосновывается необходимость их классификации; рассматриваются особенности социальных целей в сфере противодействия преступному поведению и преступности.

Установлено, что необходимость противодействия преступным проявлениям и решения связанных с этим сложных социальных задач требует постановки и реализации многоуровневой системы целей (разного масштаба, срока реализации, содержания и направленности). В связи с этим отмечается важное значение целеполагания как процесса, связанного с разработкой, определением содержания и грамотной постановкой целей и задач, установлением их соотношения, системных взаимосвязей и взаимозависимостей, учета средств и возможностей, необходимых для их реализации.

Мы предлагаем воспользоваться признанным в науке эффективным методом стратегического планирования, известным как «метод построения дерева целей», предложенным еще в 1957 году американскими исследователями Ч. Черчменом и Р. Акоффом в качестве упорядочивающего инструмента, обеспечивающего взаимосвязь целей разных уровней в процессе их последовательной реализации, стратегию и тактику целеполагания и достижения поставленных целей.

Грамотное целеполагание имеет весьма важное значение: правильное выстраивание системы целей не только позволяет уяснить их смысл и организовать их надлежащую реализацию, мотивирует и упорядочивает намерения, но и упрощает выполнение решений и, в конечном счёте, определяет успех деятельности и позволяет с большей точностью и объективностью устанавливать степень достиже-

ния целей. Нами исследованы условия, которые ученые предлагают соблюдать в процессе целеполагания: соподчиненность, полнота и непротиворечивость целей, их комплексность и системность, взаимосогласованность, реальность, определенность и конкретность; в социальной сфере – нормативность целей, обеспеченность их реализации государственным принуждением и др.

Целеполагание в сфере противодействия преступности связано с особенностями социального назначения, целей и функциональных возможностей уголовного права и уголовного законодательства, назначение которых – присущими им специфическими средствами осуществлять охрану наиболее значимых общественных отношений от преступных посягательств. Это их предназначение обуславливает и соответствующие их задачи: охранительную и регулятивную, и одноименные уголовно-правовые функции, которые тесно между собой взаимосвязаны. Устанавливая в целях охраны общественных отношений запреты общественно опасных деяний, уголовно-правовые нормы тем самым также регулируют поведение людей, и наоборот, регулируя общественные отношения, они тем самым одновременно и охраняют их от причинения вреда. Каждая норма является одновременно и регулятивной, и охранительной, участвуя в решении обеих задач, поэтому первую из указанных задач (и соответствующую функцию) предлагается именовать охранительно-регулятивной, а вторую – регулятивно-охранительной.

Руководствуясь упомянутым выше «методом построения дерева целей», мы предприняли попытку сконструировать и схематически представить «дерево целей» в сфере противодействия преступному поведению и преступности, показав его в соотношении с тесно связанными с ним «деревьями» потребностей, видов государственной деятельности, а также форм и видов уголовно-правового воздействия» в разных его измерениях.

При этом мы исходим из того, что лежащие в основе «нашего» дерева целей потребность противодействия преступному поведению и преступности и обусловленные ею общесоциальные цели находят свое непосредственное проявление прежде всего в соответствующей политике как деятельности государства, связанной с разработкой и реализацией стратегии и тактики организованного сопротивления преступности, и в ее целях. Указанная потребность предопределяет не только необходимость в соответствующей деятельности, ее цели, задачи и основные параметры (характер, содержание, пределы, формы реализации и объем), но и соответствующую государственную политику, ее идеологию и практику реализации. Такая - единая,

научно обоснованная и грамотно реализуемая политика государства в сфере противодействия преступности необходима, чтобы перейти от недостаточно организованных, разрозненных и не всегда обоснованных действий государственных органов к основанной на единой концепции политике высокоорганизованного сопротивления преступности. Цели государственной политики противодействия преступности имеют ключевое значение для правильного понимания ее содержания, значения и обеспечения эффективности соответствующей деятельности органов государства, они выполняют важные мобилизующую и ориентирующую роли одновременно в качестве стратегических ориентиров и повседневно решаемых задач, объединяя усилия государства и общества в данной сфере.

Такими стратегическими (генеральными) целями политики противодействия преступности, по нашему мнению, следует считать удержание преступности на минимальном социально приемлемом уровне, контроль за ее состоянием при последовательном сокращении наиболее опасных ее проявлений посредством реализации комплекса мер общесоциального и специального криминологического воздействия на порождающие ее причины, сведение преступности к такому уровню, при котором она перестанет быть угрозой национальной безопасности, способной подорвать устои жизни общества, повернуть его развитие вспять. Это также и генеральная цель уголовно-правового воздействия в широком смысле слова. Именно эта цель вытекает из упомянутой выше социальной потребности и социальных целей более высокого уровня.

Как относительно самостоятельный и сложно организованный вид социальной политики, политика противодействия преступности реализуется через иерархически выстроенную систему «подчиненных» ей видов политики разных уровней, каждая из которых имеет свои цели, задачи и содержание, и в своей совокупности все они служат осуществлению упомянутой выше общей для них генеральной цели. Деятельность государства в сфере противодействия преступности и, соответственно, его политика нами схематично представлены в форме логически стройной иерархической структуры — некой пирамиды (дерева) видов политики разных уровней, которая складывается по поводу удовлетворения соответствующих порождающих их социальных потребностей. Этой структуре естественным образом соответствует также иерархически выстроенная «пирамида (дерево) целей» политики противодействия преступности, включающая и цели ее структурных составляющих («ступеней пирамиды»), поскольку все это цели удовлетворения указанных социальных потребностей.

Нами проанализированы выработанные наукой важные требования к формулированию и реализации целей, а также построению их системы в сфере противодействия преступности, которые могли бы стать важными факторами достижения планируемых результатов. К их числу, по нашему мнению, относятся требования, чтобы цели были: 1) адекватны обусловившим их социальным потребностям, чтобы мотивировать и направлять деятельность органов государства на их удовлетворение, их характер и содержание должны быть криминологически обоснованны; 2) достаточно высокими и напряженными, и при этом реалистичными, достижимыми; 3) совместимыми, взаимосогласованными, точно, полно и правильно в понятной, доступной для исполнителей форме сформулированы документально в соответствующих нормативных и правоприменительных актах и в каждом конкретном правоприменительном случае; 4) конкретными, измеримыми и контролируемыми.

Нами критически оценивается распространенное в уголовно-правовой науке отождествление политики противодействия преступности как совокупности всех усилий государства и общества, направленных на противодействие преступности, с уголовной (уголовно-правовой) политикой. Мы трактуем последнюю более узко и специфично — как часть политики реагирования на совершаемые преступления в рамках упомянутой политики противодействия преступности, которая состоит в деятельности государства, связанной с криминализацией и пенализацией деяний, разработкой и реализацией стратегии и тактики, форм и методов воздействия на преступность при помощи уголовно-правовых инструментов.

Уголовно-правовая (уголовная) политика занимает центральное место в политике реагирования на преступления и является как бы «стержнем политики борьбы с преступностью», поскольку именно и только в ее рамках решаются ключевые и принципиальные для всех компонентов (видов) политики противодействия преступности вопросы криминализации и пенализации деяний и на этой основе формируются цели и задачи, стратегия и тактика уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики. Соответственно, с целями уголовно-правовой политики должны быть согласованы цели всех уголовно-правовых явлений, иных упомянутых выше видов политики реагирования, а также и цели одного уровня с последней — политики общего и специального предупреждения преступлений.

Мы акцентируем внимание на уголовно-правовом воздействии как деятельности целесообразной и целенаправленной, успех которой в большой степени зависит от правильной постановки и обеспе-

чения реализации целей, которые призваны определять характер и направленность, а также содержание и пределы применения мер уголовно-правового воздействия. При этом саму проблему определения соответствующих целей мы предлагаем решать на основе упомянутой выше теории целеполагания и представлений о феномене уголовно-правового воздействия как реакции государства на преступное поведение и преступность в широком, средне-широком и узком измерениях.

Нам представляется, что искомые масштаб и характер целей уголовно-правового воздействия в том или ином измерении напрямую зависят от аналогичных параметров соответствующей государственной деятельности. Так, цели уголовно-правового воздействия в широком смысле слова наиболее широки и глобальны, они составляют «ствол» упомянутого выше «дерева целей»; уголовно-правовое воздействие в средне-широком смысле слова можно сравнить с основными ветвями указанного «дерева»; цели же уголовно-правового воздействия в узком, собственном смысле слова являются более конкретными и «обслуживающими» указанные «вышерасположенные» более высокого уровня цели, представляя собой как бы «ответвления» от указанных «веток». Однако без последних указанное «дерево целей» не имеет смысла. При несомненной важности целей более высокого уровня, именно цели уголовно-правового воздействия в собственном смысле слова имеют ключевое значение, являются некой «точкой отсчета» в процессе целеполагания. Это наиболее конкретные, «земные» цели и задачи, решаемые постоянно и повседневно во всех без исключения случаях. Они лежат в основании целеполагания в сфере противодействия преступности, не только мотивируют и ориентируют, но и выступают в качестве необходимых средств и этапов удержания и контроля над преступностью... При этом вопрос об этих целях совершенно не исследован, остается открытым и представляет значительный исследовательский и практический интерес.

По нашему мнению, в поисках ответа на данный вопрос следует ориентироваться на уже получившие признание законодателя цели уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Именно эти цели должны быть приняты за основу при разработке проблемы целей уголовно-правового воздействия — уже потому, что они признаны законодателем целями уголовного наказания как основной, распространенной и наиболее востребованной формы уголовно-правового воздействия. Уголовное наказание наиболее обстоятельно регламентировано в законодательстве и, следовательно, признается наиболее ярким и адек-

ватным с точки зрения законодателя инструментом уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих преступления, наиболее полно и точно отвечающим потребности противодействия преступным проявлениям¹, его цели получили свое нормативное закрепление, наиболее обстоятельную разработку в уголовно-правовой теории и признание в правоприменительной практике. Тем более, что и другие формы уголовно-правового воздействия (освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного наказания) имеют с уголовным наказанием единую сущность, предназначение и направленность.

Цели уголовного наказания, как они определены в ч. 2 с. 43 УК – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, являются нормативно установленными целями института уголовного наказания, системы наказаний, всех его видов, уголовно-правовых санкций и конкретных мер наказания, назначаемых осужденным. По указанным основаниям мы полагаем правильным рассматривать их в качестве общих целей уголовно-правового воздействия, всех его форм, видов и конкретных мер.

В работе анализируются цели исправления и превенции, дискуссии по вопросам их содержания и значения, соотношения между собой, средств и механизмов реализации, и др. Эти цели характеризуются как перспективные и важные, каждая из которых имеет право на существование и самостоятельное значение, теоретическое и практическое, в каждой из которых имеется объективная потребность, каждая необходима и важна на своем месте и достойна нормативной регламентации. Вместе с тем, ограничиться только этими двумя целями было бы неправильно. Во-первых, потому, что остается без удовлетворения вытекающая из самого факта совершения преступления потребность в адекватном реагировании на совершенное преступное деяние и справедливом разрешении таким образом конфликта, порожденного этим фактом. Удовлетворение такой потребности предполагает осуществление соответствующей государственной деятельности и, соответственно, необходимость постановки перед ней и перед мерами уголовно-правового воздействия еще одной

¹ Этот тезис мы предлагаем понимать непременно с учетом (в рамках) нашего неизменного представления об уголовном наказании как необходимом и важном, но не единственном и даже не главном инструменте уголовно-правового противодействия преступным проявлениям – лишь одной из форм уголовно-правового воздействия.

цели, обеспечивающей справедливое воздаяние виновному за содеянное. Во-вторых, только целями исправления и превенции невозможно объяснить и оправдать характер и высокую интенсивность государственного принуждения, предусматриваемого уголовным законом в отношении виновных лиц. Во-третьих, цели исправления и превенции, безусловно, нравственно привлекательные и желательные, но они перспективные, требующие колоссальных усилий и затрат времени, финансовых, кадровых и иных ресурсов, их осуществление связано с большой повседневной грамотной работой многочисленной армии профессионалов, поэтому, как правило, трудно достижимые или недостижимые в принципе.

Все это говорит о необходимости нормативного закрепления и практической реализации наряду с рациональными, но относительно «трудно- и редко- достижимыми» целями исправления и превенции, также цели более близкой, непосредственной и конкретной, осуществимой во всех без исключения случаях осуждения преступного действия, обуславливающей небес цельность и оправдывающей усилия по уголовно-правовому воздействию на провинившегося. Цели, естественным образом вытекающей из упомянутой потребности негативной, справедливой и неотвратимой реакции на каждый акт совершения преступления и удовлетворения таким образом чувства справедливости членов общества. Соответствующая цель сформулирована в ч. 2 ст. 43 УК РФ как цель «восстановления социальной справедливости». Эта формулировка была принята законодателем как компромисс между сторонниками и противниками признания кары («удовлетворения чувства справедливости членов общества» как раскрывал смысл этой цели Н. А. Беляев) в качестве одной из целей уголовного наказания.

С нашей точки зрения, провозглашение цели «восстановления социальной справедливости» в уголовном законе стало официальным признанием законодателем кары в качестве одной из целей уголовного наказания, хоть и в такой — завуалированной, «облагорожденной» форме. Цель «восстановления социальной справедливости», на наш взгляд, следует понимать как заслуженное виновным воздаяние за причиненное зло и удовлетворение таким образом чувства справедливости членов общества. При этом формулировка данной цели в уголовном законе как «восстановления социальной справедливости» представляется нам не очень удачной, вызывающей ряд вопросов, на которые трудно или почти невозможно найти ответ. Соответствующую цель правильно было бы сформулировать в законе как «утверждение социальной справедливости и обеспечение

ее торжества», понимаемую при этом как негативное, справедливое и неотвратимое воздаяние виновному за содеянное.

Цель кары, согласно которой каждое лицо, совершившее преступное деяние, подлежит публичному официальному осуждению и порицанию «за то, что» это лицо совершило, и «в меру того, что» оно совершило — *соподчинено содеянному*, является естественной, более того, исторически обусловленной целью уголовного наказания, а согласно нашим представлениям, общей целью всей системы мер уголовно-правового воздействия, основанной на объединяющей их единой карательной сущности.

В современной уголовно-правовой науке России эта проблема остается малоизученной, господствуют представления о каре как архаичном синониме наказания, содержанием которого является намеренное причинение страданий, и которому поэтому не должно быть места в современном праве. Тем не менее, эта цель «пробивается» сквозь непонимание и неприятие, и уже это, само по себе, показывает: что-то значимое за ней стоит.

По нашему мнению, это понятие является весьма важным, по существу ключевым в учении об уголовной ответственности, уголовном наказании и уголовно-правовом воздействии в целом, за ним стоит целое правовое явление — реальное и объективно необходимое: уголовное наказание или иная мера уголовно-правового воздействия, должны применяться в рамках негативной, справедливой и неотвратимой реакции государства на нарушение его запретов — *за то, что лицо совершило, и в меру того, что оно совершило*.

Реализация данной цели предполагает не месть, возмездие или требование ужесточения санкций, а справедливое осуждение совершенного преступления, порицание виновного и применение при необходимости предусмотренных уголовным законом лишений и ограничений его прав и свобод в качестве соподчиненного воздаяния виновному за содеянное в целях удовлетворения чувства справедливости граждан, а также исправления виновного и предупреждения новых преступлений.

Исследования показывают, что распространенное среди ученых отождествление понятий кары, наказания и страданий является ошибочным: кара и наказание — это понятия различающиеся, и они не обязательно сопряжены с причинением страданий человеку. При этом спектр чувств, эмоций, переживаний у осужденных может быть гораздо богаче, чем только страдания, это и раскаяние, сожаление о случившемся, и стыд, страх, жалость и т. п., которые необходимо учитывать и использовать в целях исправления виновного и превен-

ции. Смысл кары в том, чтобы воздать по справедливости – осудить совершенное преступление и лиц, виновных в его совершении, с применением к ним в случае необходимости тех или иных ограничений – и тем оказать на них требуемое карательное, воспитательное и предупредительное воздействие, чтобы впредь они более преступлений не совершали.

Нами обосновывается различие в терминах «месть», «возмездие» и «воздаяние» как исторических предшественников понятия кары, лежащих в основании прежних и современных представлений о справедливости. Эти исторические про-понятия постепенно трансформировались, естественным образом «переродились» и вытеснены современными представлениями о справедливости (ст. 6 УК РФ), сохранившими, однако, в качестве своего «стержневого» и исторически незыблемого компонента идею соразмерности между деянием и воздаянием (вознаграждением или наказанием). Современные представления о социальной справедливости – это облагороженные временем «правнучатые» производные «тех» исторически далеких представлений, от которых человечество не может просто так отказаться «за давностью». Принцип эквивалентности – соразмерности между деянием и воздаянием как важнейший компонент справедливости, оказавшийся не подверженным историческим изменениям, сохранился и в современных условиях, как и ранее, служит стержнем, вокруг которого строится все уголовное законодательство и практика его применения. Идея эквивалента (адекватного воздаяния) лежит в основании и современной политики, и построения уголовного законодательства, и практики противодействия преступности и иным правонарушениям.

Классическая идея эквивалентного, соразмерного воздаяния лицу, совершившему преступление, пронизывает все отечественное уголовное законодательство и практику его применения. Цель кары неизбежно проистекает из «духа», из смысла уголовного законодательства, она присутствует (зачастую незримо) в каждой почти норме уголовного закона (ст. ст. 6, 43, 60 и др. УК РФ). Цель кары проявляется уже в концептуальном построении всего уголовного законодательства в соответствии с классическим принципом соразмерности между воздаянием и деянием; в целом ряде нормативных положений, наличие которых невозможно объяснить какими-либо иными рациональными целями, кроме как целью покарать, воздать за содеянное; а также в проявлениях правоприменительной практики, характеризующих ее как карающую. Мы полагаем, что цель кары, несмотря на известное предубеждение против нее, несет в себе все-

таки более позитивную, чем негативную нагрузку, значительный положительный заряд, который заключается в целом ряде обстоятельств, которые анализируются в работе.

Кара — не единственная и не главная, но непременная и важная цель уголовно-правового воздействия. Она по определению не может рассматриваться и нормативно закрепляться в качестве единственной цели указанных мер: сложнейшая проблема удовлетворения социальной потребности противодействия преступности обуславливает необходимость многогранной деятельности и множественность ее целей. Неправильным следует признать и имеющие место в уголовно-правовой литературе переоценку ее статуса и значимости в системе других целей, отведение ей роли главной или единственной цели или уж, тем более подмена ее целью возмездия. Это ближайшая цель, достигаемая уже самим фактом справедливого осуждения виновного за то, что он совершил, и в меру того, что он совершил. Она является промежуточной целью, реализация которой служит необходимой предпосылкой и определенной ступенью на пути осуществления иных — перспективных целей, стоящих перед наказанием: исправления виновного и предупреждения новых преступлений. Эти цели будут достигнуты лишь в будущем, в перспективе, для их реализации необходимо еще приложить дополнительные, порой весьма значительные усилия, использовать многие возможности и в первую очередь потенциальные возможности системы мер уголовно-правового воздействия. В отличие от цели кары, достижимой каждым справедливым решением по уголовному делу, цели исправления и превенции могут и не быть достигнуты.

Реализация цели кары служит необходимой предпосылкой, определенной ступенью и, следовательно, в какой-то мере средством осуществления иных — перспективных целей, стоящих перед институтом уголовно-правового воздействия. В соответствии с этой целью, правоприменительный орган должен назначать наказание или другую, альтернативную ему, меру уголовно-правового воздействия во всех случаях совершения преступления, поскольку в таких случаях всегда нарушаются отношения социальной справедливости, которые вряд ли могут быть восстановлены, но во всех случаях их нарушения каждый раз необходим акт утверждения социальной справедливости и обеспечения ее торжества, каждый раз показывающий недопустимость нарушения указанных отношений и укрепляющий чувство справедливости граждан.

При этом каждая избранная в отношении виновного лица мера уголовно-правового воздействия должна быть способна по своим

потенциальным возможностям (по характеру и размеру) служить данной цели. Официальное признание цели кары законодателем, хотя и в такой, «модифицированной» форме, представляется нам закономерным и обоснованным. Заложенные в ее содержание требования неотвратимости и соразмерности воздействия лицу, виновному в совершении преступления — наиболее разумные и отвечающие идею справедливости критерии того, какой должна быть реакция государства на преступление, эти требования объективно необходимы.

Действующий УК РФ более обоснованно и последовательно, чем прежде, решает проблему нормативного определения целей и задач уголовно-правовых явлений. Однако и данный акт единой стройной системы уголовно-правовых целей не предусматривает: он определяет «Задачи Уголовного кодекса» (ст. 2 УК), фиксирует цели уголовного наказания (ч. 2 ст. 43), упоминает о целях и задачах отдельных институтов (ст. ст. 90, 92, 98 и др.), однако эти цели и задачи не вполне согласованы между собой, не всегда достаточно точно и правильно определяются их виды и содержание. В целом подход к проблеме целеполагания в сфере противодействия преступности, реализованный в УК РФ, на наш взгляд, является непоследовательным, поверхностным и бессистемным.

Ключевое значение должны иметь общие — «интегративные» цели уголовно-правового воздействия, которые определяли бы направленность, характер и содержание всего уголовного законодательства и практики его применения. Но таковые в УК РФ отсутствуют. Претендующие на такой статус «Задачи Уголовного кодекса» (ч. 1 ст. 2), если исходить из буквального толкования названия данной статьи и ее содержания, являются задачами только данного нормативного акта, поставлены законодателем только перед самим собой, обращены «внутрь» Уголовного кодекса и по существу являются «вещью в себе». Тогда как цели и задачи уголовного законодательства должны быть «вещью для нас»: определять характер и содержание как всей законодательной деятельности в области уголовно-правового нормотворчества, так и всей правоприменительной деятельности, служить «руководством к действию», мотивировать и ориентировать. Согласно теории целеполагания, это должны быть цели, вытекающие из соответствующей социальной потребности охраны общества от преступных посягательств и социального предназначения уголовного права (и уголовного законодательства) как специфического инструмента такой охраны. Эти отраслевые цели, следовательно, должны состоять в обеспечении надежной охраны наиболее важных общественных отношений от угроз криминального

характера и урегулировании конфликтов, связанных с фактической реализацией таких угроз.

Отсюда и основные задачи уголовного права (и уголовного законодательства):

1) защитить (обеспечить охрану) *естественным образом* складывающиеся в обществе позитивные отношения, связанные с реализацией важнейших интересов личности, общества и государства, не допустить причинения им существенного вреда путем установления запрета на совершение общественно опасных деяний (преступлений) и б) угрозой применения установленных законом санкций предупреждать преступные посягательства на эти отношения, оказывая удерживающее воздействие на лиц, способных указанный вред причинить (*охранительно-регулятивная задача*);

2) отреагировать на случаи действительного или предполагаемого (при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, при добровольном отказе от преступления и т.п.) нарушения уголовно-правовых норм и урегулировать: а) конфликт, возникший в связи с совершением преступления посредством решения вопроса об ответственности (ее возложении на виновного с наказанием или без оного, или освобождении от нее на законном основании), когда указанные отношения защитить не удалось и преступление все же совершилось; б) отношения, возникающие в случаях лишь предполагаемого – невиновного нарушения уголовного закона – при добровольном отказе, обстоятельствах, исключающих преступность деяния, и в иных подобных случаях, предусмотренных уголовным законом (*регулятивно-охранительная задача*).

Нетрудно заметить, что первая из упомянутых задач в ст. 2 УК РФ указана дважды (охрана общественных отношений от преступлений и предупреждение последних – это по сути одно и то же), а вторая не указана вовсе, между тем она с неизбежностью вытекает из существа уголовно-правовых норм, имеющих своим назначением не только охрану, но также и регулирование специфических уголовно-правовых отношений, и она явно необходима, поскольку преступления все же совершаются, в связи с чем возникает объективная необходимость реагирования на их совершение и урегулирования каждый раз возникающих конфликтов.

Интегративные цели и обусловленные ими задачи должны служить основой целеполагания в уголовном праве, им должны соответствовать цели и задачи применения отдельных уголовно-правовых институтов и норм, все уголовное законодательство в целом и практика его применения. К сожалению, такое соответствие имеет мес-

то не всегда. В связи с изложенным, автором предлагается принципиально новая редакция ст. 2 УК РФ «Цели и задачи уголовного законодательства и практики его применения в Российской Федерации».

Критической оценки, по нашему мнению, заслуживает решение законодателем вопроса о целях применения различных уголовно-правовых институтов и видов мер уголовно-правового воздействия: Уголовный кодекс непосредственно определяет цели лишь институтов уголовного наказания и принудительных мер медицинского характера.

Вопрос о целях уголовного наказания, урегулированный в ч. 2 ст. 43 УК, критически рассмотрен нами в рамках вопроса о целях уголовно-правового воздействия, предложено сформулировать соответствующую норму в законе как имеющую отношение ко всем мерам уголовно-правового воздействия.

Безуокоризненным, по нашему мнению, является лишь решение законодателем вопроса о целях применения принудительных мер медицинского характера (ст. 98 УК) в увязке с совокупностью обяжательных условий, составляющих основание для их применения: а) медицинского (лицо страдает психическим расстройством и относится в связи с этим к одной из указанных в ч. 1 ст. 97 УК категорий) и б) социального (это лицо представляет общественную опасность для себя или для других лиц). Каждое из этих условий определяет постановку в законе соответствующей цели — также медицинской (излечение или улучшение психического состояния лица) и социальной (безопасность лица), и предполагает осуществление соответствующих мероприятий, направленных на их реализацию. Наличие обоих указанных условий диктует необходимость применения принудительной меры во имя достижения указанных целей. Отпадение хотя бы одного из условий (тем более — обоих) означает отпадение законного основания для применения принудительных мер медицинского характера, поскольку соответствующая цель (тем более — обе цели) достигнуты и в дальнейшем применении принудительных мер нет необходимости. Основанием прекращения принудительного лечения является отпадение необходимости в ее применении, означающее отсутствие общего основания, указанного в ст. 97 УК, и достижение целей, предусмотренных ст. 98 УК: выздоровление больного или такое изменение его психического состояния, при котором отпадает необходимость лечения в принудительном порядке. Основание применения принудительных мер, цели их применения и их содержание определены в некой «линейной» зависимости и взаимоувязаны, что представляется достойным заимствования и в других подобного рода случаях.

Институциональные цели применения «иных мер уголовно-правового характера» в действующем уголовном законодательстве не определены вовсе либо определены, но не вполне соответствуют интегративным целям, не согласованы между собой или определяются через цели уголовного наказания как производные от них, что является не совсем правильным.

Цели одного уголовно-правового института, хотя бы и такого важного, как уголовное наказание, не могут одновременно быть целями и других, отличных от него и альтернативных ему, находящихся на одном уровне институтов уголовного права: цели условного осуждения — это не совсем то же, что цели наказания или условно-досрочного освобождения, цели наказания и цели освобождения от наказания — это также различающиеся цели, так же, как цели уголовной ответственности и цели освобождения от таковой.

Отсутствие четкого определения уголовно-правовых целей и задач или их несогласованность приводят к их неправильному определению, несогласованному применению или даже игнорированию в правоприменительной практике, вследствие чего эффективность применения соответствующих мер уголовно-правового воздействия существенно снижается.

Указание в ч. 2 ст. 2 УК о том, что к средствам реализации задач УК РФ относятся не только наказания, но и «иные меры уголовно-правового характера», ставит проблему определения институциональных целей применения и этих мер, в частности, перечисленных в разделе VI УК. Этим мерам принадлежит важная и при этом особенная роль в деле противодействия преступным проявлениям, между тем не только их цели, но и понятие о них, их правовой статус, состав и значение остаются неопределенными. В связи с этим мы предложили при регулировании уголовно-правовых ресурсов и повышения эффективности их использования на практике нормативно урегулировать не только понятие, содержание, цели уголовного наказания, их виды, классификацию, порядок и условия назначения, как это осуществлено в действующем УК РФ, но также решить аналогичные вопросы в отношении всех иных мер уголовно-правового характера.

Мы полагали бы целесообразным, построить в уголовном законодательстве единую гибкую систему мер уголовно-правового характера, по возможности четко обозначить их общее понятие, интегративные цели и общие принципы, сформулировать в соответствии с существующими приоритетами общие и особенные (специальные) правила определения (применения) указанных мер, а также порядок,

условия и пределы применения каждой такой меры, ее место в системе. В статьях УК должна получить более четкое закрепление система (комплекс) уголовно-правовых мер, необходимых и достаточных для решения задач уголовного законодательства. Такая система должна включать в качестве своих подсистем две группы мер, контуры которых просматриваются и в действующем УК РФ. Все многообразие предусмотренных законом уголовно-правовых мер следует, по мнению автора этих строк, делить не по сомнительной линии «наказание и иные меры», *a* в зависимости от сущности и предназначения соответствующих видов мер — на карательные и некарательные (меры безопасности).

Первая из них — **система мер уголовно-правового воздействия** должна, по мысли автора, включать в себя: различные виды освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания, условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия, а также уголовное наказание. Все эти меры объединяет единая карательная сущность, поэтому они должны предусматриваться законом в рамках реакции государства на преступление, все они должны применяться *за совершение преступлений* в отношении лиц, их совершивших, назначаться *в соответствии с характером и степенью общественной опасности* преступления *во имя уголовно-правовых целей утверждения социальной справедливости (кары)*, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений.

Другая группа мер — **система мер безопасности в уголовном праве** должна включать в себя медицинские и иные (специальная конфискация, лишение водительских прав, административный надзор и др.) меры безопасности, имеющие некарательную сущность, которые должны применяться *не за совершение* преступления, *a в связи с совершением* запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния к лицу, его совершившему, в целях обеспечения его безопасности для себя и для общества в целом, его излечения, реабилитации, ресоциализации и т. п.

В законодательстве нужна Единая, полноценная и гибкая система мер уголовно-правового характера, необходимых и достаточных для реализации правовых целей; каждая мера в такой системе на своем месте, как пальцы на руке, и нет в ней ни пробелов, ни излишних компонентов, с четким обозначением порядка, условий и пределов, а также общих и специальных правил применения каждой такой меры. Соответственно, нужна **единая и стройная система** уголовно-правовых задач и целей, которая адресовала бы правильно и точно сформулированные ориентиры как законодателю, так и право-

применительным органам, и мобилизовала их на достижение поставленных рубежей.

Стройность указанных систем может быть обеспечена, по мнению автора, ее организацией по описанному выше методу построения «дерева целей», предполагающего определение и последовательную декомпозицию генеральной, стратегической цели (в «нашем» случае — общей цели политики противодействия преступности и уголовно-правового воздействия в широком смысле слова) на подцели по принципу пирамиды, когда в иерархической последовательности выстраивается вся система целей в соответствующей сфере: как отраслевых, так и вытекающих из них и подчиненных им целей и задач всех важнейших уголовно-правовых институтов и уголовно-правовых норм.

В таком построении каждая предыдущая (более близкая) цель служит этапом и в определенном смысле средством реализации каждой последующей цели, занимающей более высокое положение в иерархии, и все они являются промежуточными в дорожной карте на пути к вершине, к объединяющей их генеральной, стратегической цели, и в своей совокупности они последовательно служат осуществлению объединяющей их генеральной цели политики противодействия преступности и уголовно-правового воздействия.

Нами представлена возможная структура процесса (механизма) целеполагания и специальной государственной деятельности, направленной на реализацию целей разного уровня в сфере противодействия преступному поведению и преступности, построенная по упомянутому методу «дерева целей».

Мы попытались обнаружить и показать в связке ключевые компоненты механизма противодействия преступному поведению и преступности: обусловленность целей разного уровня соответствующими потребностями, их взаимосвязи и зависимости в соотношении с особенностями деятельности, необходимой для реализации соответствующих целей и удовлетворения обусловивших их потребностей.

Проведенная нами значительная аналитическая работа и полученные результаты, связанные с уяснением сущности феномена уголовно-правового воздействия, его значения и возможностей, а также целеполагания как мобилизующего и ориентирующего фактора повышения его эффективности, составляют необходимую основу для проведения дальнейших обстоятельных научных исследований проблемы механизма уголовно-правового воздействия с акцентом на измерении эффективности разнообразных его форм и мер на разных этапах его реализации.

В текущем году нами также сделан задел для дальнейших этапов исследований. В частности, проделан значительный объем работы, связанной с разработкой феномена наказуемости и проблем уголовного наказания как одной из форм уголовно-правового воздействия — не единственной и не главной, но необходимой и очень важной. В дальнейшем эту работу также планируется завершить и представить в форме коллективной монографии и итоговой научной конференции.

Кроме того, наш исследовательский коллектив находится в научном контакте и конструктивном диалоге с группой наших коллег, работающих над «параллельной» тематикой в рамках научного проекта РФФИ № 19-011-00083 «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности» [9], некоторые результаты которого также представлены на нашей конференции и в сборнике материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Duyunov V. K., Zakomoldin R. V., Podroykina I. A. Criminal Law Impact as A Purposeful Special Activity // Revista Geintec Gestao Inovacao e Tecnologias (RGGIT-AAPI). 2021. V. 11. № 3. P. 1971–1979.*
2. *Duyunov V. K., Zakomoldin R. V., Zayed N. M. On the concept of positive criminal responsibility in the context of criminal law impact: a critical view // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues (JLERI). 2021. Vol. 24. Special Issue. С. 1–8.*
3. *Дуюнов В. К. О научных подходах к определению понятия уголовно-правового воздействия // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : матер. XVIII Междунар. науч.-практ. конф., 21–22 янв. 2021 г., МГЮУ им. О. Е. Кутафина. Москва : РГ-Пресс, 2021. С. 288–292.*
4. *Дуюнов В. К. О понятии уголовно-правового воздействия и его многоаспектности // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф., 27 нояб. 2020 г. / отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А. В. Бриллиантов. Москва : Юрлитин-форм, 2021. С. 121–129.*
5. *Дуюнов В. К. Цели государственной политики в сфере противодействия преступности // Евразийский Союз Ученых. Серия: Экономические и юридические науки. 2021. № 7(88). С. 22–30.*
6. *Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К. О соотношении категорий «механизм обеспечения национальной безопасности» и «механизм уголовно-правового воздействия» // Журнал юридических исследований. 2021. Т. 6. № 2. С. 197–203.*
7. *Закомолдин Р. В. О формальном аспекте регламентации уголовно-правового воздействия в отношении военнослужащих в УК РФ // Вектор*

науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1(44). С. 5–11.

8. Закомолдин Р. В. Криминологическая политика и политика противодействия преступности: соотношение категорий // Вектор развития криминологии в XXI веке : тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф., приуроч. к 30-летию Рос. криминол. ассоц., 18–21 авг. 2021 г., Владимир-Сузdalь / Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых ; Рос. криминол. ассоц. Владимир : ВлГУ, 2021. С. 77–81.

9. Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей: монография / Д. А. Липинский, Н. В. Макарейко, А. А. Мусаткина и др. ; под ред. д-ра юрид. наук., проф. Д. А. Липинского. Москва : РИОР, 2020. 578 с.

РАЗДЕЛ 1

ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ИВАНОВ Н. Г.

*профессор кафедры уголовного права
и криминологии Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста РФ),
д. ю. н., профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Москва)*

ЦЕЛИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Может ли быть поведение бесцельным? Нет, отвечают психофизиологи. И даже в том случае, если человек вдруг, по каким-то причинам, теряет жизненную нить, хотя Мойры продолжают плести её, погружаясь в «экзистенциальное отчаяние», даже в этом случае цель как необходимый продукт разума, не оставляет страждущего, вменяя ему размышления о бренности бытия. И здесь явно или имплицитно цель проявляется себя стремлением к небытию, поскольку человек испытывает страх от явной или неявной потери жизненных ориентиров. Наш разум не терпит пустоты!

Цель царит во всём и в праве в том числе. Рассуждая или пытаясь рефлексировать на тему цели в уголовном праве, невольно вспоминается цитата из Жана Карбонье, который говорил, что право появляется благодаря скандалу [2, с. 290]. И это определение абсолютно верно, поскольку нормативные запреты возникают только в том случае, если есть что запрещать. А для этого скандал и нужен. В таком контексте, тем более будучи юристом, стоит подумать об оде скандалу, поскольку, если бы его не было, не было бы нужды в юристах, и мы все, носящие тогу хотя немного рефлексирующего представителя Фемиды (прошу не забыть — Богини), лишились бы заработка и возможности печататься в таком сборнике, в котором размещены ныне наши произведения.

Фраза Ж. Карбонье о скандале как причине права раскрывает суть права и определяет глобальную, масштабную, можно сказать экуменическую цель права вообще и уголовного права, в частности:

защита граждан от скандала. И вовсе не обязательно — от последствий скандала, но от него самого как нарушителя спокойствия социума, как ненужной для социума вещи в себе. Вот единственная универсальная цель права, определяющая все его отрасли. Морализаторство по поводу воспитания, нравственного совершенствования и проч. — абсолютно лишние мелизмы, которые носят исключительно политический флёр, а в большей мере представляют собой игру на повышение ставок в борьбе за гуманизм (чья правовая система гуманнее). Право, а тем более уголовное право, должно быть страшным, а не привлекательным, в противном случае оно будет всё хуже выполнять свою функцию или, лучше сказать — своё предназначение защиты. «Страшное» в уголовном праве — это прежде всего угроза потери благ, а вовсе не метод флагелляции по древнеримскому правовому обычаю, распятия или драконовской инициативы (нормативные положения афинского законодателя Драконта). Но это «страшное» имеет единственную глобальную цель — защита граждан.

Предлагая рассуждения о глобальной цели, которая предполагает защиту граждан, я имею ввиду, что эта цель всегда сопровождала правовые установления в веках даже тогда, когда право рассматривалось как Божье повеление. Ведь подчинение Богам должно было приносить пользу и спасать от невзгод. Как знамя всеобщего блага цель защиты граждан посредством правовых императивов постепенно превратилась в штамп, хотя, надо сказать, такой штамп является необходимой идеологемой любой правовой системы, любой правовой отрасли. Без такой идеологемы право превращается в оковы, ждущие пассионария, способного их разорвать.

Штамп защиты граждан от скандала был и является важной составляющей каждого законодательного сборника (ст. 7 УК РФ, например). Он является рефреном законодательных реформ, поскольку призван провозглашать гуманистические идеалы. Правда, на этот штамп обращают внимание только в случае возникновения необходимости подчеркнуть «человечный» характер кодекса, а по большому счёту он незаметен, выполняя вместе с тем важнейшую государственную функцию, о которой Макиавелли говорил: «князь должен особенно заботиться, чтобы с уст его не сошло ни одного слова, не преисполненного... добродетелями, чтобы, слушая и глядя на него, казалось, что князь — весь благочестие, верность, человечность, искренность, религия. Всего же важнее видимость этой последней добродетели» [3, с. 85]. Эта сюжетная линия служит вводной частью для того, чтобы предложить подумать о двух глобальных целях в праве и, главным образом, в уголовном праве, которое стоит на

страже наиболее важных интересов. Это цели, которые я предлагаю маркировать так: явные и неявные, т. е. скрытые. Попытаемся кратко разобраться в их существе.

Явная, открытая, идеологически значимая цель — обеспечение безопасности человека, что и провозглашено в ст. 7 УК РФ под флагом принципа гуманизма. Собственно говоря, эта цель и является тем глобальным или экуменическим вариантом, для которого право и предназначено — «спасение» от скандала. Эта цель отдаёт необходимую дань социальным ожиданиям и в свою очередь предполагает фундамент из необходимых промежуточных целей, которые заключаются в частной и общей превенции. Причём эта цель настолько популярна (впрочем, она и должна быть такой), что стала переходить границы разумного в проектах законодательных инициатив, которые предлагает наш «удивительно креативный» законодатель. Если читатель внимательно следит за проектами законов, то каждый раз, в пояснительной записке к проектам инициатор не забывает повторить: «в целях дальнейшей гуманизации уголовного закона». Создаётся впечатление, что современный УК совершенно бесчеловечный, что в этой области царит ужас, похожий на средневековую дыбу. Пора бы уже основательно подумать над тем, что уголовный закон должен быть страшным (разумеется, всё должно быть в меру), а иначе он лишается всякого смысла.

Итак, промежуточными целями гуманизма уголовного закона и одновременно его базой являются общая и частная превенция. Общая превенция понимается как предупреждение совершения преступлений гражданами, склонными к девиациям. Строго говоря, общее предупреждение направлено всем гражданам с учётом содержательной фразы Гёте о том, что он не знает преступления, которое не мог бы совершить сам. Гёте имел ввиду, что каждый человек способен на преступление и это абсолютно верно, учитывая, тем более, что к преступлениям относятся не только умышленные, но и неосторожные деяния. Кроме того, следует в определённой мере учитывать и концепцию эволюции сэра Чарльза Дарвина, на которую автор особенно не упирает, но тем не менее в ней есть рациональное зерно: если мы наследуем генетическую информацию от диких предков, то, следовательно, следы дикости характерны для наших поведенческих реакций, в чём каждый может убедиться на собственном опыте (грубость маме, непослушание в детстве, наказание животного за непослушание, аффективная несдержанность, в особенности по поводу маразмов начальства и т. п.). Но что лежит в основании общего предупреждения? Страх! По сути, это угроза потенциальным «деви-

антам»: не греши, ибо ждёт тебя наказание в виде лишения благ. Все другие коннотации общего предупреждения вряд ли имеют к нему отношение. Не следует забывать, что мы ведём речь о целях в праве, а более конкретно — в уголовном праве, которое характеризуется главным образом репрессивностью. Поэтому иные моменты или цепеполагания, которые касаются, например, воспитания, относятся к области морали, а праву они придают только необходимый флёр справедливой квалификации, освобождения от ответственности и назначения наказания. Для уголовного права, имеющего в качестве одной, хотя и промежуточной цели общую превенцию, именно страх является главным и определяющим моментом. С этим мнением вынуждены были соглашаться и великие гуманисты. Так Петрарка говорил: «Конечно, жестокость вещь опасная и противная человеческой природе, но страх, откуда бы он ни исходил, — это полезная узда для искоренения пороков и укрощения распустившегося народа» [6, с. 381].

Моё право — на острие меча. Эта формула римских законодателей, выведенная Иерингом, актуальна и по сей день для всех стран и народов: «Мечом основан римский мир, и меч или копьё являются древнейшим символом римского права» [4, с. 134]. Именно страх имеет все необходимые потенции для воздержания или воспитания привычки к воздержанию от девиаций. Я не стану рассуждать о преодолении страха в случае неисполнения «страшных» нормативных предписаний. Этот момент хорошо описан в юридической литературе. Моя цель — акцентировать исследовательское внимание на феномене устрашения, без которого превенция превращается в акциденцию.

Частная превенция имеет те же составляющие, что и общая. Но страх здесь проявляется или должен проявляться в большей степени, поскольку она неразрывно связана с наказанием, его даже не исполнением, а претерпеванием. Страх в частной превенции должен быть не только как превентивное устрашение, но и как реальная наполненность необходимыми неудобствами в процессе его исполнения. Эти неудобства должны быть предельно значительными для того, чтобы действовал принцип психологического принуждения: убеждённость в том, что блага свободы гораздо более привлекательны, чем неудобства узилица.

Как общая, так и специальная превенция насыщают или по крайней мере, должны насыщать основную цель права необходимыми потенциями, которые в состоянии быть эффективной защитой от скандала. Как эта экуменическая цель воплощается в действии

тельности, свидетельствует не уменьшающаяся статистика преступности. О причинах такого положения можно поразмышлять, но в другой парадигме, предполагающей самостоятельную тематику. Оставаясь в рамках заявленной темы следует подчеркнуть: главное в том, что цель защиты общества является постоянной константой законодательного сборника, не изменяя своей очевидной экуменической направленности.

Вторая, скрытая цель — защита властной гегемонии. Вот эта цель достигается гораздо более эффективно, хотя она тщательно скрывается за софистическими уловками и схоластическими уверениями. Однако, следует сразу же заметить, что и эта цель сопровождала государственное или общественное строительство со времён первого забора (как известно, по Ф. Энгельсу, право и его нарушение возникли с того момента, когда собственник поставил первый забор).

Государство (князь, император, президент и проч., и проч.) всегда защищали себя и свои интересы, в частности, с помощью правовых императивов. Как справедливо отмечал Г. В. Мальцев, «право всегда было, есть и будет специфической идеологией, за которой стоят интересы различных социальных сил, именно это и делает его предметом так называемой борьбы за право» [5, с. 76]. А там, где есть борьба за право, там неизбежно существует и спрос на право, и наоборот, что подтверждает хорошо известную, но кажется забывающую истину о том, что закон есть право повелителя.

Закон — это воля суверена, как утверждал Мишель Фуко [7, с. 61], и эта максима находила отражение и древнем эпосе, и в трагедиях великих мастеров, и в рассуждениях философов. Так, в куртуазном эпосе «Парсифаль» один из героев, Клингзор, не сумевший спрятаться со своими похотливыми немощами, был изгнан из святого Братства Граала, и чтобы отомстить за свой позор и уничтожить Грааль, основал собственный феод, собрал прекрасных дев и дал им нормативные установки соблазнять благородных рыцарей.

У Шекспира призрак советует Макбету в сцене первой четвёртого акта «Лей кровь и попирай людской закон». Чья власть, того и право.

Цитата из Макиавелли уже приводилась. Но при этом всё же вспоминается Людовик XIV, который говорил: «Государство — это я».

Скрытая цель права — защитить гегемонию правящих страт, так же, как и цель защиты общества от неприятностей, всегда сопровождала развитие общества. В родовых обществах она была представлена менее явно, ибо там надо было подчиняться божественным велениям, в средневековом праве законодатель, он же император, не

стеснялся и обнажал цель личной гегемонии, скрываясь, правда под омофором божественного предстателя на земле. В настоящее время эта цель чаще скрывается, но демиург плохо выдерживает имплицитность и цель защиты правящей гегемонии становится всё более явной. В качестве иллюстрации можно привести нормы из области экономических отношений, которые фактически защищают «денежные мешки», выгодные правящим элитам, позволяя уходить им от уголовной ответственности. Например, ст. 76.1 УК, позволяющая освободиться от уголовной ответственности в случае возмещения ущерба. Давайте честно: те суммы, которые должен заплатить субъект, вряд ли по карману среднестатистическому бюргеру, пытающемуся наладить бизнес «средней руки». Далее вариант *sit lector videtur*, ех (пусть додумывает читатель), хотя, конечно, вариант возмещения вреда выгоден государству. Но где справедливость?

Или варианты уголовной ответственности за участие в деятельности иностранной неправительственной организации (ст. 284.1 УК РФ).

Или отношение по поводу лица, выполняющего функции иностранного агента (ст. 330.1 УК РФ) под статус которого можно подогнать любого неугодного.

Я ни в коем случае не выступаю против такого рода целевой установки, свято памятуя о том, что тезис «чья власть, того и право» был и будет сакральным, а оттого и востребованным. Эта цель всегда будет присутствовать в праве, и мы должны с ней смириться, поскольку правящие страты, точно также, как и отдельные люди, должны себя защищать. Нужно следить лишь за тем, чтобы власть самим фактом принятия ею закона, умеряла свои стремления «поставить этот закон выше морали, нравственности и самой человеческой жизни» [1, с. 123]. Такое всегда будет происходить и это неизбежно для любого общественного развития. Исключено подобное лишь в утопиях. Но всё должно быть в меру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баренбойм П. Д. А.П. Лопухин о философско-правовом учении Канта // Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А. П. Лопухина (1852-1904) / под ред. А. И. Овчинникова. Москва : Проспект, 2020.
2. Карбонье Ж. Юридическая социология. Москва : Прогресс, 1986.
3. Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. Москва : Мысль, 1996.
4. Мальцев Г. В. Культурные традиции права. Москва : НОРМА ИНФРА-М, 2020.

5. Мальцев Г. В. Социальные основания права. Москва : НОРМА ИНФРА-М, 2019.
6. Петрапка. О средствах против превратностей судьбы. Саратов : Волга, 2016.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2020.

ИДРИСОВ Н. Т.

декан юридического факультета
Санкт-Петербургского института юстиции
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
к. ю. н., доцент (г. Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕПОЛАГАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ

Уголовно-правовые запреты имеют крайне важное значение в процессе социального управления. Выступая инструментом воздействия государства на социум и отдельных индивидов, уголовно-правовые запреты, безусловно, легализуются в уголовном законодательстве с определённой целью.

В социальном управлении цель имеет первостепенное значение, что отражается и в определении сущности данного явления: «управление – целенаправленный (курсив наш. – И. Н.) процесс воздействия на объект управления (личность, коллектив, технологический процесс, предприятие, государство), ориентированный на достижение цели (курсив наш. – И. Н.) при минимизации ресурсов и времени; социальное управление – управление людей людьми» [3, с. 9].

В представленном определении социального управления категория «цель» упоминается дважды.

С одной стороны, процесс воздействия на объект управления всегда является целенаправленным, то есть субъект, осуществляющий воздействие на объект управления осознает, предвидит и желает наступления определённых результатов. С другой стороны, постановка цели при достижении социально-значимых результатов всегда требует от субъекта управления наиболее эффективных и качественных мер, обеспечивающих результат управления наименее затратным способом.

«Целевое воздействие (целеполагание и целеосуществление) – это первое слагаемое социального управления, которое существует в строгом единстве с самоорганизацией и организационным порядком.

Однако и самоорганизацию, и организационный порядок невозможно сформировать без целевого воздействия. Целевое воздействие это и первое, и определяющее слагаемое социального управления, однако, оно не возникает само по себе, а определяется «интересом» [2, с. 84].

Таким образом, в теории управления обоснована точка зрения, согласно которой социальное управление состоит из трех слагаемых, находящихся в строгом единстве:

- 1) целевое воздействие;
- 2) самоорганизация;
- 3) организационный порядок [4, с. 212].

Рассмотрим механизм каждого слагаемого социального управления в тех случаях, когда инструментом управления выступает уголовно-правовой запрет.

В первую очередь, необходимо определить для каких целей существуют и применяются уголовно-правовые запреты. Представляется, что основной целью уголовно-правовых запретов является недопущение адресатами запретов деяний, совершение которых признается социально-вредным или социально-опасным.

Длительное воздействие уголовно-правовых запретов на личность должно привести к формированию законопослушного поведения и отрицательному отношению к девиантному поведению в процессе социальных коммуникаций.

Нарушение уголовно-правовых запретов должно влечь применение мер, неблагоприятных для лица, допустившего такое нарушение. Данные меры призваны исправить «дефекты» социального управления, которое не смогло обеспечить законопослушное поведение лица.

На наш взгляд, в процессе социального управления уголовно-правовыми запретами целевому воздействию подвергаются каждый адресат таких запретов (то есть лица, в отношении которых действует уголовно-правовые предписания согласно правилам действия уголовного закона по кругу лиц).

Однако стоит отметить, что данная модель действует при упрощенном понимании общества как механического объединения индивидов. Следует понимать, что конкретный индивид под воздействием социального управления стремится к одной цели, иной индивид — к другой, а группа индивидов, в том числе общество — к третьей, поэтому целевое воздействие на объект управления может приводить к разным результатам.

В социологии обосновывается вывод о том, что вторым слагающим социального воздействия, которое обеспечивает универсальность целей социального управления, является самоорганизация.

Иными словами, под воздействием социального инструмента управления (в нашем случае уголовно-правовых запретов) индивид самоорганизуется и цель воздействия достигается. Безусловно, в сущности любого процесса воздействия используются механизмы и инструменты психологии, поэтому «процесс, который в итоге возникает, оказывается самосовершающимся» [4, с. 234].

Таким образом, в процессе воздействия уголовно-правового запрета на индивида образуется модель законопослушного поведения в результате его самоорганизации и, в большинстве случаев, цель уголовно-правовых запретов достигается.

Однако обеспечение законопослушного поведения отдельного субъекта и социальной общности — это разные модели и способы социального воздействия.

М. К. Жемчугов и А. М. Жемчугов обоснованно заключают: «Самоорганизация индивида на достижение своих целей присутствует практически всегда. В естественных организациях, образующихся для достижения общих интересов и целей индивидов, в которых цели группы и ее членов идентичны, самоорганизация также возникает всегда. Однако в искусственных группах и организациях, перед которым ставятся внешние цели, самоорганизация на достижение внешних целей возникает далеко не всегда, поскольку интересы и цели, на которые направлена деятельность членов организации и поставленная внешняя цель в общем виде различны» [2, с. 85].

Сказанное позволяет сделать вывод, что достижение целей социального воздействия тесно переплетено с такой категорией как «интерес».

Формирование интереса к законопослушному поведению у отдельной личности требует куда менее сложного механизма воздействия, поскольку интерес индивидуальный и обеспечен психологическим воздействием лишь на один образ мышления и одно сознание.

Естественные общности людей (например, семья, друзья и т. п.) также объединены единым или схожим интересом, что также обеспечивает относительную простоту социального воздействия. Интересом семьи является интерес каждого его членов, интересом каждого члена семьи является интересом данной социальной общности в целом. Данное обстоятельство также подтверждается многочисленными исследованиями, согласно которым лицо совершающее преступление в большинстве случаев не имеет семьи и детей.

Однако самоорганизация неестественной группы (в том числе социума) возможно только в тех случаях, когда цели социального воздействия на данную группу и личные интересы членов группы будут гармонизированы.

«Чем более будет гармонизация целей членов группы и внешней цели (а она все же практически всегда присутствует в искусственной организации), тем выше будет самоорганизация группы на достижение внешних целей. Тогда группа будет действовать как субъект социальной деятельности с групповыми интересами, групповыми потребностями, групповыми нормами, групповыми ценностями, групповым мнением, групповыми целями» [1, с. 65].

Таким образом, легализация уголовно-правовых запретов должна осуществляться в целях, которые гармонизированы с интересами отдельной личности и общности этих личностей. Цели уголовно-правовых запретов категорически не должны противостоять законным и позитивным интересам личности и общества. В противном случае, цель уголовно-правовых запретов в обеспечении законопослушного поведения адресатов невозможна к достижению.

Следует отметить, что гармонизация интересов личности, общества и государства возможно только при общности норм, ценностей и идеалов. Учет государством интересов личности и общества при легализации уголовно-правовых запретов является единственным верным путем на пути противодействии преступности.

Данное положение дел возможно только при условии, что в выработке уголовно-правовых новелл должен принимать участие необходимый и достаточный круг лиц, дабы обеспечить максимальный учет интересов социума и адресатов уголовно-правовых предписаний.

Каковы же современные реалии? Соответствуют ли цели новых уголовно-правовых запретов интересам общества и личности?

Следует безоговорочно согласиться с Е. Н. Салыгиным, который утверждает: «Узость круга лиц, обсуждающих уголовно-правовые инициативы, поспешность, с которой они принимаются, в итоге нивелируют или, можно сказать,нейтрализуют фактор уголовной политики, требующей по определению всесторонне изученных, научно-обоснованных рекомендаций. Поэтому можно сказать, что изменения уголовного кодекса продиктованы узкогрупповыми политическими интересами правящей коалиции, в которых находят свое преломление экономические, социальные и иные факторы общественной жизни» [5, с. 11].

Третьей слагающей социального воздействия является организационный порядок как результат целевого воздействия на объект управления. Организационный порядок в процессе социального управления — это формирование общества и отдельно взятой личности с высокой правовой культурой. Общность субъектов с высокой

правовой культурой — это необходимая предпосылка формирования гражданского общества. Только такой человек способен соотносить индивидуальные интересы и коллективные, гармонично совмещающие их. У такого субъекта на рефлекторном уровне отсутствует толерантность к любому противоправному поведению. Поэтому это единственный способ противодействовать преступности как социальному явлению в целом, а не ее отдельным проявлениям или последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Социальная психология. Москва : Аспект Пресс, 1999. 375 с.
2. Жемчугов А. М., Жемчугов М. К. Современная организация: целеполагание и целеосуществление // Приволжский научный вестник. 2013. № 8(24). Т. 1.
3. Кнорринг В. И. Социальное управление. Государство, коллектив, личность : учебник. Москва : Экзамен, 2008. 687 с.
4. Пригожин А. И. Методы развития организаций. Москва : МЦФЭР, 2003. 864 с.
5. Салыгин Е. Н. Социальные основания изменений уголовного закона // Социология уголовного права: Общие вопросы социологии уголовного права и уголовного закона: Социолого-правовые аспекты Особенной части Уголовного кодекса: матер. I Междунар. науч.-практ. конф. «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития» (21-22 сент. 2012 г.). Т. 1 / под общ. ред. Е. Н. Салыгина, С. А. Маркунцова, Э. Л. Раднаевой. Москва : Юриспруденция, 2013. 232 с.

СИТНИКОВА А. И.

профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета,
д. ю. н., доцент (г. Орел)

ЦЕЛЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ И КОНСТРУКТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ

1. Цель как универсальная категория в теории уголовного права используется в качестве инструмента уголовно-правовых исследований и как конструктивный элемент субъективной стороны общего и конкретных составов преступлений, а также как один из признаков правомерного причинения вреда в обстоятельства, исключающих преступность деяния.

В качестве инструмента познания цель фигурирует в уголовно-правовых исследованиях наряду с задачами, которые конкретизируют цель. В этой связи Рудольф Иеринг справедливо утверждал, что цель является творческой основой всего права, так как все правовые положения обязаны своим появлением обязательной постановке целей [1, с. 52]. Это означает, что цель в теории уголовного права является методологическим средством.

В качестве элемента субъективной стороны состава преступления преступная цель выступает в двух ипостасях: во-первых, как факультативный элемент общего состава преступления; во-вторых, как обязательный признак ряда конкретных составов преступлений. При этом во всех составах преступлений цель представляет собой признак умышленной деятельности и влияет на способы реализации умысла, тем самым определяет квалификацию целевых преступлений.

В качестве признака состава правомерного причинения вреда в исключительных ситуациях, предусмотренных ст. ст. 37-42 УК РФ, позитивная (непреступная) цель действий, причиняющих вред, исключает преступность действия, так как направлена на достижение социально-полезного результата.

2. В УК РФ цель преступления является конструктивным элементом ряда уголовно-правовых норм. Этот элемент в статьях Общей части УК РФ играет различную роль. В одних нормах (ст. ст. 37-42 УК) цель выступает в качестве оценочно-квалифицирующего признака, который даёт возможность исключить уголовную ответственность лиц, действовавших с социально-полезными целями в обстоятельствах, предусмотренных законодателем.

В других нормах Общей части УК (ст. ст. 93 и 98) цели образуют ориентировочные компоненты, которые характеризуют цели наказания и цели применения принудительных психиатрических мер [2, с. 147].

В ст. 63 УК РФ в одном из предписаний цель сокрытия другого преступления или облегчения совершения любого преступления предусмотрена в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Этот признак отличается от отягчающих признаков преступлений, так как не влияет на квалификацию содеянного, а учитывается при назначении наказания.

В Особенной части УК цели преступлений выражены несколькими способами:

а) путём прямого указания на наличие определённой цели. Например, при характеристике разбоя указано, что нападение совершается «в целях хищения»;

б) посредством использования предлога «для», который указывает на наличие цели. Например, в ст. 120 УК РФ, сказано, что принуждение к изъятию органов или тканей человека осуществляется «для трансплантации».

Цель преступления в качестве конструктивного элемента в одних случаях выступает в качестве обязательного признака основного состава (ч. 1 ст. 120, ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 173 УК и др.), в других случаях как квалифицирующий признак, характеризующих повышенную опасность деяния (п. «к» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 162 УК и др.). В отдельных составах цель преступления является дифференцирующим признаком, например, цель хищения отличает различные формы и виды хищений от вымогательства.

В теории уголовного права цель применения норм уголовного законодательства рассматривается как противодействие угрозе национальной безопасности, которую создаёт преступность. В этой связи представляется необходимым включить в действующий УК РФ дефинитивную норму о целях уголовного законодательства, предваряющую задачи, указанные в ст. 2 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимов С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты. Ульяновск : Ульян. гос. ун-т, 2002. 147 с.
2. Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния: монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 192 с.

НАЗАРЕНКО Г. В.

профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета,
д. ю. н., профессор (г. Орел)

ЦЕЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследование целей законодателя, указанных в УК РФ, а в ряде случаев не маркированных законодателем в качестве целей преступления, но сформулированных в диспозициях статей в качестве создания условий совершения тяжких и особо тяжких преступлений, позволяет изложить тезисы, которые не претендуют на бесспорность и тем самым задают вектор обсуждения заявленной темы.

1. Цели законодателя, закреплённые в УК РФ, представляют собой направления деятельности правоохранительных и других го-

сударственных органов и организаций, участвующих в противодействии преступности и предупреждении преступлений.

2. Направления деятельности правоохранительных и других государственных органов и организаций должны соответствовать уголовной политике и иным видам политики, которые предусматривают противодействие преступности, а также предупреждение преступлений и общественно опасных деяний, совершаемых лицами, имеющими психические расстройства.

3. В уголовном законе наиболее общие цели законодателя обозначены в качестве задач УК РФ, таких как охрана прав и свобод личности, окружающей среды, общественного порядка и безопасности, конституционного строя, обеспечения мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Авторы, отождествляющие цели и задачи УК РФ, обоснованно ставят знак равенства между целями и задачами, но при этом упускают из виду наличие в уголовном законе общих и частных целей [1. с. 207].

4. Задачи, сформулированные в ч. 1 ст. 2 УК РФ, являются общими целями правоохранительной системы российского государства. А. И. Ситникова справедливо отмечает, что уголовный закон в целом и его предписания обладают таким признаком как целенаправленность, то есть наличие чётко поставленных перед правоохранителем целей [2, с. 43, 52].

5. Частные цели законодатель сформулировал, во-первых, в качестве целей наказания, включающих в себя: а) восстановление справедливости, б) исправление осуждённого лица; в) предупреждение преступлений (ч. 2 ст. 43 УК); во-вторых, как цели принудительных мер медицинского характера, направленные на излечение психически больных лиц или улучшение их психического состояния, а также на предупреждение совершения этими лицами новых деяний (ст. 98 УК).

6. Законодатель в большинстве случаев не декларирует цели уголовно-правовых норм, так как все нормы УК РФ служат общим целям, в качестве которых выступают два направления деятельности: охрана наиболее ценных общественных отношений и предупреждение преступлений.

7. Информация о способах охраны государственно значимых общественных отношений и предупреждения преступлений закреплена в нормах Общей и Особенной частей УК РФ в структурно-системном виде, что даёт возможность правопримениителю реализовать цели, поставленные законодателем, как направления деятельности и отчасти в качестве представлений о желаемых результатах.

8. Цели законодателя противостоят целям лиц, нарушающих уголовное законодательство, ибо законодатель противодействует совершению преступлений уголовно-правовыми средствами деятельности тех субъектов, которые умышленно либо по неосторожности, нарушают уголовно-правовые запреты, реализуя преступные цели умышленных преступлений либо мотивы неосторожных деяний.

9. Криминальные цели законодатель указывает в наиболее опасных умышленных преступлениях в качестве признаков, квалифицирующих таких деяния, как убийство (п. п. «к», «м» ч. 2 ст. 105 УК), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК), торговля людьми (п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК), террористический акт (ч. 1 ст. 205 УК) и др. В ряде случаев преступная цель, которая заключается в создании условий для совершения преступления, служит индикатором преступлений с усечённым составом, то есть деяний, которые законодатель признаёт оконченными на этапе приготовления (ст. ст. 205.1-205.5 УК). В таких случаях цель преступления охватывает всю диспозицию соответствующих деяний, так как даётся описательно. Цель, указанная в усечённом составе разбоя, даёт возможность квалифицировать разбойное нападение как оконченное преступление на этапе покушения, что также свидетельствует о повышенной общественной опасности деяний, признаки которых указаны в нормах ст. 162 УК РФ.

10. В отдельных случаях законодатель смешивает такие конструктивные признаки как мотив и цель преступления. Так, в примечании 1 к ст. 158 УК РФ вместо корыстного мотива указана корыстная цель. В результате в составе разбоя фактически наличествуют две цели: корыстная цель, указанная в дефиниции хищения, и цель разбойного нападения, обозначенная как «цель хищения».

Изложенные сведения позволяют сделать вывод, что целеполагание в уголовном праве и уголовном законодательстве является перспективным направлением исследований в теоретическом и прикладном аспектах, требующим основательных философско-методологических, психологических и уголовно-правовых знаний и теоретико-прикладных разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 1: Понятие уголовного права. Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинина, 2005. 699 с.
2. Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права. Москва : Юрлитинформ, 2011. 344 с.

ЛЬВОВ Р. А.

заместитель председателя
Нижнекамского городского суда Республики Татарстан,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса Казанского инновационного
университета им. В. Г. Тимирясова (г. Нижнекамск)

О НАЦЕЛЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ГУМАНИЗАЦИЮ ПОСРЕДСТВОМ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА

13 октября 2020 г. Пленум Верховного Суда РФ принял проект постановления «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», который 15 февраля 2021 г. был внесен в нижнюю палату Федерального Собрания РФ. Это уже вторая за последние три года попытка ввести в Российское уголовное законодательство категорию уголовного проступка.

Данная законотворческая инициатива Верховного Суда РФ – событие если не революционное, то, безусловно, неординарное, поскольку высший судебный орган страны инициирует идею, которая ранее была подвергнута критике в научной среде, а впоследствии проигнорирована законодателем.

Согласно законопроекту, уголовным проступком признается «совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое настоящим кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы», за исключением ряда преступлений.

В пояснительной записке говорится: «С учетом приведенных критериев законопроектом предлагается отнести к категории уголовного проступка 112 составов преступлений, включая 53 состава преступлений в сфере экономики».

Следует более детально разобрать предложение о переводе части уголовных преступлений в категорию уголовных проступков с точки зрения гуманизации уголовного законодательства.

В соответствии с концепцией законопроекта уголовный проступок не предлагается рассматривать как самостоятельный вид правонарушения, в отличие от законодательства ряда зарубежных стран, ответственность за совершение которого предусмотрена другой отраслью права. Исходя из основной идеи законопроекта, следует, что уголовный проступок, несомненно, содержит все признаки преступ-

ления, в том числе является общественно опасным, и в то же время, отличается тем, что его опасность для общества является минимальной, как и опасность лица, его совершившего, что позволяет применить к нему иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся уголовным наказанием.

Конечно, подобный подход ни в коем случае не предполагает бесспорного освобождения от уголовной ответственности, и при решении данного вопроса принимаются во внимание все данные, характеризующие личность лица, привлекающегося к уголовной ответственности. Учитывается как минимальная общественная опасность деяния, так и собственно данные о личности лица, его совершившего, а именно: — отсутствие неснятой или непогашенной судимости, отсутствие факта его освобождения от уголовной ответственности за уголовный проступок в течение одного года до совершения соответствующего деяния.

При этом, с учетом необходимости соблюдения баланса интересов личности, государства и общества за потерпевшим, либо его законным представителем или прокурором в случаях, предусмотренных законом, сохраняется право на предъявление гражданского иска о возмещении причиненного преступлением имущественного вреда и компенсации морального вреда. Тем самым обеспечиваются установленные Конституцией РФ гарантии прав лиц, пострадавших от преступления на доступ к правосудию и на возмещение причиненного им ущерба.

Часть экспертов, опираясь как на анализ законодательства, так и статистику применения соответствующих норм, приходят к выводу, что такая новелла, как «институт уголовного проступка», позволило бы сделать действующий УК РФ более эффективным как в плане профилактики лиц, которые преступили уголовный закон впервые, совершив при этом незначительное, с точки зрения общественной опасности деяние, так и на, так называемых, случайных преступников.

Другие криминологи с приведенными тезисами категорически не согласны, полагая, что введение уголовного проступка в российское законодательство не оправдано ни с соображений сложившейся системы уголовно-правового регулирования общественных отношений, ни с точки зрения логики. При этом утверждая, что указанного выше положительного эффекта вполне можно добиться и просто переведя ряд преступлений в разряд административных правонарушений.

Полагаем, одной из причин разработки этого законопроекта явился социальный запрос общества в сфере уголовной политики и

высокий уровень криминализации населения страны. Необходимо отметить, что доля преступлений небольшой тяжести ежегодно составляет около 40% от общего числа выявленных (зарегистрированных) преступлений в стране (если взять итоги 2019 года, то — 44%). А удельный вес осужденных за преступления этой категории в общем количестве осужденных и того выше — около 50% (по итогам 2019 года — 51%). Причем около 30% из них — это осужденные к наказанию в виде лишения свободы (реальному и условному). Таким образом, учитывая статистику по судимости за 2019 год понятие «уголовный проступок» может быть, в абсолютных цифрах, распространено на 68 044 лица, включая почти 50 тыс. человек, совершивших преступления в сфере экономики.

Предложенные изменения позволят гражданам, впервые совершившим преступление небольшой тяжести, не «ломать жизнь и карьеру». Нельзя не признать, что наличие судимости — это репутационные потери, хотя с точки зрения закона лицо является восстановленным в статусе «законопослушного члена общества», в глазах, как потенциального работодателя, так и в должностных лиц правоохранительных органов наличие привлечения к уголовной ответственности, отрицательно характеризуют личность.

Поэтому основной идеей введения института уголовного проступка является не столько отказ от наказания, связанного с ограничением либо лишением свободы, сколько минимизации правовых последствий его совершения в виде судимости. Такая конструкция позволит снизить нагрузку, как на следственные органы, так и на судебную систему и органы исполнения наказания, а привлечение к ответственности за совершение уголовного проступка не повлечет негативного последствия для судьбы человека, минимизируя правовые последствия в виде судимости.

Полагаем, что разработчики законопроекта верно определили признаки, необходимые для перевода преступления в разряд проступков. На начальном этапе такое разграничение является достаточным. В случае принятия законопроекта необходимо проанализировать статистические данные, в том числе и по рецидиву преступлений, и еще раз вернуться к вопросу об отнесении преступлений к проступкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов А. Г. Уголовный проступок и его природа / А. Г. Блинов, А. М. Герасимов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2(73). С. 19–24.

2. Бочкарева Е. В. Основные направления противодействия самодетерминации преступности в целях ее минимизации // Юрист. 2019. № 7. С. 70–75.
3. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в структуре уголовного закона: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 387–400.
4. Гальперин И.М. Социальные и иные основы депенализации / И.М. Гальперин // Советское государство и право. 1980. № 33. С. 60-69.
5. Домченко А. С. Административно-правовые модели нормирования деятельности: в поисках альтернативы // Юрист. 2019. № 9. С. 70–77.
6. Незнамова З. А. Административная преюдиция как критерий криминализации противоправного действия / З. А. Незнамова, А. В. Незнамов // Российское право. 2018. № 2. С. 4–9.
7. Победкин А. В. Иллюзия презумпции невиновности (зачем нужен уголовный проступок) // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 27–30.
8. Рогова Е. В. Уголовный проступок в истории отечественного законодательства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 3(58). С. 101–110.
9. Янина И. Ю. Инструменты признания криминализованного действия уголовным проступком (на примере преступлений против личности) // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 5–8.

БУРАНОВ Г. К.

доцент кафедры правовых дисциплин
Ульяновского филиала РАНХиГС при Президенте РФ,
адвокат Адвокатской палаты Ульяновской области,
к. ю. н., доцент (г. Ульяновск)

**ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ СТАТЬИ 64
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Телеологическое толкование закона представляет собой способ (прием, метод) его толкования, заключающийся в определении смысла содержащейся в нем нормы права, исходя из ее целевой направленности. Необходимость телеологического толкования предопределяется интегрирующей ролью цели правового регулирования, выходящей за пределы непосредственного содержания нормы, но объясняющей его и объединяющей его единой направленностью на достижение конкретного результата [10].

Использование теологического приема в толковании ст. 64 УК РФ позволяет устраниТЬ проблему разнотечения непосредственно пра-

вила назначения наказания при наличии исключительных смягчающих обстоятельств.

Так, в ч. 1 ст. 64 УК РФ закреплено положение о том, что исключительное смягчение наказания производится помимо избрания более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление, или неприменения обязательного дополнительного наказания также еще в одном варианте — назначением основного наказания *ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ*. Пenalный алгоритм не является новацией и исторически «унаследован» из советского уголовного законодательства (ст. 51 УК РСФСР 1926 г., ст. 37 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., ст. 43 УК РСФСР 1960 г., ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г.).

В судебной практике интерпретация выделенного правила ч. 1 ст. 64 УК РФ при его неизменности с момента принятия кодекса не отличается четкостью и последовательностью в рассматриваемом аспекте, что сформировало сомнительную в своей справедливости судебную практику и неоднозначные взгляды в уголовно-правовой науке.

По первому постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания», «назначению наказания ниже низшего предела, указанного в санкции статьи Особенной части УК РФ, не препятствует наличие в санкции этой же статьи альтернативных более мягких видов наказаний (например, часть вторая статьи 158 УК РФ, часть вторая статьи 159 УК РФ)» (п. 8).

Предложенное разъяснение дало повод для утверждений специалистов о возможности назначения по ст. 64 УК РФ в отношении санкций с несколькими основными видами наказания строгого, в том числе наиболее строгого его вида с избранием срока (размера) ниже, чем закрепленный в санкции его минимум. Например, М. Н. Ставровский комментировал свой вывод непосредственно на указанной в постановлении ч. 2 ст. 158 УК РФ [5, с. 281].

Последующее постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной пенализации 2007 г. формулировку толкования отчасти изменило: «Назначению более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, не препятствует наличие в санкции статьи Особенной части УК РФ, по которой лицо признано виновным, альтернативных более мягких видов наказаний (например, часть вторая статьи 158, часть вторая статьи 159 УК РФ)» (п. 12 постановления от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами

Российской Федерации уголовного наказания»). В результате замены в пункте фразы об исследуемом варианте пенализации на выражение, текстуально совпадающее с названием ст. 64 УК РФ, смысл разъяснений, как следствие, также изменился. Речь идет не о допустимости понижения строгого наказания при «соседстве» с более мягкими, а об отсутствии препятствия для применения нормы данной статьи при так называемой «альтернативной» санкции за преступление.

Тождественная схема словесной конструкции и примеров, используемых в обоих постановлениях, породила заблуждение в аутентичности новой и прежней трактовки закона. Одни правоведы, не усмотрев его, допускают прямую ошибку. Так, Л. Л. Кругликов и С. И. Курганов подчеркивают, что п. 12 постановления непосредственно говорил о дозволенности избрания строгого вида наказания с пониженным сроком (размером), не смотря на присутствие более мягких его основных видов в санкции [4, с. 901; 2, с. 68]. Другие юристы ссылаются лишь на выявленный ими смысл разъяснения. В частности, А. П. Чугаев и Е. Г. Веселов предполагают «выбор судом одного из видов наказания, перечисленных в санкции статьи Особенной части УК РФ» [9, с. 140], а Е.В. Благов связывает выбор суда «с конкретным наказанием, а не с санкцией в целом» [1, с. 53].

Единственное отличие в разъяснениях, которое обнаруживали авторы, заключалось в некорректном использовании примеров норм ч. 2 ст. 158 и ч. 2 ст. 159 УК РФ, редакции которых изменились [6, с. 106–107].

Ныне действующее постановление высшей судебной инстанции по вопросам назначения уголовного наказания сохранило анализируемый текст постановления 2007 г., но без иллюстрации примерами (п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»). Не поменялись и устоявшиеся взгляды ученых на применение рассматриваемого правила. Так, Н. А. Лопашенко отмечает, что «суд может выйти за нижние пределы не только самого мягкого наказания, предусмотренного в альтернативной санкции, но и за пределы любого содержащегося в этой санкции наказания» [8, с. 216].

Изложенная позиция представляется некорректной, противоречащей телеологическому толкованию ст. 64 УК РФ. Его предтечей выступает понимание сложившихся процессов законодательной и судебной пенализации.

Общий посыл пенализации восходит к конституционно-правовым позициям, устоявшимся в российской правовой доктрине. Со-

гласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П, уголовно-правовые последствия совершенных преступлений, исходя из требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускают возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства и которая — в силу принципа верховенства права — не допускает использования средств уголовного закона для несоразмерного, избыточного ущемления прав и свобод при применении мер уголовной ответственности (п. 2). Конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется также дифференциация публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения (п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П). Соответственно меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного действия, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств. Именно поэтому УК РФ предусматривает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6); при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60).

Законодательная пенализация и судебная пенализация — два взаимосвязанных процесса, предполагающих и предопределяющих друг и друга.

С одной стороны, определение санкций за преступления, формирование их содержания из видов наказаний и их размеров/сро-

ков обязывает законодателя на основе конституционных требований необходимости и пропорциональности дифференцировать их в зависимости от существенных факторов, влияющих на индивидуализацию уголовного принуждения. Законодатель при формировании санкции за определенный вид преступления, во избежание излишней казуальности норм, учитывает множественность реально возможных проявлений посягательства, степень вариативности его признаков, отражающихся в большей или меньшей общественной опасности содеянного, пределы прогнозируемой опасности личности. В результате складывается абстрактное обобщенное или типовое (индуктивное) наказание, рассчитанное в применении на криминальные случаи этого вида.

С другой стороны — применение одинаковых мер уголовной ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без надлежащего учета характеризующих обвиняемого обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции РФ идеям справедливости и гуманизма. Суд, рассматривая конкретное дело, отталкиваясь от конкретных обстоятельств посягательства, выраженнойности его уголовно-значимых признаков и характеристик виновного, ранее учтенных законодателем в санкции, методом индивидуализации (дедукции) избирает из типового наказания конкретную меру — точные вид и размер наказания для данного реального случая.

Однако санкция нормы есть не абсолютно емкое отражение многообразия характеристик определенного вида преступления и совершающих его лиц. Это типовое наказание для типового (типичного) конкретного вида преступления. Вне её рамок остаются экстраординарные ситуации, когда одно или несколько обстоятельств, достаточно редкие, чтобы быть типичными, существенным образом снижают общую оценку содеянного и настолько, что «выводят» его наказуемость за регламентированный законом нижний предел. Отсутствие их учета в типовом наказании не означает, что они упущены законодателем из вида. Глава 9 УК РФ, предусматривающая исчерпывающий перечень видов наказаний и их размеров (сроков), фиксирует общую наказуемость преступного по уголовному кодексу как отображение общей социальной опасности всех видов преступлений вместе взятых. В указанных экстраординарных ситуациях пониженная в сравнении с учтенной в санкции оценка содеянного принимается во внимание в границах общей наказуемости преступлений. При этом выйти за нижнюю границу общей наказуемости

преступлений (по УК РФ – штраф в размере 5.000 руб.) невозмож-но: фактически поступок по уровню опасности подпадает под дей-ствие ч. 2 ст. 14 УК РФ, т.е. не представляет общественной опасно-сти в уголовно-правовом смысле.

Отмечая роль ст. 64 УК РФ в вопросе пенализации, Консти-туционный Суд РФ подчеркнул: «Установление такого регулирова-ния воплощает конкретизированные в уголовном законе конституаци-онные начала справедливости и гуманности и преследует цель умень-шения уголовной репрессии до необходимого минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания» (Определения от 25 декабря 2008 г. № 941-О-О, от 29 января 2009 г. № 16-О-О, от 24 декабря 2012 г. № 2342-О, от 25 сентября 2014 г. № 1992-О и др.).

Для судебной пенализации правила учета таких ситуаций и выхода за нижний порог санкции смоделированы и введены в статье 64 УК РФ; обстоятельства в полном соответствии своей сути и выполняемой функции названы исключительными смягчающими, т. е. являющиеся исключением, не распространяющиеся на все случаи [3, с. 218]. По мнению Ю. А. Красикова, они свидетельствуют «об отсутствии той общественной опасности, которая по общему правилу типична для данного вида преступления» [7, с. 430].

Изложенная социально-правовая природа положений статьи 64 УК РФ точно отражена в ее наименовании – «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление». Бук-вальное толкование названия означает, что при любых случаях при-менения нормы назначенное наказание всегда должно быть мягче санкции, установленной за содеянное, т. е. ниже по виду наказания либо его размеру или сроку того минимального наказания, которое установлено за данное преступление (минимума санкции). Соответ-ственно назначение наказания ниже нижнего предела есть правило, рассчитанное и допустимое в применение в отношении санкций за преступление либо с единственным основным наказанием, либо в отношении наиболее мягкого из нескольких содержащихся в ней основных видов наказания. Иначе степень избираемой кары строго наказания с пониженным сроком (размером), превышающая суро-вость иных основных наказаний в санкции, будет несоразмерной опасности содеянного и личности виновного, балансу интересов осуж-денного и общества и несоответствующей предназначению статьи 64 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благов Е. В. Наказание и иные меры уголовно-правового характера: лекции. Москва : Юрлитинформ, 2011. 240 с.
2. Курганов С. И. Назначение наказания и освобождение от наказания: курс лекций. Москва : Юрлитинформ, 2014. 176 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 17-е изд., стереотип. Москва : Рус. яз., 1985. 797 с.
4. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. 1133 с.
5. Становский М. Н. Назначение наказания. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 1999. 480 с.
6. Степашин В. М. Специальные правила назначения наказания и мер уголовно-правового характера. Москва : Юрлитинформ, 2012. 520 с.
7. Уголовное право России: в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. 1: Общая часть. 2-е изд., перераб. Москва : Норма, 2008. 623 с.
8. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т. 6: Назначение наказания / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2021. 736 с.
9. Чугаев А. П., Веселов Е. Г. Назначение наказания. Москва : Юрлитинформ, 2008. 328 с.
10. Элементарные начала общей теории права / под ред. В. И. Червонюка. Москва : Право и Закон : КолосС, 2003. 544 с.

ВОЛОСЮК П. В.

зав. кафедрой уголовного права и процесса
Северо-Кавказского социального института,
к. ю. н., доцент

АБУЛГАЗИЕВ Р. З.

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Ставропольского филиала Российского
технологического университета – МИРЭА,
к. ю. н., доцент (г. Ставрополь)

ПРОВОКАЦИЯ ВЗЯТКИ ИЛИ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ С ОПЕРАТИВНЫМ ЭКСПЕРИМЕНТОМ

В современных условиях прогрессивным мировым сообществом осознается повышенная общественная опасность коррупционных проявлений во всех сферах социума. Об этом свидетельствует приня-

тие ряда международных документов, подтверждающих потенциальную готовность ведущих мировых держав бороться с данным социальным злом. Ратификация Российской Федерацией Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. предопределила совершение действующих антикоррупционных мер. За сравнительно непродолжительный период государством был принят ряд новых для отечественного законодательства нормативных актов концептуального и прикладного характера, а также внесены изменения в действующие федеральные законы. Несомненно, что правовой основой новой антикоррупционной политики стал Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», воплотивший как основные принципы противодействия коррупции, так и приоритетные направления борьбы с ней. Однако усиление уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, принятие иных мер по активизации выявления коррупционных деяний накладывают особую ответственность на лиц, уполномоченных выявлять и раскрывать указанные посягательства, так как если процессуальным путем выявить факт совершения преступления коррупционной направленности не всегда представляется возможным, то единственный способ — это осуществление оперативно-розыскной деятельности и в частности проведение такого оперативно-розыскного мероприятия как оперативный эксперимент.

Оперативный эксперимент позволяет создать и контролировать условия, в которых проявляют свой преступный умысел взяткодатель и взяткополучатель, а также иные лица, которые могут содействовать данным лицам в даче (получении) предмета взятки или коммерческого подкупа, иными словами речь идет и о таких участниках коррупционных действий как посредники во взяточничестве. Осуществляя факт выявления действий коррупционной направленности посредством проведения оперативного эксперимента, важно соблюдать требования, установленные Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», где в ст. 8 сказано об основаниях для проведения оперативно-розыскных мероприятий, так как не по всем составам преступлениям предусматривающим ответственность за преступления коррупционной направленности такое мероприятие возможно, в противном случае это может привести к появлению в материалах уголовного дела недопустимых результатов оперативно-розыскной деятельности и соответственно в последующем недопустимых доказательств. В этой связи при проведении оперативного эксперимента важной составля-

ющей является соблюдение законности проведения данного мероприятия, и недопущение провокации со стороны сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В ст. 304 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Особенность конструкции состава преступления предусмотренного ст. 304 УК РФ заключается в том, что должностное лицо, т. е. сотрудник органа осуществляющего оперативно-розыскную деятельность умышленно создает обстановку (событие) взяточничества (подкупа), при отсутствии намерения и самого факта получения (передачи) должностным лицом или лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой и иной организации предмета взятки (подкупа).

Приведем наглядный пример, ставший нам известным при даче правового заключения в отношении руководителя регионального учреждения медико-социальной экспертизы, в отношении которого состоялся оправдательный приговор по ст. 290 УК РФ. Обстоятельства дела состояли в том, что в отдел по борьбе преступлениями коррупционной направленности обратился гражданин А., который сообщил, что руководитель учреждения МСЭК в городе П. требует от него взятку в 5000 руб. за положительное принятие решения о его нетрудоспособности. Оперативные сотрудники выдали гражданину А. банкноту номиналом 5000 руб. для ее «контролируемой передачи» должностному лицу. Однако в процессе контакта с руководителем учреждения МСЭК, гражданину А. не получилось передать предмет взятки, и он выбросил банкноту номиналом 5000 руб. на лестничном пролете между 4 и 5 этажами. Несмотря на то, что оперативно-розыскное мероприятие не увенчалось успехом сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность «оформили материал», указав, что должностное лицо получило предмет взятки.

Описанная ситуация наглядно свидетельствует нам о создании сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, видимости получения должностным лицом предмета взятки при отсутствии у должностного лица умышленных действий в отношении предмета преступления. Именно по этой причине в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» сказано, что «согласие должностного лица принять незаконное вознаграждение в качестве взятки или предмета

комерческого подкупа, исключает квалификацию содеянного по ст. 304 УК РФ.

В указанном постановлении Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что «от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа». Указанные провокационно-подстрекательские действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Закона об ОРД и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Можно заключить, что провокационная деятельность сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, характеризуется такими признаками как:

- одностороннее формирование умысла на совершение преступления коррупционной направленности;
- использование односторонне возникшего и реализуемого умысла по созданию видимости в передаче предмета взятки (подкупа) в целях дискредитации потерпевшего и искусственного создания доказательств виновности в совершении коррупционного преступления;
- цель провокационно-подстрекательских действий — возбуждение уголовного дела и преследование лица за совершение преступления коррупционной направленности [1, с. 60].

Таким образом, провокация и подстрекательство различаются по объективным и субъективным признакам. Подстрекательство характеризуется склонением другого лица к совершению желаемого для подстрекателя преступления. Провокация преступления характеризуется более сложным содержанием, которое состоит из двух элементов — провокации и подстрекательстве к совершению преступления. Цель провокатора передать лицо правоохранительным органам и привлечь к уголовной ответственности либо впоследствии шантажировать его, а для этого необходимо побудить его совершить преступление [2, с. 30].

С одной стороны выполнение требований российского законодательства по борьбе с преступлениями коррупционной направлен-

ностью может положительно восприниматься руководством соответствующих учреждений, с другой стороны сами сотрудники, осуществляющие провокационно-подстрекательские действия становятся фигурантами уголовного дела за свою противоправную деятельность, так как фактически на момент начала проведения оперативного эксперимента не обладают необходимой информацией о намерении должностного лица или лица осуществляющего управленческие функции в коммерческой и иной организации получить предмет взятки (подкупа). Если же поступила оперативная информация, о намерении получить лицом взятку (подкуп), то в такой ситуации сотрудники, проводя оперативный эксперимент, не создают условий для совершения преступления, т. е. не провоцируют его, а всего лишь осуществляют «контролирующую передачу» предмета взятки (подкупа).

Противоправная деятельность сотрудников, осуществляющих оперативный эксперимент, неоднократно становится объектом внимания Европейского Суда по правам человека [3, с. 84].

Например, в Постановлении ЕСПЧ от 30 октября 2014 г. по делу Носко и Нефедов против Российской Федерации, где заявители обжаловали законность осуждения за взяточничество, которое явилось следствием провокации со стороны сотрудников органов внутренних дел, судом было установлено, что по делу допущено нарушение требований п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В своем постановлении, вынесенном по жалобе Г. А. Ваньяна к Российской Федерации, ЕСПЧ отметил: «использование тайных агентов должно быть запрещено, и меры ограждения от них приняты даже в делах, касающихся борьбы против наркоторговли. Из требований справедливого суда по ст. 6 вытекает, что общественные интересы в борьбе против наркоторговли не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации полиции. Когда случается, что действия тайных агентов направлены на подстрекательство преступления, и нет оснований полагать, что оно было бы совершено без их вмешательства, то это выходит за рамки понимания «тайный агент» и может быть названо провокацией. Такое вмешательство и его использование в разбирательстве уголовного дела может непоправимо подорвать справедливость суда» [4].

Собственно, и сам Верховный Суд РФ в Кассационном определении от 17 января 2013 г. № 87-О12-15 отмечает, что «для проведения оперативного эксперимента с целью изобличения взяткополучателя не достаточно только наличия оперативной информации о ранее совершенных должностным лицом таких деяниях. Использо-

вание оперативного эксперимента допустимо в целях выявления уже совершающегося преступления».

ЛИТЕРАТУРА

1. Радачинский С. Н. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1. С. 59–63.
2. Иванов В. Д. Провокация преступления / В. Д. Иванов, В. А. Черепахин // Российский следователь. 2013. № 14. С. 29–32.
3. Черепанова О. С., Шнитова А. А. Проблема провокации преступлений сотрудниками правоохранительных органов (по материалам практики Европейского Суда по правам человека) // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 84–87.
4. Чистяков А. А. Общие начала уголовной ответственности за провокационно-преступную деятельность // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: матер. Межвед. круглого стола (Рязань, 14 апреля 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. Рязань : Концепция, 2016. С. 164–173.

СИЗОВА В. Н.

ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
к. ю. н., майор полиции (г. Москва)

ЦЕЛИ И ИТОГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Отличительной особенностью систем уголовного законодательства большинства стран ближнего зарубежья выступает их трансформация на основе Модельного уголовного кодекса 1996 г. для стран СНГ, а также Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. [4, с. 122–126]. Не явились исключением Общие и Особенные части, закрепленные в уголовных кодексах в качестве структурных элементов.

На наш взгляд, наиболее актуальным на сегодняшний день является исследование *системы уголовного законодательства Кыргызской Республики*, поскольку относительно недавно в Кыргызстане был дан «зеленый свет» широкомасштабному реформированию матери-

ального и процессуального уголовного права, в результате которого в стране вступило в силу новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Следует отметить, что реформирование Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов началось еще в апреле 2021 г., а до того они не раз подвергались критике со стороны разработчиков действующих кодексов и юристов. В сентябре 2021 г. Президент вернул проекты на доработку. Доработанные по итогам возражений главы государства и принятые затем проекты были подписаны Президентом страны 28 октября 2021 г.¹

Вместе с тем, следует отметить, что до 1 января 2019 г. продолжал действовать Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. (далее – УК КР)², который, по мнению ряда ученых, имел своей фундаментальной основой классический образец советского уголовного права, на смену которому пришли обновленные кодексы, привнесшие уголовно-правовой опыт Франции, Англии, США, что позволяет говорить о влиянии англо-саксонского права на правовую систему Кыргызской Республики [2, с. 388].

22 декабря 2016 г. Президент Кыргызской Республики подписал закон³, который имел направленность на принятие ряда основополагающих нормативных актов в сфере уголовной юстиции и с 1 января 2019 г. вступили в действие три новых кодекса: Уголовный кодекс, Кодекс о проступках и Кодекс о нарушениях⁴. В числе нова-

¹ О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях и внесении изменений в некоторые законодательные акты: закон Кыргызской Республики № 126 от 28 октября 2021 года. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112305?cl=ru-ru> (дата обращения 11.09.2021).

² Уголовный кодекс Кыргызской Республики № 68 от 1 октября 1997 года. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568> (дата обращения 06.09.2021).

³ О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о проступках, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики, Закона Кыргызской Республики «Об основах амнистии и порядке ее применения»: закон Кыргызской Республики № 10 от 24 января 2017 года. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37444652#pos=0;210 (дата обращения: 28.09.2021).

⁴ Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях № 58 от 13 апреля 2017 года. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111565> (дата обращения: 06.09.2021).

ций в области уголовного законодательства оказалась новая трехкомпонентная градация общественно опасных деяний на нарушение, уголовный проступок и преступление, что стало существенным отличием от их прежней двухкомпонентной классификации на преступление и административное правонарушение. Нормативно данные изменения, как отмечается в юридической литературе, привели к необходимости в уголовно-правовом регулировании посредством Уголовного кодекса Кыргызской Республики и Кодекса Кыргызской Республики о проступках (далее — КоП КР) [5, с. 137–141].

В июле 2021 г. Парламентом Кыргызской Республики во втором и третьем чтениях были принятые новые проекты Уголовного, Уголовно-процессуального кодексов и Кодекса о нарушениях, которые в сентябре 2021 г., как указывалось ранее, по причине внутренних противоречий конституционным положениям и нормам действующего законодательства Кыргызской Республики были возвращены Президентом с целью выработки согласованного варианта [8].

По мнению экспертов, в предложенных законопроектах были значительно сокращены права граждан, снижен уровень гуманизации с одновременным увеличением коррупционной составляющей принимаемых изменений. Новый Уголовный кодекс, как отмечает главный прокурор Кыргызской Республики Курманкул Зулушев, на 92% отличается от действующего УК КР. В него в частности, были внесены 47 новых поправок и исключены 34 нормативных акта [6].

Основными отличительными чертами проекта нового Уголовного кодекса Кыргызской Республики являются следующие новеллы: так, в отличие от УК РК 2019 г., в Уголовном кодексе Кыргызской Республики 2021 года законодателем в ст. 1 определены задачи уголовного закона, к числу которых были отнесены определение принципов уголовной ответственности, оснований уголовной ответственности, признаков общего понятия преступления, круга общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями, видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам, совершившим преступления⁵.

Появились значительные изменения в классификации преступлений, в частности, в ст. 19 действующего УК РК законодателем указывается на то, что все преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности подразделяются на преступления

⁵ Уголовный кодекс Кыргызской Республики № 127 от 28 октября 2021 года. URL: Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/gi-gi/112309?cl=gi-gi> (дата обращения: 12.09.2020).

небольшой тяжести, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. Таким образом, проступки в новом УК РК стали преступлениями небольшой тяжести. В этой связи, в юридической литературе отмечается, что подобное законодательное решение противоречит ст. 57 Конституции Кыргызской Республики.

Так, по мнению проф. Л. Ч. Сыдыковой, преступления небольшой тяжести и проступки – это не одно и то же, в связи с чем, законодательное решение вернуть их в Уголовный кодекс КР в качестве преступлений вступает в противоречие с новыми конституционными положениями [7].

В соответствии с ч. 1 ст. 57 Конституции Кыргызской Республики, каждый считается невиновным в совершении преступления и/или проступка, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда⁶.

Следует также отметить, что для Кыргызской Республики 2021 год стал годом широкомасштабных изменений практически во всех отраслях и сферах жизни общества. В частности, 11 апреля 2021 г. в Киргизии прошел Конституционный референдум, результатом которого стала новая президентская форму правления, пришедшая на смену парламентско-президентской [3], вследствие чего президентские полномочия подверглись существенному усилению; было ликвидировано правительство, вместо которого появился кабинет министров во главе с руководителем президентской администрации; теперь президент вправе по своему усмотрению решать вопрос с составом кабинета министров и назначать руководителей региональных администраций; также был создан народный курултай (съезд), участники которого получили право законодательной инициативы; практически в два раза было сокращено число депутатов Жогорку Кенеша⁷ и ряд других законодательных новелл, на которых, по мнению диссертанта нецелесообразно останавливаться более подробно с учетом необходимости исследования системы нового уголовного законодательства Кыргызской Республики.

⁶ Конституция Кыргызской Республики (введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 06.09.2020).

⁷ Жогорку Кенеш представляет собой состоящий из 120 депутатов однопалатный парламент Киргизской Республики, законодательный орган государства. URL: Режим доступа: <http://kenesh.kg/ru/article/show/14/reglament-zhogorku-kenesha-kirgizskoy-respublik> (дата обращения: 06.09.2020).

В юридической литературе отмечается, что осуществленное реформирование системы уголовного законодательства Кыргызской Республики противоречит президентской политике, направленной на гуманизацию законодательных положений, регламентирующих случаи совершения преступлений небольшой тяжести. Указывается на то, что наоборот, происходит масштабная криминализация деяний, при том, что декриминализация отдельных наркопреступлений, семейного насилия, хулиганства и краж, отнесенных теперь к административными нарушениям, негативно скажется на криминальной обстановке в целом [7].

Изменению подверглись формы соучастия в преступлении. Так, согласно ч. 4 ст. 44 УК КР 2021 г. *преступным сообществом* является группа, характеризующаяся следующими признаками: состоит из *трех и более лиц*; между всеми ее участниками существует предварительныйговор о совершении преступления (преступлений); является устойчивым и иерархическим объединением; целью является совершение нескольких тяжких или особо тяжких преступлений; функции между участниками предварительно распределены.

В УК КР 2017 г. подобной формы соучастия не было, а уголовным законом регламентировалась деятельность *преступной организации*, под которой понималась группа, состоящая из *четыре и более лиц*. Остальные же признаки соответствуют признакам преступным сообщества по действующему уголовному законодательству.

Подобное законодательное решение, по мнению автора, направлено на усиление противодействия организованной преступности в Кыргызской Республике и вполне соответствует современным реалиям в сегодняшней жизни ее населения, на что указывают высказываемые в периодической печати, в том числе, юридической литературе, мнения и позиции ученых и практиков.

Так, по словам А. Б. Чокобаевой, начиная с 2004 г., в связи с политическим кризисом, обусловленным, в том числе, деятельностью государственных органов и внешней политикой, стала происходить активная криминализация политической сферы жизни общества, при этом, членами организованных преступных групп происходило наращивание усилий по оказанию негативного воздействия на представителей государственных органов посредством помещения в их структуру своих сообщников и родных [9, с. 133].

Кроме того, отмечается, что политическая нестабильность в Кыргызстане негативно влияет на общеуголовную преступность, обуславливая рост тяжких и особо тяжких посягательств. Более того, активно осуществляется процесс сращивания представителей орга-

низованных преступных структур с политическими деятелями государства; нередки попытки продвижения «нужных» законодательных положений с помощью подкупа государственных чиновников. При этом, имеющиеся региональные различия, клановость оказывают неизбежное влияние на ухудшение криминогенной обстановки в целом, обуславливая возникновение межнациональных обострений, представляющих собой прямую угрозу стабильности государственности [1, с. 67–68].

В действующем УК КР изменилось понятие малозначительности деяния (ст. 54 УК КР), обусловленное трансформацией проступков в преступления небольшой тяжести, о которой уже говорилось ранее. В соответствии со ст. 57 УК КР 2017 г. к малозначительным не могли быть отнесены деяния, привлечение к ответственности за совершение которых регламентировалось положениями кодекса Кыргызской Республики о проступках. Соответствующим изменениям подверглись и сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности: два года — в случае совершения преступления небольшой тяжести (ст. 58 УК КР 2021 г.).

В ст. 60 «Виды наказаний за преступление» появился такой вид наказания, как ограничение свободы (п. «б» ч. 1). В качестве дополнительных видов наказания законодатель предусмотрел конфискацию имущества (ст. 60 УК КР) и выдворение иностранного гражданина или лица без гражданства после отбытия наказания а пределы Кыргызской Республики (ст. 70 УК КР).

Изменениям подвергся такой вид наказания, как штраф (ст. 65 УК КР 2021 г.). В частности, изменены размеры и порядок наложения штрафа; появилось указание на повышенный размер расчетных показателей за совершение преступлений, предусмотренных статьями 337-346 УК КР (устанавливается в размере от 3000 до 25000 расчетных показателей).

Значительному увеличению подверглось количество криминализированных деяний. Так, в Особенной части появились такие составы преступлений, как «Торговля несовершеннолетними»; «Организация незаконной миграции, незаконный ввоз (вывоз) мигрантов»; «Самоуправство»; «Диверсия»; «Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней»; «Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней»; «Неправомерный доступ к компьютерной информации»; «Массовое распространение сообщений электросвязи и многие другие, которые признались преступлениями и положениями Уголовного кодекса 1997 года.

Исключена глава, положениями которой регламентировалось применение принудительных мер уголовно-правового воздействия к юридическим лицам в случае совершения ими преступления, что, по мнению представителей юридической науки, приведет к нарушению рекомендательных правил, выработанных Стамбульским планом действий по борьбе с коррупцией⁸, а также повлечет включение Кыргызстана в «серый список» ФАТФ [6], что в свою очередь вызовет репутационные риски для бизнеса, ограничение корреспондентских отношений с зарубежными финансовыми институтами, понижение позиций в международных рейтингах.

В УК КР 2017 г. юридическое лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности с наложением штрафа, сумма которого в случае неуплаты в течение месяца удваивалась с последующей возможной ликвидацией юридического лица (ст. 125). Следует отметить, что и согласно положениям УК КР 1997 г. возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц не предусматривалась.

Исследование законодательных новаций, осуществляемых в результате реформирования уголовно-правовой системы Кыргызской Республики, в числе первых на постсоветском пространстве принявшей отдельный Кодекс о преступках, опередивший курс на гуманизацию правосудия, оптимизацию уголовной ответственности, декриминализацию деяний, дало возможность автору сформулировать следующие *выводы*.

Во-первых, большинство концептуальных изменений в правовой среде последних лет в Кыргызстане связаны с функционированием политического режима, с системой властных отношений, развитием демократии, способами проведения внутренней и внешней политики, изменениями в различных областях законодательства.

Во-вторых, в Кыргызской Республике к настоящему времени уже был накоплен значительный практический опыт в юридической

⁸ Стамбульский план действий по борьбе против коррупции — это субрегиональная программа взаимной оценки, которая была начата в рамках Сети в 2003 г., которая поддерживает антикоррупционные реформы в Армении, Азербайджане, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Монголии, Таджикистане, Украине и Узбекистане с помощью обзоров стран и непрерывного мониторинга усилий стран по реализации рекомендаций в поддержку выполнения Конвенции против коррупции ООН, других международных стандартов и хорошей практики. URL: <https://www.oecd.org/corruption/acn/istanbul-action-plan.htm> (дата обращения: 06.09.2021).

сфере, что положительно сказалось на осуществляемых законодательных реформах и принимаемых изменениях системы уголовного законодательства.

В-третьих, проводимое реформирование уголовно-правовой сферы выразилось в максимально социально-адаптированной политике, в целенаправленном развитии права, его гарантированности, в принятых законодательных актах Кыргызской Республики, которые сегодня вполне способны удовлетворить потребности субъектов. В этой связи, очевидно, что процесс демократизации социально-экономических процессов в современном Кыргызстане на протяжении всего пути развития суверенного государства оказывает влияние и является прямым основанием для развития законодательства, одним из показателей которого является реформа уголовного законодательства.

Таким образом, по мнению автора, можно утверждать, что Кыргызстан идет по пути динамического развития своей правовой системы. Одним из проявлений правового развития является уголовно-правовая реформа и непосредственно принятие нового Уголовного кодекса Кыргызской Республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исаева К. А., Абдукаrimова Н. Э., Сейлханова С. А.* Основные факторы, детерминирующие совершение отдельных видов преступлений организованной преступностью в Кыргызской Республике // Юридические исследования. 2018. № 1. С. 67–68.
2. *Карыпов Б. К.* Законодательные новации и положительные стороны принятия кодекса Киргизской Республики о проступках // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 6. С. 388.
3. Киргизия в новой форме: Жапаров сделал республику президентской [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/05/05_a_13583432.shtml (дата обращения: 05.05.2021).
4. *Кузнецов А. П.* Уголовно-правовые принципы в странах Ближнего зарубежья // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1(33). С. 122–126.
5. Лапатников М.В. Уголовно-процессуальные аспекты реформы материального уголовного права в Кыргызской Республике // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(45). С. 137–141.
6. Новое уголовное законодательство Кыргызстана: откат назад или курс на результативность? [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/novoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo-kyrgyzstana-otkat-nazad-ili-kurs-na-rezultativnost> (дата обращения: 06.09.2021).

7. Новый Уголовный кодекс: какие статьи ужесточили, а какие гуманизировали [Электронный ресурс]. URL: https://24.kg/vlast/214399_novyiy_ugolovnyiy_kodeks_kakie_stati_ujestochili_akakie_gumanizirovali/ (дата обращения: 06.09.2021).

8. Садыр Жапаров подписал уголовные кодексы, которые ранее возвращал на доработку в Жогорку Кенеш КР [Электронный ресурс]. URL: <https://knews.kg/2021/11/16/sadyr-zhaparov-podpisal-ugolovnye-kodeksy-kotorye-ranee-vozvrashhal-na-dorabotku-v-zhogorku-kenesh-kr/> (дата обращения: 06.09.2021).

9. Чокобаева А. Б. Убийства по найму: отдельные уголовно-правовые и криминолого-криминалистические аспекты преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2013. 244 с.

РАЗДЕЛ 2

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

ХОМИЧ В. М.

*зав. информационно-методическим кабинетом
Научно-практического центра
проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь,
д. ю. н., профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь
(Республика Беларусь, г. Минск)*

О ДИСКУРСЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

1. Потребность в последовательной интеграции права в систему целеполагания уголовно-правового воздействия, социальных и правоохранительных по сути, в контексте проводимой государствами правовой политики в настоящее время существенно актуализировалась. Очевидна и необходимость социально-правового осмысления происходящих изменений в содержательно-функциональных свойствах современного отечественного уголовного права в его далеко неоднозначной реакции на современные вызовы, угрожающие безопасности человека и человечества.

2. В условиях глобализации и социальных трансформаций экономических систем социального выживания человеческих сообществ при сохраняющейся тенденции социального воспроизводства неравенства объективно расширилось социальное поле для различного рода старых и новых девиаций преступного характера, а объективное уголовное право не без политических манипуляций экономически властвующих элит уподобилось в качестве первого и основного целеполагающего инструментария в противодействии преступности и в поддержании под этой вывеской политической, в определенной части экономической стабильности, но никак не обще социальной. Достаточно емкую криминологическую характеристику такому хаотиче-

ки управляемому уголовно-правовому явлению дал Д. А. Шестаков применительно к российскому *целеполаганию* в уголовной политике. При президенте В. В. Путине, отмечает он, и это особенно важно, «произошло очищение средств распространения сведений от ГОВ-идеологии¹, господствовавшей в 90-е гг. Однако имеет место замалчивание оппозиционной активности и репрессивной реакции (*имеется в виду уголовного права*. — курсив В. М.) на неё, нарушаются свобода слова. Путин не боится, конечно, ГОВ-оппозиции: она не имеет успеха у народа, поскольку работает на разрушение страны. Но президент совершенно очевидно опасается здоровой пророссийской оппозиции, которая, одобряя положительные проявления проводимой им политики, вместе с тем недовольна тем, что власть заметно пренебрегает заботой о благосостоянии основной части населения в угоду воробогачам» [1, с. 73].

3. При характеристике проблем целеполагания в уголовном праве следует всегда также иметь в виду, что в своей основе уголовное право является насильственным правовым инструментарием противодействия преступности, а поэтому небезопасным не только для потенциального и реального преступника, но и для человека, общества и самого государства, особенно когда доминирующими факторами в формировании правопорядка и уголовной политики, в признании того, что является и должно быть преступным и наказуемым является не человек с его обычными и понятными притязаниями на внутреннюю и институциональную безопасность и свободу общественного бытия, а нечто иное. Вот это «нечто иное» и породило содержательный и функциональный кризис целеполагания в понимании преступления и обосновании уголовной ответственности и наказания, неэффективность их применения и использования [2, с. 48—59].

Прежде всего, обозначился неоправданный отход в уголовно-правовой политике от общечеловеческих стандартов гуманитарной социализации человеческих отношений как на личностном, так институциональном уровнях. Конечно, это проявление общего гуманистического кризиса, если точнее, то так называемого кризиса классической рациональности о человеке, при которой на уровне формирования политических, экономических и социальных, в том числе уголовно-правовых систем защитывольно и невольно упускались

¹ Идеология глобальной олигархической власти (ГОВ) исходит из приоритетной функции защиты государством имущественных интересов экономически властствующих элит по всем направлениям формирования и реализации правовой (уголовно-правовой) политики.

ключевые грани главных социально познаваемых ценностей, относящейся к **проблеме безопасности выживания человека и человечества**. По этой причине объективное уголовное право стало терять концепт социальной справедливости — нравственную количественно-качественную пластичность, позволяющую ему на консолидированной основе эффективно защищать достойную и безопасную жизнь людей и их право отстаивать такие приоритеты организации социума в публично организованном обществе.

4. Проблема указанного конфликта уголовного права в его идеально-естественном понимании и состоянии и объективного права (уголовного закона) есть основной критерий, определяющий сегодня качество и эффективность уголовной политики в надлежащем поддержании безопасных условий жизнедеятельности человека и социальных систем. Теория и практика проектирования сложных систем, каковой является правовая система уголовной юстиции, показывают, что нет ничего опаснее различных необоснованных конкретных предложений, которые исходят из соображений здравого смысла и интуиции, но ориентируются на голое принуждение. Именно конкретные, но необоснованные предложения (о криминализации или усилении ответственности) разрушают процесс проектирования систем регулирования и защиты, поскольку лишены в своей основе правовых начал либо в недостаточной степени опираются на них [3, с. 15–78].

Несмотря на несомненные достижения общечеловеческого прогресса, на рубеже ХХ и ХХI веков существенно обострились старые и появились новые факторы экономического и социокультурного характера, имеющие самое непосредственное отношение к пониманию преступления и к воспроизведству современной преступности, изменившие ее социальную, видовую и системную архитектуру, а соответственно и систему уголовно-правового реагирования на «новую и старую» преступность. Как будто незаметно ушла в прошлое социально-классовая природа преступления, но также незаметно появилось нечто иное в социальной конструкции преступления и наказания, не менее подрывающее нравственные, правовые и правосудные основы применения уголовного права. В развитии государственных и межгосударственных систем управления обеспечением безопасности наблюдаются ярко выраженные дезинтеграционные процессы, обусловленные разрушением прежнего, пусть и формального равенства, обесцениванием человеческого достоинства, дефицитом политico-правовой свободы как социальных ценностей, посредством которых обеспечивается и гарантируется воспроизведение **действительного** права в официальных законоположениях о понятии пре-

ступления и наказания. Глубоко прав И.Я. Козаченко, изрекая по-настоящему фундаментальное заключение: «... общество и государство должны отдавать себе отчет в том, в какой мере они сами виновны в создании и поддержании таких условий жизни, которые разрушают материальную и нравственную основу равенства людей, и провоцируют их на совершение недозволенного» [4, с. 6].

5. Эффективная система правового регулирования уголовно-правовой защиты национальных интересов должна выстраиваться на правовой антропологической парадигме, исходящей из приоритета того, что *разумное и справедливое и оптимально организованное государство должно делать для гражданина*, а не с позиции приоритетов, что гражданин должен делать для государства [5, с. 280–298]. Так называемый традиционный подход к пониманию правовой реальности, когда государство и право, логически и исторически связанные между собой, благоденствуют преимущественно на одной стороне, а на другой стороне граждане, гражданское общество, интересы которого отражаются в объективном праве (законе) лишь в качестве критерия обоснования, социально деструктивен. Современный кризис права и правовых систем (изначально он обозначался как правовой нигилизм) связан с размытием антропологической системы правообразования, в основе которого лежат разумные начала общественного существования человека как базового носителя и роженицы права, правопорядка, способов и систем правовой регуляции и социально-правовой ответственности. Объективное право и правовые системы постепенно уходили из сферы контроля общества и систем человеческого и интегративного измерения права не только в процессе нормотворческой деятельности государства, но и в процессе правоприменения.

6. Проблема социальной безопасности *человека* в правовых системах исторически формировалась символически, как образ рационального субстанционального образования, который выступал в качестве эталона оценки разумности правовой реальности. Поэтому, несмотря на исходный гуманистический стандарт формирования таких правовых систем, они не смогли гарантировать и обеспечить контролируемое сохранение человеческого интереса в праве, так и разумные начала права в человеке, а отсюда и в обществе. Проблема человеческой свободы как на личностном, так и на институциональном уровне, а отсюда и система личностных ценностей в праве, не была решена в пользу человека и обеспечения его безопасности. Поэтому для юридической науки и сегодня остается проблемным вопрос, каким образом сохранить человеческое лицо в праве, а для

юриспруденции – исследование антропологической проблематики права в новой социальной реальности в целях самосохранения разумного потенциала единства права и государства, разумно правового единения каждого отдельного человека, общества и государства на основе общекультурных ценностей и интересов человека [6, с. 13–14].

7. О кризисе права и правовых систем, как отмечает Н. А. Власенко, корректно говорить, как о *тенденциях негативного (не правового) характера*, накопившихся в механизмах правообразования, правового регулирования и правоприменения, в силу чего разрушается или снижается позитивное регулятивное свойство объективного права (закона) [7, с. 48]. Не вследствие ли указанного кризиса сегодня, как никогда прежде, проявляется *непомерный интерес* к уголовному праву и к его правовому инструментарию «воспитания» социальной (общегражданской) ответственности человека и уважения к закону и установленному правопорядку. Хорошо, если этот интерес обусловлен желанием разобраться, какие исторически изменчивые человеческие и общественные пороки должны фокусироваться в уголовном праве. Но, по серьезному, это не наблюдается.

8. Сегодня, право объективируется и воспринимается только в реальном его действии и в соответствии с *его правовым содержанием*, а не в застывших нормативах законоположений, которые не вос требованы, не применяются вообще либо применяются избирательно. Резервы повышения эффективности правового регулирования путем введения запретов, обременений, усиления ответственности без должного развития правовых средств, стимулирующих формирование *позитивного личностного состояния людей* (их свободы, равенства, справедливости) ограничены, в том числе позитивной и автономной функциональностью свободы воли. Социологически и исторически существует только один способ эффективного предупреждения преступности: сделать преступление невыгодным для преступника.

Право функционально, если оно формируется на основе или с учетом рациональных потребностей человека в ответственной свободе, в ответственно сбалансированном равенстве, взаимной ответственности управляемых и управляющих. Иного пути стабилизации общечеловеческого правопорядка и отвечающего ему уровня социального ответственного поведения сограждан нет и быть не может.

9. Процесс формирования уголовного права никогда не был простым и социально безболезненным, и абсолютно справедливым в истории человеческого сообщества. Незаметно ушла в прошлое социально-классовая природа преступления, но также незаметно по-

явились нечто иное в социальной конструкции преступления и наказания, не менее подрывающее нравственные, правовые и правосудные основы применения уголовного права. В государственных и межгосударственных системах обеспечения безопасности наблюдаются дезинтеграционные процессы, обусловленные разрушением прежнего, пусть и формального равенства, обесцениванием человеческого достоинства как социальных ценностей, посредством должно обеспечиваться воспроизведение *действительного* права в официальных законоположениях о понятии преступления и наказания. Поэтому сегодня задача состоит в том, чтобы ограничить объективное уголовное право (уголовный закон), его существование и использование в защите социального правопорядка не более как собственно правом в его человеческом измерении. И в этом дискурсе уголовноправовая наука должна исходить из социальной и объективной рациональности уголовного права, избегать по возможности ориентации на решение чисто технических задач «правового» приспособления законодательного материала для нужд практического оборота в групповых или ведомственных интересах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестаков Д. А. Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики. Санкт-Петербург : Изд. дом «АлефПресс», 2019. — 206 с.
2. Хомич В. М. О сущности и преемственности права в российском (отечественном) уголовном законе // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.) : матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Краснодар, 28-29 мая 2021 г.) / отв. ред. В. П. Коняхин, М. Л. Прохорова ; Кубанский государственный ун-т. Краснодар, 2021. С. 48–59.
3. Зибер У. Границы уголовного права / пер. с нем. Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1(16). С. 15–78.
4. Козаченко И. Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности // Нравственные основы уголовной политики : Коллективная монография по матер. XIV Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора М. И. Ковалева (Екатеринбург, 15-17 февраля 2017 г.). Екатеринбург : УрГЮУ, 2018. С. 5–20.
5. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически-организованного общества : монография. Москва : Норма, 2017. 384 с.

6. Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 560 с.

7. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 47–54.

ГИЛИНСКИЙ Я. И.

профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры РФ,
д. ю. н., профессор (г. Санкт-Петербург)

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ DE JURE И DE FACTO

Издавна провозглашаемыми или подразумеваемыми целями уголовно-правового воздействия были предупреждение преступлений и сокращение их количества (а то и «ликвидация преступности»). Подразумевалось или провозглашалось, что путем привлечения к уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших то, что в уголовном законе записано как «преступление», виновные понесут заслуженное наказание и впредь они не будут совершать преступлений, и другие члены общества воздержатся от совершения преступлений из-за боязни наказания.

Более конкретно цели и задачи уголовно-правового воздействия и наказания указывались в уголовном законе. Так, ст. 1 УК РСФСР 1960 г. гласила: «Уголовный кодекс РСФСР имеет задачей охрану общественного строя СССР, его политической и экономической систем, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств». А целями наказания провозглашались «исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» (ст. 20 УК РСФСР). Согласно ст. 1 УК РФ задачами уголовного законодательства являются «охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных

посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Целями наказания признаются: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного. Предупреждение совершения новых преступлений (п. 2 ст. 43 УК РФ).

Аналогичные цели (охрана государственного строя, жизни и здоровья граждан, предупреждение новых преступлений и т.п.) так или иначе отражены в уголовном законодательстве и других стран.

Но с конца минувшего столетия, с наступления эпохи постмодерна у правоведов, историков, криминологов закрадываются все большие сомнения в объективности подобных взглядов. Очень уж различается уголовное законодательство разных стран, одной и той же страны в разное время. Очень уж ничтожны последствия право-применительной деятельности по сокращению («уничтожению») преступности и отдельных ее видов. Уровень преступности или возрастает почти во всех странах одновременно (с окончания Второй мировой войны до конца 1990-х — начала 2000-х гг.), или сокращается почти во всех странах (с конца 1990-х — начала 2000-х гг. до настоящего времени), не зависимо от право-применительной деятельности разных стран.

Да и отнесение государством тех или иных деяний к «преступным» (криминализация деяний) вызывает все больше сомнений. Тщательный анализ оснований криминализации разных стран в разное время приводит к выводу: «Главный миф криминализации — о возможности построения ее рациональной модели» [5, с. 212].

Более того, со времен Э. Дюркгейма известно: «Преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно... Преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права» [2, с. 40, 42]. Спустя 120 лет после Э. Дюркгейма об этом говорит современный швейцарский криминолог: «Общество нуждается в преступности как двигателе социальных преобразований. Общество без существенных отклонений в поведении криминального характера застыло бы в своем развитии» [6, с. 245].

А вообще, есть действия, преступные по своему содержанию? Оказывается — нет! «Преступление» — это то, что государство (государь, власть, режим) сочло «преступным» здесь и сейчас, включив *это* в уголовный закон. Об этом знали еще в Древнем Риме (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* — преступления воз-

никают из сенатских и народных решений). Об этом писал еще в XVII в. Б. Спиноза [8, с. 554], а позднее — П. Сорокин [7, с. 62]. «Преступность», «преступление» — социальные конструкты, сконструированные государством. Сегодня так считает большинство зарубежных криминологов (S. Barkan, S. Caffrey, N. Christy, P. Eglin, Ch. Gregorius, H. Hess, S. Hester, Hulsman L., W. De Kesseredy, C. Mundy, M. Schwartz и др.). Да и отечественные [3, с. 63, 65]. «Термин преступление есть ярлык (label), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт — это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. Преступление как таковое не существует в природе; это выдумка (invention) людей» [Robinson, 2004: 2]. Обо всем этом подробно в монографии [1].

Вот почему немецкий проф. Х.-Х. Йешек предложил отменить уголовное законодательство, как несовместимое с правами человека и гражданина [9, с. 3].

Как же так, возмутится читатель! А убийство — это тоже выдумка? Убийство — это умышленное причинение смерти другому человеку, страшное преступление (ст. 105 УК РФ). Но ведь умышленное причинение смерти другому человеку (лучше — людям) — подвиг (на войне)! Или профессиональная деятельность — палача (в тех странах, где, к сожалению, сохранилась смертная казнь). А умышленное причинение смерти другому человеку по просьбе этого человека — или легальная эвтаназия (Нидерланды, Бельгия, Швейцария и др.), или — тяжкое преступление (Россия и др.). Все зависит от того, что и как сконструирует государство *de jure*...

И тогда возникает вопрос — а как же *de facto*?

А фактически отнесение тех или иных деяний к «преступным» путем включения их в уголовный закон зависит от воли (желания, выдумки) законодателя, отражающего волю, желание, выдумку императора, царя, генерального секретаря ЦК ВКП(б)/КПСС, президента, премьер-министра, сената, а то и «группы товарищей» (олигархов, военной хунты, и т. п.).

Да, конечно, есть действительно опасные для общества, населения деяния — убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, разбойное нападение, терроризм и некоторые другие. Но их не так много! А вот почему «преступлениями» признаны действующим УК РФ «оскорблении чувств верующих» — ст. 148 УК (не известно, что такое «чувства верующих», а как быть с «чувствами атеистов»?); уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168), когда это гражданско-правовой деликт? Почему в УК РФ 15 (пятнадцать!) составов «преступлений» (со ст. 228 до

ст. 234 УК), связанных с потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов (грубейшее нарушение принципа недопустимости ответственности по аналогии), или «потенциально опасных веществ» (?), когда в большинстве стран Европы и Америки легализовано потребление производных каннабиса, а об ответственности «по аналогии» или за «потенциально опасные» и речи быть не может? Почему ст. ст. 282, 282№, 282I, 282-3 УК сформулированы так, что за «экстремизм» можно привлекать бесконечное число граждан, хотя, что такое «экстремизм» остается не совсем ясно, а под «какой-либо социальной группой» можно понимать кого угодно, включая правительство, депутатов, военнослужащих, полицейских, а также инженеров, ученых, писателей, художников, учителей и врачей... Почему предусмотрена уголовная ответственность за изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. ст. 242, 242-1), когда не известно, что такое порнография? Где ее определение? Ведь это понятие крайне неопределенное, исторически постоянно меняющееся. А большинство составов «преступлений» гл. 22 УК РФ — в действительности гражданско-правовые деликты или административные правонарушения.

Перечень сомнительных составов «преступлений» можно продолжать и продолжать. Действующий УК РФ превращает каждого взрослого гражданина страны в преступника (включая автора этих строк). Справедливости ради, следует заметить, что это свойственно уголовному закону многих стран. Так, опросы в нескольких штатах США показали, что от 97% до 100% опрошенных признались в совершении деяний, внесенных в уголовный закон их штата.

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть*. «Власть, национализировав, присвоив уголовную юстицию в качестве социального капитала, пожелала, чтобы к преступлению относились все, что она называет преступлением» [5, с. 22].

Детальный анализ оснований кriminalизации, чистка УК РФ — насущные задачи криминологии, науки уголовного права, законодателей (при этом автор не сомневается в утопичности этих предложений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). Санкт-Петербург : Алетейя, 2021.

2. Дюргейм Э. Норма и патология // Социология преступности. Москва : Прогресс, 1966. С. 39–43.
3. Жалинский А. Э. Избранные труды. Т. I: Криминология. Москва : ВШЭ, 2014.
4. Козаченко И., Сергеев Д. Новая криминализация. Екатеринбург : Sapientia, 2020.
5. Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. Москва : Норма, 2008.
6. Куни К.-Л. Введение в криминологическое мышление. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2019.
7. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. Москва : Политиздат, 1992.
8. Спиноза Б. Избранные произведения. Т. I. Москва : Госполитиздат, 1957.
9. Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin : Duncker & Humblot, 1988.
10. Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ., Pearson: Prentice Hall, 2004.

АКСЕНОВ А. Н.

*адвокат Палаты адвокатов г. Москвы,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
ИМПЭ им. А. С. Грибоедова (г. Москва)*

АВДЕЕВ В. А.

*профессор кафедры уголовного права, криминологии и
уголовного процесса Юридического института
Байкальского государственного университета,
д. ю. н., профессор (г. Иркутск)*

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ДЕЛАХ О НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Масштабы насилиственной преступности в современной России представляют реальную угрозу процессу становления правового государства, а также успешному осуществлению социально-экономических реформ. Одной из волнующих современное общество проблем являются преступления против половой свободы личности.

Полное, объективное, всестороннее расследование такой категории преступлений практически невозможно без использования виктимологических аспектов [1; 3; 4]. Напомним, что виктимология (учение о жертве преступления) выработала свой понятийный аппа-

рат. Наиболее специфичными для виктимологии терминами являются «виктимность» и «виктимизация». Первый понимается как повышенная способность человека в силу социальной роли или ряда духовных и физических качеств при определенных объективных обстоятельствах становиться потерпевшим. Виктимизация — это процесс превращения лица в реальную жертву и конечный результат такого процесса [6; с. 6–7]. Непосредственно, виктимологические данные можно определить как совокупность обстоятельств, характеризующих жертву преступления в качестве физического объекта, организма, личности, ее поведения до, во время, после совершения преступления; взаимоотношений жертвы с преступником, а также вид и размер причиненного преступником вреда, который может быть моральным, физическим или материальным.

Таким образом, виктимизация в той или иной мере свойственна каждому человеку, так как представляет собой объективное явление социальной жизни. Успешное использование виктимологических данных потерпевших приводит правопримениеля к мотивам преступления, что влияет на квалификацию действия. Так, виктимологическая характеристика преступления вплетается в объективную сторону его состава, в объект преступления, а также отражается при характеристике вины и умысла преступника. Поэтому защитники должны уметь устанавливать достаточно полную информацию о виктимологических особенностях исследуемой категории преступлений и умело использовать такую информацию при осуществлении защиты.

В ходе изучения уголовных дел также было установлено, что содействие собственной виктимизации имеет место и у потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. ст. 131-135 УК РФ). В частности, каждая третья жертва от изнасилования в момент совершения преступления находилась в состоянии опьянения, каждая девятая-десятая имела репутацию легко вступающей в половую связь. Каждая пятая содействовала своим поведением половому возбуждению насильника, около 60% потерпевших не оказывали насильникам активного сопротивления.

Приведенный краткий анализ виктимологической информации позволяет выдвинуть число факторов, влияющих на распространенность насильственных преступлений: это наличие неприязненных или враждебных межличностных взаимоотношений, употребление спиртных напитков с потенциальным преступником, отсутствие готовности потерпевших к оказанию правомерного и действенного сопротивления возможным преступным действиям и собственная склонность к социально порицаемому поведению.

К сожалению, как показывает практика, указанные факторы в большинстве случаев правоприменителями не исследуются и не учитываются в полной мере при расследовании уголовных дел. Об этом свидетельствует отсутствие в уголовных делах представлений по устраниению причин и условий при совершении преступлений. В тех же уголовных делах, где они есть, таковые составлены без учета полученных виктимологических данных.

На наш взгляд, такое положение связано с тем, что правоприменители зачастую не вполне эффективно используют виктимологические данные. В результате качество расследования насильственных преступлений оставляет желать лучшего, а причины и условия, оказывающие влияние на совершение насильственных преступлений, должным образом не устраняются. Все это отрицательно сказывается на предупреждении преступлений, совершенных в отношении половины свободы личности.

От правильного использования виктимологических данных зависит решение ряда уголовно-правовых и уголовно-процессуальных вопросов. Методика применения виктимологических данных направлена на эффективное использование различных сведений о личности потерпевшего в целях установления истины по делу. Так, уголовноправовое значение обстоятельств, характеризующих личность и поведение потерпевшего, состоит в том, что их всесторонний анализ помогает: 1) определению степени общественной опасности преступника и совершенного им преступления; 2) выяснению содержания преступления (содержания умысла и неосторожности, мотива, целей преступления и т. д.), а следовательно, установлению наличия или отсутствия оснований уголовной ответственности; 3) правильной квалификации содеянного; 4) установлению степени вины преступника в совершенном деянии; 5) индивидуализации наказания с учетом личности и характера действий жертвы преступления, так как указанные в законе характеристикующие ее признаки оказывают влияние не только на квалификацию содеянного, но могут учитываться в качестве смягчающих или отягчающих ответственность обстоятельств.

Внимательное изучение личности потерпевшего, условий его жизни, наряду с обстоятельствами совершения преступления, могут дать следующую ценную информацию:

1) интеллектуальное развитие (уровень интеллекта, соответствие интеллекта возрасту, причины отставания в развитии или наличие явной акселерации);

2) семейная ситуация (круг близких родственников, социальное положение семьи, условия проживания, доходы и т. п.);

3) среда вне семьи (круг общения, близость к девиантам, принадлежность к молодежной субкультуре и т. п.);

4) история половой жизни (возраст инициации, регулярность половых отношений, наличие постоянного партнера, частота смены партнеров, склонность к половым девиациям и т. п.);

5) девиантность (склонность к совершению правонарушений в быту, на работе, в учебном заведении и т. д.).

При исследовании поведения потерпевшего должны выясниться следующие обстоятельства: 1) содержание и характер его действий до, во время и после совершения преступления; 2) мотивы и цели его действий; 3) продолжительность действий; 4) их интенсивность (однократность или многократность); 5) наличие объективных и субъективных предпосылок действовать тем или иным способом; 6) повод к таким действиям; 7) роль его поведения в преступлении.

Установление этих данных позволяет признать поведение потерпевшего: а) правомерным или неправомерным; б) морально выдержаным или аморальным; в) нейтральным.

Организация и методика использования виктимологических данных включает в себя обстоятельства, характеризующие взаимоотношения между жертвой и преступником (приятельские, любовные, враждебные и т. д.). Важное значение для установления истины имеет установление связей: родственных, внебрачных, служебных и т. д.

Следует учесть, что цели организации и методики виктимологических данных влияют на способ достижения определенной цели, решения конкретной задачи. В частности, при анализе показаний потерпевшего от преступления, следователю необходимо иметь в виду классификацию потерпевших по признакам типичного поведения. Так, эксперты различают: 1) агрессивных потерпевших, для которых характерно намеренное создание конфликтной ситуации (их поведение может быть преступным, административно наказуемым или только аморальным); 2) активных потерпевших, поведение которых, не будучи связано с нападением или правонарушением в форме конфликта, тем не менее активно способствовало причинению им вреда; 3) инициативных потерпевших, для которых характерно инициативно положительное поведение в любых ситуациях и лишь в определенных — поведение конфликтного порядка; 4) пассивных потерпевших, т. е. лиц, объективно не способных к сопротивлению или не оказывающих его из-за трусости, боязни, огласки и по другим причинам; 5) некритичных потерпевших, которые некритично воспринимают любые жизненные ситуации или ситуации определенного содержания; 6) нейтральных потерпевших, т. е. таких, поведение которых безупречно.

Зашитнику также необходимо учитывать, что существует определенная связь между поведением потерпевшего до, во время и после совершения преступления, причинившего ему вред, и характером даваемых им показаний, которые, в свою очередь, отражают взаимоотношения потерпевшего с подзащитным. Так, потерпевшие, находящиеся в родственных отношениях с подзащитным, стараясь смягчить его ответственность, чаще дают недостоверные показания.

Так, в ходе изучения нами 254 уголовных дел по преступлениям, где есть несовершеннолетние потерпевшие, установлено, что каждый 4-й потерпевших (то есть в 25% случаев) в ходе судебного заседания отказывался от ранее данных им показаний против подсудимого. Нередко встречаются факты объективного заблуждения, когда в основе недостоверных показаний лежит не умысел на дачу таковых, а объективные обстоятельства: плохие память, зрение, неблагоприятные условия для восприятия действительности. Поэтому защитник должен хорошо знать классификацию потерпевших по вышеуказанным обстоятельствам, так как без использования метода типологии невозможно оценить такой важный источник доказательств, как показания потерпевшего.

При исследовании, анализе и оценке показаний потерпевших, как и других виктимологических данных, важное место в работе защитника занимает сравнительный метод. Сравнить — значит, отличить нечто как равное себе от другого, а также найти в другом то же самое или сходное с ним. Защитник должен сравнить показания потерпевшего, данные на разных стадиях уголовного производства (нередки случаи, когда показания потерпевшего в начальной стадии расследования отличаются от его показаний в заключительной стадии). Это так называемый диахронический сравнительный метод. Защитник должен использовать также синхронический метод, т. е. сравнивать содержание показаний потерпевшего с другими доказательствами по делу: с показаниями подзащитных, свидетелей, с заключением экспертов, вещественными доказательствами и др. При этом учитываются такие факторы, как условия формирования показаний (объективные и субъективные), их отношение к делу, к другим участникам процесса.

При изучении доказательств защитнику целесообразно сочетать методы анализа и синтеза. Анализируя показания потерпевшего, защитник разделяет их на составные элементы. Например, на данные о взаимоотношениях потерпевшего с подзащитными, о конкретных обстоятельствах совершения преступления, о характере и размере вреда, причиненного преступными действиями и др. Однако анали-

зировать, изучать составные части показаний потерпевшего нужно в их взаимодействии, в единстве.

Преимущественное значение в деятельности по доказыванию имеет метод системного подхода к анализу и оценке собранных по делу данных, в частности, виктимологических. Это означает, что нельзя рассматривать часть доказываемого в отрыве от всей системы подлежащих доказыванию факторов и обстоятельств. Для этого необходимо установить всю систему доказательств, проанализировать каждое из них в отдельности и в совокупности, используя при этом методы типологии, сравнения, анализа, синтеза.

В основном рассматриваемые сведения получаются путем проведения допросов самого потерпевшего, членов его семьи, педагогов (в случае, если потерпевший является несовершеннолетним), а также лиц из числа неформального окружения.

Влияние на расследование насильственных преступлений против личности оказывают не только данные о жертве преступления, характеризующие ее виктимность, но и сведения о предкriminalной ситуации [5]. Зачастую, представляя интересы подзащитного по уголовным делам такой категории, защитник имеет дело с явлением повышенной виктимизации — то есть стилем поведения, образом жизни потерпевшего, наделяющих последнего характерными чертами: конфликтностью, придиличностью, грубоостью. Или же у таких потерпевших наблюдается раннее и слишком бурное половое развитие, желание поскорее «вкусить запретный плод», жить «взрослой» жизнью. Поэтому при осуществлении защиты по делам, например, об изнасилованиях целесообразно досконально устанавливать, с чего началась ситуация, при которой было совершено преступление. Это необходимо в целях объективного расследования, при этом, прежде всего, надлежит продумать вопрос о том, нет ли оснований для оправдания подзащитного. Для этого нужно исследовать следующие факторы, касающиеся потерпевшего: приведение себя и подзащитного в состояние опьянения; создание объективно благоприятствующих условий для совершения преступлений, например, поездка на автомобиле в ночное время в зону отдыха или уединение с подзащитным сразу после вечеринки; отсутствие элементарной осторожности и критичности; демонстрация благосклонности к действиям подзащитного в той стадии развития ситуации, когда отрицательная реакция еще способна остановить насильника. Решающее значение имеет сравнение перечисленных виктимологических данных с характером сопротивления потерпевшего дальнейшим действиям подзащитного, для этого следует установить, каким образом потерпев-

ший оказывал сопротивление, мог ли подзащитный понять, что сопротивление является реальным, а не притворным; какими действиями он «сломил» сопротивление потерпевшего. Объективное исследование данных вопросов в ходе расследования предопределяет вывод о виновности или невиновности подзащитного.

В то же время указанные обстоятельства нередко входят в канву защитных версий по такой категории дел. Так, наиболее типичными доводами реальных насильников являются: «по тому, как она себя вела и одевалась, думал, что она сама проявляет инициативу», «сама меня соблазнила», «потерпевшая являлась девушкой с пониженной социальной ответственностью» и прочие подобные. В связи с этим считают, что само по себе наличие у потерпевшей повышенной виктимизации не может склонять следователя к принятию процессуального решения, оправдывающего подзащитного, так как игнорирование в ходе расследования насильственных преступлений фактов, сообщаемых потерпевшим недопустимо. Так в силу ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания потерпевшего являются доказательством. Следовательно, наряду с показаниями подзащитного, показания потерпевшего представляют собой основу для принятия решения по существу уголовного дела.

Подводя итог, отметим, что при работе по уголовным делам о насильственных преступлениях, совершенных в отношении потерпевших, защитник должен уметь профессионально использовать виктимологические данные, чтобы эффективно решать главную задачу своей деятельности — помогать устанавливать истину по уголовному делу, защищая права своего доверителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вавилова Л. В., Жук М. В.* О виктимологической профилактике преступлений // Российский следователь. 2009. № 3. С. 39–40.
2. *Квашик В. Е.* Основы виктимологии. Москва, 1999.
3. Виктимологическое направление в деятельности органов внутренних дел / Е. П. Ким и др. Хабаровск, 2002.
4. *Ким Е. П., Рябов В. Н.* Использование защитником виктимологических данных в уголовном судопроизводстве. Хабаровск, 2000.
5. *Полубинский В. И.* Криминальная виктимология. Москва, 2001.
6. *Франк Л. В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.

ДАНИЛОВ П. С.

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Омского государственного университета
им. Ф. М. Достоевского, к. ю. н.*

СЕНОКОСОВА Е. К.

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического университета, к. ю. н. (г. Омск)*

**АНАЛИЗ АНТИКРИМИНОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ,
НА ПРЕДМЕТ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Реальное обеспечение безопасности личности в Российской Федерации невозможно без установления правовых, в том числе уголовно-правовых, гарантий безопасности человека как потребителя.

Цель представляет собой идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта, финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс [5, с. 317], а значение деятельности по целеполаганию нельзя не признавать [14, с. 42–43].

Уголовно-правовое воздействие, как верно отмечено В. К. Дуюновым и Р. В. Закомолдиным, представляет собой специальную деятельность органов государства, выраженную в формах, предусмотренных законом, связанную с оказанием при помощи норм и иных ресурсов уголовного права, а также других инструментов необходимого карательного, воспитательного и предупредительного воздействия на поведение лиц, совершивших преступление, и иных неустойчивых лиц, а также воздействия на общественные отношения, обусловливающие существование преступности, в качестве ответной реакции на преступное поведение и преступность в целом, имеющую цель утверждения социальной справедливости, укрепления законности и правопорядка, предупреждения преступлений, а также воспитания граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции РФ и других законов [2, с. 188–189, 208, 239].

Указанные цели получают развитие во многих правовых институтах и в деятельности органов и должностных лиц по воспрепятствованию лицам продолжать преступную деятельность (частному предупреждению) [3, с. 23–25], восстановлению отношений после совершенного преступления [1, с. 74], предотвращению принятия коррупционно опасных правовых актов [4].

В конечном счете цели уголовно-правового воздействия достигаются как при принятии уголовно-правовых норм, так и при их дальнейшей реализации.

Все это в равной мере относится и уголовно-правовым нормам, обеспечивающим безопасность потребителей, к системе которых можно, в частности, отнести положения ст. ст. 235 «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности», 235.1 «Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий», 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», 238.1 «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок».

Но во главу этой системы по праву встает ст. 238 УК РФ, имеющая большой потенциал в применении. Квалификация деяний по ч. 1 ст. 238 УК РФ не зависит от наступления общественно опасных последствий и предполагает наличие состава преступления, если опасность товаров, продукции, работ или услуг для жизни или здоровья человека является реальной [6].

В то же время при широком теоретическом содержании признаков состава преступления, закрепленных в вышеназванной норме уголовного закона, отсутствие единства в вопросе практического применения этой нормы снижает ее антикриминогенный потенциал и соответственно не обеспечивает эффективного уголовно-правового воздействия.

В большинстве случаев наличие состава преступления ст. 238 УК РФ усматривается при наступлении определенных общественно опасных последствий (причинение тяжкого вреда здоровью или смерти) [9; 10; 12; 13].

Практика применения ст. 238 УК РФ в части квалификации деяний как формальных составов не получила столь широкого распространения, однако имеет место быть и в связи с этим также нуждается в анализе. Так, практика применения ст. 238 УК РФ свидетельствует о возможности квалификации как оказания услуг с нарушением требований безопасности при отсутствии общественно опасных последствий действий по оказанию медицинских услуг при явном нарушении требований безопасности (оказание стоматологических услуг ребенку, не достигшему 6 лет, в нарушение необходимых условий и в отсутствие лицензии, сертификата [7]).

Таким образом, ст. 238 УК РФ, содержащая формальный состав, имеет широкий потенциал к применению, но имеет сложности практического применения.

Наличествующая следственная и судебная практика квалификации действий по оказанию медицинских услуг в отсутствие лицензии по ст. 238 УК РФ ставит вопрос разграничения объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ и ст. 235 УК РФ, закрепляющей норму об ответственности за осуществление медицинской деятельности без лицензии.

Пленум Верховного Суда РФ предусмотрел правило о квалификации действий по ст. 235 УК РФ только в целях разграничения с составом незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) [6].

Поскольку ст. ст. 235 и 238 УК РФ расположены в одной главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», то, как представляется, на практике выработалось правило о невозможности их совокупности.

Между тем можно признать, что любое оказание медицинских услуг без лицензии представляет собой частный случай нарушения требований безопасности, особенно по смыслу признаков объективной стороны состава незаконного осуществления медицинской деятельности, включающих общественно опасные последствия в виде причинения вреда здоровью либо смерти, что возможно только в случае грубого нарушения лицензионных требований.

В частности, в следственной и судебной практике имеются примеры, когда медицинская деятельность без лицензии, повлекшая тяжкий вред здоровью, рассматривалась как не отвечающая требованиям безопасности, и деяния были квалифицированы по ст. 238 УК РФ [8; 11].

Вместе с тем в таком случае норма ст. 238 УК РФ является общей, норма ст. 235 УК РФ – специальной, и по общему правилу необходимо применять специальную норму, следовательно, деяния, не повлекшие по неосторожности причинение вреда здоровью либо смерти, не образуют состава преступления.

По такой же логике становится возможной конкуренция состава преступления ст. 238 УК РФ и ст. ст. 235.1, 238.1, касающихся обращения недоброкачественных лекарственных препаратов, когда явно нарушаются требования безопасности.

Однако если проанализировать ст. ст. 235 и 238 УК РФ, то отчетливо видны различные объекты и направленность данных норм. Первая охраняет отношения по обеспечению соблюдения установ-

ленного порядка осуществления медицинской и фармацевтической деятельности, вторая же – отношения в сфере защиты прав потребителей на получение безопасных для него услуги, работы, товара.

При этом при отсутствии признаков состава ст. 235 УК РФ действия по осуществлению медицинской деятельности без лицензии квалифицируются либо по ст. 171 УК РФ при извлечении дохода в крупном размере, либо как административное правонарушение при отсутствии признаков преступления.

В такой ситуации, полагаем, действия виновного лица могут быть квалифицированы по совокупности: за осуществление медицинской деятельности без лицензии при извлечении дохода в крупном размере – по ст. 171 УК РФ и за оказание медицинских услуг с нарушением требований безопасности при отсутствии общественно опасных последствий – либо по ч. 1 ст. 238 УК РФ, либо по пунктам «а» (совершение группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой), «б» (совершены в отношении услуг, предназначенных для детей в возрасте до 6 лет) ч. 2 ст. 238 УК РФ.

В этом случае также нуждаются в уточнении санкции ст. 238 УК РФ, поскольку сравнительный анализ санкций ст.ст. 235 и 238 УК РФ дает основания полагать, что наказание, назначенное виновному при осуществлении медицинской или фармацевтической деятельности без лицензии в отсутствие общественно опасных последствий, по совокупности со ст. 171 УК РФ либо без таковой, будет более тяжким, чем в случае наступления общественно опасных последствий и квалификации деяния по ст. 235 УК РФ.

Необходимо отметить, что проблема квалификации деяний, связанных с оказанием медицинских услуг, по ст. 238 УК РФ носит общий характер, имеет отношение не только к случаям отсутствия лицензии и общественно опасных последствий. Речь идет о том, что медицинская услуга находится в неразрывной взаимосвязи с охраной таких жизненно важных ценностей, как жизнь и здоровье человека, и в силу особенностей осуществления медицинской деятельности в некоторых областях медицинской деятельности (например, в хирургии) может представлять потенциальную опасность для жизни и здоровья человека. В связи с этим возникает общий вопрос о возможности квалификации таких деяний по ст. 238 УК РФ, особенно при отсутствии общественно опасных последствий.

Как свидетельствует судебная практика, ответ на данный вопрос является утвердительным. Тогда возникает необходимость разработки в теоретическом и практическом поле правил квалификации оказания медицинских услуг с нарушением требований безопасности по ст. 238 УК РФ.

Наиболее вероятным вариантом решения проблемы является нормативное закрепление самих требований безопасности.

Вместе с тем постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – постановление № 18) содержит комплекс разъяснений, которые по общему правилу являются ключом к решению трудностей в процессе практического применения УК РФ.

Как представляется, в целях совершенствования практики применения норм УК РФ, обеспечивающих безопасность потребителя, возможно дополнение постановления № 18 рядом разъяснений:

1) включить в перечень нормативных правовых актов, сфера применения которых имеет отношение к вопросам квалификации деяний по ст. 238 УК РФ, закрепленный п. 1 постановления № 18, федеральные законы от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств».

Данный пункт содержит общий перечень федеральных законов, нарушение которых может образовывать объективную сторону состава ст. 238 УК РФ. Вместе с тем в него не входит ни Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ни Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств».

Безусловно, вышеназванный перечень не является исчерпывающим, но вместе с тем, как представляется, его максимальная полнота и ясность могла бы решить проблему применения ст. 238 УК РФ.

И если в случае с Федеральным законом «Об обращении лекарственных средств» такое регулирование видится оправданным, поскольку имеет место явная конкуренция общей (ст. 238 УК РФ) и специальной (ст. ст. 235.1, 238.1 УК РФ) норм, то в случае с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» все не так однозначно;

2) *расширить содержательные признаки, указывающие на реальную опасность услуги, указанные в п. 2 постановления № 18*, закрепив, что, к примеру, о реальной опасности медицинских услуг могут свидетельствовать действия по применению запрещенных методов диагностики и лечения, оказание медицинских услуг на неисправном медицинском оборудовании, применение методов диагностики и лечения с грубым нарушением требований медицинской науки;

3) разъяснить, что:

– по ст. 238 УК РФ не подлежат квалификации деяния по оказанию медицинских услуг с нарушением требований безопаснос-

ти, если соответствующее нарушение обусловлено отсутствием лицензии, в случае наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью. Такие действия при наличии общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью подлежат квалификации по ст. 235 УК РФ, при отсутствии таковых и наличии признаков незаконного предпринимательства — по ст. 171 УК РФ, при отсутствии признаков преступления — как административное правонарушение;

— по ст. 238 УК РФ могут быть квалифицированы действия по оказанию медицинских услуг с нарушением требований безопасности без лицензии, не повлекшие общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью. В такой ситуации действия по осуществлению медицинской деятельности без лицензии подлежат дополнительной квалификации при наличии признаков как незаконное предпринимательство по ст. 171 УК РФ либо как административное правонарушение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голик Ю. В. Метод уголовного права // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 69–75.
2. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности : монография. Москва : РИОР, 2020. 244 с.
3. Закомолдин А. В., Дуюнов В. К. Об уголовно-процессуальном принуждении как составляющей механизма уголовно-правового воздействия // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 21–26.
4. Клейменов М. П. Административно-правовое регулирование производства антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов // Юридический мир. 2014. № 4. С. 31–35.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 / Ин-т философии РАН ; Нац. общ.-научн. фонд ; Науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. Москва : Мысль, 2010. 736 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 3 июля.
7. Приговор Ковровского городского суда Владимирской области от 16.07.2015 г. по делу № 1-301/2015 // СПС «Консультант Плюс».
8. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска от 03.07.2020 г. по делу № 1-131/2020. // СПС «Консультант Плюс».
9. Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 07.12.2018 г. по делу № 1-241/2018. // СПС «Консультант Плюс».

10. Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30.06.2020 г. по делу № 1-75/2020 // СПС «Консультант Плюс».
11. Приговор Савеловского районного суда г. Москвы от 17.06.2019 г. по делу № 1-4/19 // СПС «Консультант Плюс».
12. Приговор Хорошевского районного суда г. Москвы от 24.01.2020 г. по делу № 1-12/2020 // СПС «Консультант Плюс».
13. Приговор Хорошевского районного суда г. Москвы от 27.04.2018 г. по делу № 1-57/2018 // СПС «Консультант Плюс».
14. Щедрин Н. В. Пределы предупредительной деятельности // Lex Russica. 2018. № 9. С. 39–53.

САМОЛЕТОВ С. Н.

*прокурор Псковской природоохранной
межрайонной прокуратуры,
старший советник юстиции (г. Псков)*

НИКОЛАЕВА Т. Г.

*профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры РФ,
д. ю. н., профессор, старший советник юстиции
(г. Санкт-Петербург)*

ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ ПРОКУРОРОМ В СУДЕ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Уголовно-правовое воздействие является относительно новым термином доктрины уголовного права, содержание которого ещё не устоялось, а проблематика точно не определена.

Возрастающий к нему интерес объясняется современной уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политикой, имеющей тенденцию к дифференциации и комплексности государственного принуждения.

Не вдаваясь в существующую на страницах юридической литературы дискуссию относительно содержания рассматриваемой definicji, выражим солидарность определению уголовно-правового воздействия, данному О. С. Епифановым, — «процессуальное влияние на общественные отношения как собственно правового регулирования, так и связанных с ним информационно-психологического, воспитательного и социального действия права» [7, с. 16–36].

Таким образом, институт уголовно-правового воздействия представляет собой многогранное правовое явление, реализация которого не ограничивается лишь уголовно-правовой материей, а также находит свое отражение и дальнейшее развитие посредством применения норм уголовно-процессуального права.

В частности, дифференцированность уголовно-правового воздействия можно рассматривать с позиции изменения обвинения прокурором в суде. Однако об уголовно-правовом воздействии можно говорить, как о совокупности строгих форм государственного принуждения и указание на принудительный характер не позволяет ограничить данное явление от близких ему мер процессуального принуждения, мер административного и гражданско-правового характера.

Предусмотренное уголовным законом принуждение выступает ответом государства на совершение общественно опасного деяния. Исходя из этого, сущностью уголовно-правового воздействия наиболее обоснованным представляется считать ответ, реакцию государства на совершение действий, подпадающих под уголовно-правовой запрет [8; 9].

Согласно ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, но и защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Согласно ст. 37 УПК РФ прокурор в ходе судебного производства по уголовному делу осуществляет уголовное преследование и поддерживает от имени государства обвинение.

Поддерживая законное и обоснованное обвинение от имени государства, прокурор действует в публичных интересах — интересах государства и общества; уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в равной мере отвечают публичным интересам, как и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ).

Требование, обязывающее прокурора в ходе судебного производства поддерживать лишь законное и обоснованное обвинение, будет нарушено не только тогда, когда он принимает решение об отказе от обвинения при наличии подтверждающих его доказательств, но и тогда, когда он поддерживает обвинение при отсутствии доказательств виновности подсудимого.

Одним из важных обстоятельств, подчёркивающих особый правовой статус прокурора в суде, является предоставление ему зако-

ном права распоряжаться обвинением. При этом уголовно-процессуальный закон предоставляет прокурору достаточно широкий спектр действий: в определённых случаях прокурор имеет возможность ходатайствовать о возвращении дела на стадии досудебного производства в порядке ст. 237 УПК РФ, в ряде случаев изменить обвинение, отказаться от обвинения в части либо полностью.

Соответственно, уголовно-процессуальное законодательство должно обеспечить такое регулирование отношений, связанных с изменением обвинения и отказом от обвинения в суде первой инстанции, которое направлено на реализацию вышеуказанных сторон назначения уголовного судопроизводства, что также требуется в целях обеспечения права лиц, вовлечённых в уголовный процесс, на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) и права потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба (ст. 52 Конституции РФ).

Факты освобождения подсудимых от уголовной ответственности из-за процессуальных нарушений, допущенных на досудебном производстве, возвращение уголовных дел прокурору, изменение и отказ от обвинения вызывают обоснованную тревогу в российском обществе, поскольку, во-первых, порождают чувство безысходности и неуверенность граждан в защищённости их прав и законных интересов; во-вторых, существенным образом подрывают саму основу правоохранительной деятельности, дискредитируют правоохранительные органы и, как следствие, крайне негативно влияют на все процессы, связанные с противодействием преступности.

Вместе с тем, результаты анализа судебно-следственной практики свидетельствуют о существенных процессуальных ограничениях полномочий прокурора при поддержании государственного обвинения в сфере возможности его корректировки, серьёзных ошибках, допускаемых при изменении обвинения.

Недостаточное знание прокурорами сущности, оснований, пределов и процедуры изменения обвинения нередко способствует принятию судом реабилитирующих процессуальных решений.

Различные подходы к проблеме отказа прокурора от обвинения как в стадии подготовки и назначения судебного разбирательства, так и при рассмотрении дела по существу вызваны неоднозначностью в определении типологической направленности развития уголовно-процессуального законодательства [2].

Одной из основных причин, затрудняющих эффективность судебного разбирательства с участием прокурора, является недостаточная разработанность научно-обоснованных рекомендаций по изменению обвинения.

Несмотря на то, что вопросы, связанные с изменением обвинения, отказом от него затрагиваются во многих исследованиях, ряд проблем теоретико-прикладного характера предметно не изучен и нуждается в дальнейшей разработке [4, с. 28; 5, с. 15].

Так, о недостаточности процессуальной регламентации института изменения прокурором обвинения свидетельствует то, что, во-первых, на страницах юридической литературы используются различные термины, так или иначе его характеризующие: «корректировка обвинения», «распоряжение обвинением» и т. п., что, бесспорно, препятствует единообразному пониманию закона, во-вторых, малоизученным остаётся вопрос о соотношении понятий «изменение обвинения», «частичный отказ от обвинения», «частичное прекращение уголовного дела (уголовного преследования)».

Недостаточно изученным представляется механизм изменения прокурором обвинения, включая, например, форму изменения обвинения в судебном производстве (на предварительном следствии обвинение фиксируется в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, либо в обвинительном акте, обвинительном постановлении, в суде, как правило, в форме ходатайства, однако, единого подхода нет).

Проблемы правоприменения связаны с возможностью внесения прокурором изменений в описание фактических обстоятельств произшествия без изменения квалификации (например, время и место совершения преступления, перечень телесных повреждений, наименование похищенного имущества, в частности его модель), а также исправления прокурором технических ошибок, опечаток, допущенных органами предварительного расследования при формулировании обвинения и др.

Вместе с тем, указанные выше вопросы предопределяют сущность пределов прав прокурора в уголовном судопроизводстве.

Вполне обоснованной выглядит позиция А. А. Михайлова, полагающего, что пределы прав прокурора в распоряжении судьбой обвинения в российской модели уголовного судопроизводства определяются как необходимостью обеспечения реализации публичных интересов, так и недопустимостью нарушения при распоряжении обвинением прав других сторон [5, с. 23].

Так, по нашему мнению, пределы прав прокурора (государственного обвинителя) в отношении обвинения в суде первой инстанции определяются целями, которые имеет уголовный процесс того или иного государства, степенью реализации публичности в деятельности суда, а также тем, как решён на доктринальном уровне и в законодательстве соответствующего государства вопрос о возможности

распоряжения прокурором (государственным обвинителем) материальным правом государства на наказание лица, совершившего преступление.

Изменение прокурором обвинения в суде первой инстанции в современном уголовном процессе России представляет собой процессуальное решение прокурора, заключающееся во внесении в обвинение в определённых уголовно-процессуальным законом пределах и порядке поправок, сказывающихся на существе и (или) объёме обвинения. Изменение прокурором обвинения в суде первой инстанции при наличии установленных законом оснований должно являться обязанностью прокурора.

Вопросы о необходимости расширения круга полномочий прокурора в суде по поддержанию обвинения в уголовном процессе являются несомненными и в дальнейшем будут являться предметом изучения с учётом применения современного законодательства.

Вместе с тем, изменение обвинения прокурором в суде рассмотренное в контексте способа достижения целей уголовно-правового воздействия продолжает оставаться предметом дискуссии в современной российской уголовной и уголовно-процессуальной науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакшин В. Возбуждение уголовного дела прокурором // Законность. 2008. № 8. С. 22.
2. Куликова Г. Л. Изменение прокурором обвинения и отказ от обвинения в суде первой инстанции: лекция / Акад. Генпрокуратуры РФ, Инт повышения квалификации руководящих кадров. Москва : Академия Генпрокуратуры РФ, 2012. 21 с.
3. Лавнов М. А. Современная модель отказа прокурора от обвинения и перспективы ее совершенствования в российском уголовном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6. С. 204–208.
4. Михайлов А. А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008.
5. Решетова Н. Ю. Возможно ли изменение обвинения на новое, ухудшающее положение подсудимого, при рассмотрении уголовного дела судом? // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2012. № 4. С. 34–40.
6. Ротнова И. Б. Некоторые проблемы института изменения обвинения в уголовном процессе России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 95–98.
7. Епифанов О.С. Уголовно-правовое регулирование в механизме правового воздействия на осужденных мужчин, отбывающих наказание в ис-

правительных колониях общего и строгого режимов : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 269 с.

⁸ Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности : монография / В. К. Дуюнов, Р. В. Закомолдин. Москва : РИОР, 2020. 244 с.

9. Дуянов В. К. Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты. Москва : Юрлитинформ, 2019. 328 с.

МИНЕНОК М. Г.

профессор кафедры уголовного права и криминологии

Балтийского Федерального университета им. И. Канта,
доктор профессор

Ю. Ю. Н., профессор

доцент кафедры уголовного права и криминологии

Балтийского Федерального университета им. И. Канта,
к. ю. н., доцент (г. Калининград)

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Многоаспектность бедности в России проявляется в различных сферах общественной жизни и требует различных оценок и подходов. Мы остановимся на наиболее важных, по нашему мнению, из них, включая и юридические.

Современное состояние преступности вызывает обоснованную тревогу. Прежде всего, из-за отсутствия достоверных данных о преступности. Как отмечают эксперты, главная трагедийность нашего положения ныне в том, что мы точно не знаем реального обобщённого объема преступности и её отдельных видов, полных социальных и экономических последствий преступности, действительной эффективности противодействия преступности [13, с. 57–58; 14, с. 42–43]. Но главное заключается в том, что «...криминология и социология, уго-

ловное право нашей власти практически не нужны, в отличие от российского народа. [7, с. 13]

Конечно, криминология - неудобная наука. Общество заинтересовано в достоверности статистических данных в наиболее важных сферах, общественной жизни, в том числе и преступности.

В связи с этим проанализируем конкретные предложения, приведённые в литературе. По мнению Г. Бовта, необходимо вывести статистику преступлений из МВД РФ, так как она должна быть независимой, чтобы силовики этой статистикой не манипулировали. Это должен быть контролирующий коллегиальный орган, который фиксирует нарушения [3]. В его состав могли бы входить представители власти — депутаты регионального и федерального уровня, учёные, представители общественности.

В то же время судить об эффективности работы полиции по росту или снижению преступности, как считают некоторые криминологии, вряд ли правильно [3], поскольку рост преступности может быть следствием добросовестного отношения к делу, когда вся преступность регистрируется, расследуется. И обратная картина — преступность не регистрируется, скрывается от учёта и тогда показатели преступности формально будут хорошиими.

Сложившаяся ситуация требует действенных, радикальных мер связанных с регистрацией преступности. Есть смысл обсудить введение ответственности, вплоть до уголовной, за умышленное исказение показателей преступности. И это оправдано, поскольку недостоверные данные фактически парализуют работу правоохранительных органов, а их роль все больше приобретает криминогенное значение.

Неблагоприятные показатели наиболее опасной коррупционной преступности во многом определяются избыточной численностью управляемого контролирующего аппарата. В настоящее время это 2,4 миллионов человек, что значительно больше, чем было в СССР [2]. Такая ситуация не нова для нынешней России и имеет длительную и давнюю историю.

В 1696 г. монах Авраамий по поводу роста количества чиновников писал: «иным де и сидеть негде, стоя пишут, а в иных де приказах тесноты ради во днях со свечами пишут, и, написав, дерут, не столько в ящики кладут, сколько под ноги мечут» [11]. Такую же оценку дал И. Т. Посошков, современник Петра I, которого называли первым русским экономистом [12]. Осуждая чиновников в коррупции, он утверждал, что «чиновников расплодилось, как клопов в паршивой перине, и всюду, куда не придёшь, везде они пишут и за все писанное взятки хватают» [8, с. 51].

И, тем не менее, несмотря на такую характеристику, при царе было 18 чиновников на 10 000 населения сейчас — 163 [2]. Очевидно, что для борьбы с засильем чиновников можно найти средства противодействия, поскольку чиновничество не какие-то инопланетяне, они живут в обществе, выполняют определённые функции, влияют на поведение людей и сами подвергаются определённому воздействию, правилам, которые должны соблюдаться. В административно-командной системе имелись достаточно эффективные рычаги управления, регулирования численности управленческого аппарата — планирование фонда заработной платы, его зависимость от прибыли, других экономических показателей. Соблюдение фонда зарплаты строго контролировалось, а превышение суворо наказывалось. Разумеется, это касалось только госсектора. Конечно, в необходимых случаях вносились соответствующие изменения, однако они должны были быть достаточно обоснованными, зависели от прибыли, дохода, качества продукции и других экономических показателей.

По данным вице-премьера, руководителя аппарата Правительства России Д. Григоренко, в настоящее время осуществляется масштабное сокращение госаппарата. По его словам, к 1 апреля 2021 г. численность аппарата уменьшилась почти на 10 %. Вице-премьер подчеркнул, что уже были сокращены 66 структурных подразделений и 33 заместителя руководителя федеральных ведомств. Он добавил, что сокращению подверглась также штатная численность ведомств: в центральных аппаратах — на 213 должностей, а в территориальных органах — на 31 642 должности. Это одно из самых масштабных сокращений за последние годы, резюмировал руководитель аппарата правительства [6].

Очень важно закрепить сложившееся положение, предать ему характер устойчивой тенденции и усилить постоянный эффективный контроль.

С 1 января текущего года в России вернулась прогрессивная шкала налогообложения. Доходы свыше 5 млн. руб. в год теперь облагаются не 13 % а 15 % налогом. Формально это небольшой налог от 13 до 15 %. Во многих странах верхний предел налога превышает 40-50 % при очень низком пределе равным нулю. Из стран с прогрессивной шкалой налогообложения самая высокая максимальная ставка подоходного налога установлена в Швеции — 61,85%. В Дании она составляет 55,8%, в Германии — 47,5%, в Китае, Великобритании, Испании, Франции и ЮАР — 45%, в США — 37%. Из стран ЕАЭС прогрессивную шкалу ввела Армения с максимальной ставкой 36%. В Белоруссии ставка НДФЛ равна 13%, в Казахстане и Киргизии — 10% [10].

Кроме того, увеличиваются не только подоходные налоги, но и имущественные налоги — налоги на роскошь, на недвижимость, особенно если это не единственное жильё [1].

Большое значение имеют поправки к двум Федеральным законам «О противодействии коррупции» и «О банках и банковской деятельности». Предшествовавший закон разрешал изымать в пользу бюджета только имущество: автомобили, недвижимость, которые куплены за деньги, происхождение которых чиновник не мог объяснить. Что касается сбережений в банках и наличных денег, то они не учитывались в законе и потому виновные требовали их вернуть, так как это якобы не предмет незаконного обогащения [9].

Очевидно, прогрессивную систему надо развивать и совершенствовать.

Практически значимый многоаспектный характер приобрела проблема бедности. В судебной практике получили распространение случаи, когда причиной совершения преступлений против собственности была бедность.

На сей счёт в прессе была высказана позиция Верховного Суда РФ, из которой следует, что бедность необходимо учитывать при решении вопроса о квалификации преступления, назначении наказания и освобождении от него.

Конечно, дать исчерпывающий перечень обстоятельств пригодных и достаточных для характеристики бедности вряд ли возможно. Необходимо учитывать не только обстоятельства, которые толкнули человека на преступный путь, но и личность потерпевшего, его имущественное положение, размер похищенного [5].

Если причиной посягательства на собственность было стремление обогатиться за счёт труда других людей, то содеянное есть хищение. Наличествует важный для такого случая конститутивный признак — корысть. Если движущей силой была бедность (в частности голод), тогда содеянное не является хищением. Для таких случаев необходима специальная норма. Такая норма не должна предусматривать насильственные посягательства и должна быть ограничена во времени действия (2-3 года), объемом незаконно изъятого имущества.

Применительно к изложенному, предлагаем новую норму уголовного права.

«Не влекут наказание не насильственные способы изъятия чужого имущества, совершенные в небольших размерах до 5000 руб. в условиях острой нуждаемости в средствах для обеспечения элементарной жизнедеятельности самого виновного или членов его семьи,

других лиц, в судьбе которых он заинтересован. Закон применяется до окончания кризисной ситуации.»

В настоящее время практика ряда стран дает немало примеров, когда руководители государства несли ответственность за правонарушения, совершенные много лет назад (ретроспективная ответственность). Эти правонарушения гораздо менее опасны, чем те, которые совершили наши реформаторы. Например, экс-премьер Италии Сильвио Берлускони за финансовые махинации приговорён к десяти с половиной месяцам общественно полезных работ, бывший глава правительства Израиля Эхуда Ольмертаза за взятки приговорён к шести годам тюрьмы, экс-президент Франции Жак Ширак осуждён в декабре 2011 г. на два года условно за создание фиктивных рабочих мест в начале 1990-х годов. 1 июля 2014г. прокуратурой был задержан бывший президент Франции Николя Саркози по обвинению в «активной коррупции» и «торговле влиянием». По совокупности преступлений ему было назначено тюремное заключение и штраф в размере 200 000 Евро. Это был уже второй тюремный срок Николя Саркози [4]. У нас тоже есть на кого обратить внимание с позиции ретроспективной ответственности.

Это, в первую очередь, применительно к действиям горе реформаторов России, объективная оценка действий которых может быть не только предостережением от допущенных ошибок, но и восстановления справедливости.

С позиции ретроспективной ответственности, в России есть основания применить её положения и тем самым укрепить важные общественные отношения, подвергающиеся преступным посягательствам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков Е. Нужно ли обложить богатых дополнительными налогами // Комсомольская правда. 2021. 27 марта.
2. Волуйская М. Сколько чиновников в России? Инфографика // Аргументы и факты. 2019. 5 ноября.
3. Голованов Р. Почему оправдательных приговоров в судах России меньше, чем при Сталине. URL: <https://www.yalta-gid.ru/news/obschestvo/poshemi-orgavdatelnyh-prigovorov-v-sudah-rossii-menshe-chem-pri-staline.htm> (дата обращения: 30.10.2021).
4. Ковалева Д. 2:0 в пользу суда // Российская газета. 2021. 1 окт.
5. Козлова Н. Как выносить приговор тем, кто нарушил закон из-за бедности. // Российская газета. 2021. 27 сентября.
6. Кузнецов В. В Правительстве заявили о масштабном сокращении госаппарата. URL: <https://lenta.ru/news/2021/03/31/socrashenie/> (дата обращения: 30.10.2021).

7. Лунеев В. В. Главная трагедийность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2.
8. Полосков И. Т. Книга о скучности и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. Москва, 1951.
9. Проскуряков Е. «Подозрительные» деньги чиновников собираются изымать // Комсомольская правда. 2021. 27 марта.
10. Соболь М. «Начало процесса»: почему россияне готовы платить за бедных налогами 83% россиян хотят вернуть прогрессивную шкалу налогов. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/06/03/13618664.shtml> (дата обращения: 30.10.2021).
11. «Тетради» старца Авраамия // Исторический архив. Москва ; Ленинград, 1951.
12. Энциклопедический словарь В. А. Брокгауза и Н. А. Ефона: в 80 т. Санкт-Петербург, 1993-1998 (репринт 1898).
13. Лунеев В. В. Россия должна исторгнуть приметы правовой системы планеты Транай // Государство и право. 2017. № 3. С. 57–58.
14. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности: монография / В. К. Дуюнов, Р. В. Закомолдин. Москва : РИОР, 2020. 244 с.

Р А З Д Е Л 3

ЦЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ И ПРЕСТУПНОСТИ

БЕЛЯЕВА Л. И.

профессор кафедры уголовной политики

Академии управления МВД России,

д. ю. н., профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

ЦЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Любое государство, осуществляя политику противодействия преступлениям и преступности, прибегает к использованию мер и, соответственно, средств различного характера: экономических, управленийких, педагогических, правовых и др. В системе мер и средств правового характера особое место занимают те, которые непосредственно предназначены именно для противодействия преступлениям и преступности. Эти меры и средства предусмотрены законодательством о профилактике, уголовным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным законодательством, законодательством об оперативно-розыскной деятельности. Та часть государственной политики противодействия преступности и преступлениям, которая связана с выработкой и использованием этих мер, составляет уголовную политику.

Государственная политика в целом и её составные части в частности не могут осуществляться вообще, без всяких ориентиров. Соответственно этому государство определяет цели своей деятельности по различным направлениям: долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные (тактические). На достижение этих целей ориентированы все её составляющие, в том числе уголовная политика, которая также строится и осуществляется в соответствии с вполне определенными целями [1; 2].

Формирование целей уголовной политики — дело государственной важности, поскольку их наличие позволяет решать все вопросы жизнедеятельности самого государства, общества, населения. И, на-

против, отсутствие таких целей этого не позволяет. Поскольку политика как таковая, и уголовная в том числе, есть форма жизни государства, то именно оно и определяет цели уголовной политики, закрепляя их в соответствующих нормативных актах.

Долгосрочная стратегическая цель уголовной политики Российской государства вытекает из Конституции РФ и находит отражение в нескольких нормативных правовых актах, из которых следует, что таковая состоит в обеспечении безопасности личности, общества и государства от криминальных посягательств. Это прямо следует из ст.ст. 4, 6 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации»; ст. 2, ч. 1 ст. 43 УК РФ; ст.ст. 9, 10, 11, 15, 16 УПК РФ; ст.ст. 1, 8, 9, 10, 13 УИК РФ; ст.ст. 1, 2, 3, 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Эта цель уголовной политики характеризуется тем, что она имеет собирательный, обобщающий характер и распадается на связанные между собой составляющие части. Это объясняется большим объемом, разнообразием и спецификой объектов, в отношении которых обеспечивается безопасность, вариативностью и особенностями криминальных посягательств, их подвижностью, обусловленной социально-экономическими, социально-политическими, криминологическими факторами.

С учетом этих обстоятельств формируются более конкретные цели уголовной политики, раскрывающие её смысл и социальную значимость. Именно поэтому эти цели приобретают дифференцированный и конкретизированный характер. Такие цели определяются именно с учетом конкретных условий, в которых уголовная политика формируется и реализуется, а также особенностей криминальных посягательств, характерных для этих условий [3].

Цели уголовной политики можно проанализировать, обратившись к специальным документам Главы государства и Правительства РФ.

Так, из Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, следует, что она (национальная безопасность) определяется уровнем достижения целей уголовной политики: обеспечения безопасности личности, прав собственности, конституционного строя РФ, защиты водных биологических и лесных ресурсов, экономики, кредитно-финансовой сферы, информационно-коммуникационных систем от преступных посягательств; предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности различного рода и пр. (п. п. 41-57).

Поскольку совокупность всех факторов, влияющих на содержание и цели уголовной политики, не является неизменной, то они формируются с учетом определенных хронологических рамок.

Стоит подчеркнуть, что даже в таком специфическом документе как Военная доктрина РФ, утвержденном Президентом РФ от 25 декабря 2014 г. № Пр- 2976, сформированы цели уголовной политики: обеспечение безопасности государства от таких криминальных проявлений как организованная преступность, терроризм и экстремизм, незаконный оборот оружия, использование информационных и коммуникационных технологий в противоправных целях и др. (ст. ст. 12, 13).

Современная криминальная ситуация, как следует из названных документов, отягощена проявлениями экстремистской деятельности, что ориентирует на необходимость сосредоточения усилий на противодействии этому явлению. В этой связи вполне логичным и закономерным является принятие акта по данному вопросу – Стратегии противодействия экстремизму в РФ на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344, в которой определено, что цель уголовной политики состоит в обеспечении безопасности основ конституционного строя РФ, самого государства, общества, прав и свобод граждан от экстремистских посягательств криминального характера.

Одной из угроз национальной безопасности является также незаконный оборот наркотиков, что определяет цели уголовной политики в этой области. Как следует из Стратегии государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733, такой целью является противодействие незаконному обороту наркотиков в интересах охраны здоровья граждан, обеспечения государственной и общественной безопасности. Инструментом, предназначенным для достижения указанной цели, является государственная антинаркотическая политика.

Известно, что цели государственной политики, и уголовной политики в том числе, не могут быть достигнуты, если они не осознаются и не поддерживаются гражданами. Это ориентирует на то, что необходимо формирование и развитие общественного сознания, в том числе правового. Этому вопросу также посвящен такой специальный документ как Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденный Президентом РФ от 28 апреля 2011 г. № Пр-1168, из которого следует, что одной из целей уголовной политики является формирование среды функционирования.

Анализ названных документов свидетельствует о том, что генеральная цель уголовной политики образована цепью составляющих ее элементов, динамичных, взаимосвязанных и взаимообусловленных. Дальнейший анализ современных документов стратегического планирования и стратегического характера, а их к настоящему времени имеется более ста, позволяет детализировать цели уголовной политики в интересах углубленного их осмыслиения, классифицировать их, установить взаимосвязи, выявить общее и особенное, определить типичные и специфические пути и средства достижения. Все это — область научных интересов. Однако цели уголовной политики с этой позиции пока не исследованы.

Вместе с тем возникает вопрос: если цели уголовной политики известны, почему они не утрачивают своей актуальности? Здесь стоит обратить внимание на то, что само по себе формирование цели не является гарантией того, что она будет достигнута. Деятельность по формированию цели тесно связана с деятельностью по её воплощению в жизнь.

Первое, что требуется для достижения цели уголовной политики, как и любой цели, это четкое её понимание. Можно ли, без сомнений, утверждать, что правоприменитель имеет такое понимание? Можем ли мы с уверенностью сказать, что все, кто реализует уголовную политику, и даже исследует её, имеют четкое представление о целях уголовной политики и о том, почему речь идет о множественности целей? О том, каковы особенности их достижения?

То есть речь идет о знаниях, умениях и характере правоприменительной деятельности, направленной на достижение целей уголовной политики. Это, надо признать, — отдельная тема для исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуюнов В. К. Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 328 с.
2. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности : монография. Москва : РИОР, 2020. 244 с.
3. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. О приоритетах уголовно-правовой политики в связи с противодействием преступности и обеспечением национальной безопасности // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти Засл. деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. В. П. Малкова. Чебоксары, 2-3 октября 2020 г.: в 2 ч. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. Ч. 1. С. 195–201.

СМОЛЬЯНИНОВ Е. С.

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института международного права
и экономики им. А. С. Грибоедова,
к. ю. н., доцент (г. Москва)*

О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одна из самых важнейших задач, стоящих перед любым государством, — наиболее полное удовлетворение материальных потребностей своих граждан. Для любого современного государства важно максимальное соответствие экономических интересов общества его потребностям. Таким образом, органы государственной власти следует рассматривать как важнейший инструмент для создания необходимых условий для удовлетворения вышеупомянутых потребностей.

Не отрицая неоспоримого значения этого положения, его реализация на практике наталкивается на множество противоречий. В первую очередь необходимо выделить влияние различных негативных внешних и внутренних факторов, которым подвержена экономическая система современного государства, а именно: внешнее санкционное давление, концептуальные ошибки в регулировании экономических отношений; игнорирование объективных законов рыночной экономики (иногда в угоду интересам отдельных финансово-промышленных групп) и, наконец, широкое проникновение криминала в отдельные сферы российской экономики.

Достижение высоких темпов экономического развития в таком случае будет находиться под угрозой, вследствие стихийного, неконтролируемого влияния вышеперечисленных противоречий, таким образом достижение обществом экономических целей невозможно, более того, стабильность всей социальной системы находится под угрозой.

Существенные недостатки в развитии экономических отношений напрямую влияют на стабильное состояние общества, разочарование в результатах ожидаемого роста благосостояния негативно отражается на состоянии общественных отношений, тем самым повышая риск обострения социальных противоречий. Негативные факторы наносят ущерб не только развитию экономических отношений, существенные изменения претерпевают политическая, правовая, социальная и другие сферы общественной жизни.

Стабильное поступательное развитие экономики государства оказывает благотворное влияние на прочность общественных отно-

шений, создавая в обществе надежду на определенный запас устойчивости и стабильности государственной системы в случае возникновения различного рода угроз. Такое состояние характеризуется понятием «экономической безопасности».

Содержание «экономической безопасности», в первую очередь, включает обеспечение стабильной экономической независимости государства, способность экономики эффективно противостоять различного рода угрозам не вызывая риска снижения социальной стабильности общества [1, с. 170].

Критериями, характеризующими экономическую независимость, выступают самодостаточная ресурсная база государства, позволяющая удовлетворять не менее чем на 2/3 потребности экономики, среднемировые темпы экономического развития, низкая затратность производственных издержек на единицу продукции, минимизация и стабильность налогооблагаемой базы, значительное превышение рождаемости над смертностью и т. д. Главной целью экономической безопасности страны является создание экономической модели, в максимально возможной степени исключающей внешнее воздействие на нее.

Повышение уровня экономической безопасности минимизирует расходы на поддержание ее в рабочем состоянии. Критериями, характеризующими достижение высшего уровня экономической устойчивости выступают: минимизация расходов на содержание экономики безопасности, оптимизация структуры управляемого аппарата, существенное снижение потерь в различных отраслях экономики, существенное снижение расходов на поддержание непроизводственной сферы, значительное увеличение вложений в социальную сферу. Соответственно, снижение уровня экономической безопасности влечет прямо противоположные результаты.

Развитие современной экономической модели в России требует приведение ее в соответствие с общепринятыми правилами рыночной экономики, выделяя наиболее значимые из них. К таким, по нашему мнению, необходимо отнести:

- создание равных конкурентных условий между хозяйствующими субъектами;
- стимулирование экономической деятельности бизнес-структур;
- максимальное обеспечение государством всесторонней безопасности ведения бизнеса;
- минимизация уголовно-правового вмешательства государства в сферу экономической деятельности;
- создание эффективной системы экономического правосудия.

Достижение вышеперечисленных целей, способствующих созданию условий для устойчивого экономического развития экономики, соответствующей самым высоким критериям экономической безопасности должно находиться в качестве приоритета в деятельности всех ветвей власти.

Выбирая в качестве приоритета устойчивое развитие рыночной экономики, государство неизбежно снижает свое участие в производственной сфере. Что, в свою очередь, повышает значимость государства в качестве независимого арбитра в разрешении экономических споров, в качестве законодателя правовых норм, определяющих создание комфортных и безопасных условий ведения бизнеса, прозрачности финансовой системы, снижение давления надзорных и контрольных органов, устранение барьеров для поступательного экономического развития.

Важнейшим условием обеспечения интересов экономической безопасности является создание условий для наиболее эффективной работы рыночных механизмов. Для реализации этого условия хозяйствующим субъектам необходимо обеспечить свободный доступ к получению следующей информацию: о современном состоянии экономики; целях и задачах экономической политики государства; приоритетных мерах государственной поддержки экономической деятельности; прогноз экономического развития в долгосрочной и среднесрочной перспективе и т.д. Основная задача государства для обеспечения субъектов экономической деятельности вышеперечисленной информацией состоит в выявлении причинно-следственных и других тенденций, влияющих на развитие рыночной экономики, в оказания влияния на предотвращение негативных тенденций, которые угрожают национальной безопасности и стимулировании позитивных, которые могут принести наибольшее влияние на устойчивое экономическое развитие.

Отсюда, экономическую безопасность необходимо определить как способность экономики и институтов власти государства, эффективно осуществлять свою деятельность даже в условиях воздействия негативных факторов на развитие внутренней экономики.

Важнейшую роль для обеспечения экономической безопасности играет разработка и реализация государственной стратегии в данной сфере, которая должна соответствовать реализуемой экономической политики государства. В качестве приоритетных направлений стратегии экономической безопасности выступают стабильность и прозрачность деятельности системы по защите деятельности законопослушных субъектов экономической деятельности, эффективность

разрешения экономических споров, устойчивость экономики, социально-экономическая стабильность личности и общества, реальное соблюдение права и свобод граждан и юридических лиц в сфере экономики, верховенство закона и повиновение всех участников экономической деятельности, в том числе и органы государственной власти. Для этого необходимо создать эффективную систему экономического правосудия, в качестве надежной системы государственного воздействия на экономическую сферу, позволяющую регулировать важнейшие экономические преобразования с использованием эффективных рыночных механизмов, позволяющих минимизировать негативное воздействие на экономику.

Особое внимание по противодействию криминализации сферы экономической деятельности необходимо уделить минимизации вмешательства государства уголовно-правовыми средствами в процесс разрешения спорных ситуаций в сфере экономики.

Основную нагрузку по разрешению спорных ситуаций в сфере экономической деятельности необходимо переложить на систему экономического правосудия, усовершенствовав ее. Это позволит повысить эффективность противодействия наиболее опасным формам преступных посягательств сфере экономической деятельности, но самое главное, существенно снизить издержки бизнеса, связанные с процедурой уголовного преследования.

Эффективность современных методов борьбы органов внутренних дел с экономическими преступлениями с применением исключительно уголовно-правовых средств, представляется ограниченной и неэффективной, связанной с многочисленными издержками для экономики государства. Такие результаты требуют создания более эффективной модели регулирования экономической деятельности, исключающей существенные издержки для интересов экономики.

В настоящее время уголовный закон в значительной степени не учитывает специфику экономических отношений, выбирая строго целенаправленное уголовно-правовое воздействие на отклоняющееся экономическое поведение субъекта предпринимательской деятельности. Отсюда существенные издержки, связанные с процедурой уголовного преследования, не учитывающие специфику ведения бизнеса. В данном случае роль арбитра, позволит экономическому правосудию более объективно учитывать специфику экономической деятельности при разрешении спорных ситуаций, возникающих в сфере экономики. Это позволит существенно снизить негативное влияние процедуры уголовного преследования на интересы экономической деятельности.

Таким образом, в предмет изучения уголовной политики в экономической сфере необходимо включить анализ влияния уголовно-правовых средств борьбы с преступной деятельностью хозяйствующих субъектов на экономику государства и разработка новых организационно-правовых средств и методов коррекции такой деятельности в интересах прежде всего экономики.

Сказанное выше дает основание для вывода о возможности использования новых подходов для решения проблемы снижения количества экономических преступлений.

Важным элементом борьбы с экономической преступностью, требующим своего закрепления в стратегии экономической безопасности, является выделение данного направления уголовной политики в качестве первоочередного. Как показывает история, попытки решить проблему экономической преступности только с помощью уголовных репрессий в долгосрочной перспективе обречены на неудачу. Правоприменительная практика показывает многочисленные примеры, подтверждающие вывод о переносе акцента по регулированию экономических отношений на строго определенные государством социальные и правовые институты. Именно учет социальной и правовой природы экономических отношений позволяет повысить эффективность контроля над такими отношениями со стороны государства.

В связи с этим возложение на органы внутренних дел как одного из субъектов уголовной политики основной нагрузки по борьбе с экономической преступностью не позволяет сохранить баланс между необходимыми благоприятными условиями для участников экономических отношений (с минимизацией вмешательства органов государственной власти) и максимальным положительным результатом такой деятельности.

Специфика деятельности субъектов экономических отношений заключается в целом комплексе экономических, социальных и психологических закономерностей, к этому прибавляется комплекс проблем, вызванных деятельностью органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью. Однако это противоречит основному условию обеспечения экономического, под которым понимается формирование у бизнес-сообщества чувства уверенности и полного доверия ко всем политическим и экономическим институтам государства, только в этом случае высока вероятность ускорения экономического роста.

Отсюда еще одна задача экономической безопасности должна заключаться в формировании этого доверия у подавляющего боль-

шинства участников экономической деятельности. Для этого необходимо проведение взвешенной и научно обоснованной экономической и уголовной политик государства, что позволит успешно разрешить многие проблемы, влияющие на формирование устойчивого роста российской экономики.

Вся полнота ответственности за успешное создание и эффективное функционирование системы экономической безопасности, соответствующей современной стабильной экономической модели на всей территории Российской Федерации, лежит на органах исполнительной и представительной власти. Эта ответственность реализуется через формирование и реализацию уголовной политики в сфере экономической деятельности. Одним из важнейших факторов, определяющих успешную реализацию уголовной политики, выступает реализация принципа уважения закона, который может оказать негативное влияние на результат, при условии приближения к критическому уровню числа лиц, которые начинают игнорировать закон в ходе осуществления экономической деятельности.

Уголовная политика государства в сфере экономической деятельности должна гарантировать надежность и эффективность функционирования экономической системы в целом, прежде всего опираясь на силу и авторитет властных полномочий всего аппарата государства.

В качестве еще одной важной задачи уголовной политики в сфере экономической деятельности необходимо отметить необходимость создания комплексной системы общего превентивного воздействия на преступность в сфере экономики. Для этого необходимо: во-первых, отказаться от иллюзий и фетишизации уголовно-правовых средств как эффективного инструмента противодействия экономической преступности; во-вторых, перенести центр тяжести борьбы с экономической преступностью на комплексную систему общего превентивного воздействия.

Основной акцент в своей деятельности субъекты реализации уголовной политики в сфере экономической деятельности должны делать на предупреждении, а не на слепой и непримиримой «борьбе». Именно данная тенденция находит свое отражение в современных научных исследованиях и законопроектной работе в обозначенной сфере [2; 3].

Законодательные предписания, направленные на обеспечение соблюдения прав и законных интересов субъектов экономической деятельности, как правило оказываются неэффективными, если не учитывают специфику современных экономических отношений, иг-

норируют объективные законы экономического развития, не учитывают издержек на выявление и наказание экономических преступников.

Современные достижения в формировании концептуальных основ уголовной политики в сфере экономической деятельности помогают выявить и проанализировать, а в определенной степени и спрогнозировать генезис основных факторов, оказывающих существенное влияние на выбор модели поведения субъекта экономической деятельности.

Отмечая определенные тенденции современной экономической политики, нельзя не заметить, что государство стало чрезмерно всеобъемлющим по своему влиянию на экономическую деятельность. Наблюдается безудержная экспансия государственных структур в сферу экономики, что фактически уничтожает тот минимальный порядок, который ранее одобрялся участниками экономической деятельности в качестве допустимого общественного контроля за соблюдением прав бизнес-сообществом.

Правоприменительная практика последнего времени требует пересмотра многих, утративших свою актуальность, положений концепции уголовной политики в сфере экономической деятельности, в том числе об уголовно-правовых средствах как эффективном механизме упорядочения социально-экономических отношений.

Оценка современных тенденций криминальной ситуации в России, сложившейся в сфере экономической деятельности, требует тщательного подхода к разработке концептуальных основ современной уголовной политики, в первую очередь требуя обязательного учета основных положений экономической теории. Уголовная политика отвечает требованиям разумности, когда в максимальной степени учитывает интересы всех участников экономической деятельности, исходя прежде всего из принципа экономической целесообразности.

В ходе осуществления экономической деятельности огромное влияние на поведение субъектов оказывают индивидуальные предпочтения, их игнорирование влечет за собой сопротивление многих представителей бизнес-сообщества проводимым государством реформам в сфере экономический отношений.

Одной из основных задач концепции уголовной политики в сфере экономической деятельности, является убеждение каждого участника экономических отношений добровольно пожертвовать частью своей экономической свободы ради укрепления стабильности экономики государства.

Основное преимущество уголовной политики в сфере экономической деятельности перед реальным уголовно-правовым воздействием на преступность в сфере экономики заключается в определенной гибкости, позволяющей использовать формы и методы воздействия на экономическую преступность с минимальным ущербом для интересов экономики. Такая модель борьбы с экономической преступностью более соответствует современным реалиям экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К. Экономическая безопасность как элемент национальной безопасности и объект уголовно-правовой охраны // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы в условиях пандемии: сб. матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. юрид. ф-та СПбГЭУ; СПб, 8 апр. 2021 г. / под науч. ред. Н. А. Крайновой. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 163–171.
2. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. О приоритетах уголовно-правовой политики в связи с противодействием преступности и обеспечением национальной безопасности // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти засл. деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. В. П. Малкова. Чебоксары, 2–3 октября 2020 г.: в 2 ч. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. Ч. 1. С. 195–201.
3. Подвойкина И. А. Уголовное право в механизме обеспечения экономической безопасности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2021. № 2(63). С. 63–67.

ШЕНШИН В. М.

доцент кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
к. ю. н., доцент (г. Санкт-Петербург)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, нацелена на должный уровень обеспечения государственной и общественной безопасности и существенное снижение уровня террористической активности (п. 12).

В п. 44 Стратегии определяется, что дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку оказывают экстремистские проявления. Международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи.

В п. 47 Стратегии предусмотрено, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение таких задач, как предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма; финансирования терроризма; предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи.

При этом Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 165-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» установлены правовые основы контроля (надзора) в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения.

В п. 52 Стратегии подчеркивается, что в целях дестабилизации общественно-политической ситуации в РФ распространяется недостоверная информация, в том числе заведомо ложные сообщения об угрозе совершения террористических актов. В информационно-телекоммуникационной сети Интернет размещаются материалы террористических и экстремистских организаций, призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, совершению самоубийства, осуществляется пропаганда криминального образа жизни, потребления наркотических средств и психотропных веществ, размещается иная противоправная информация. Основным объектом такого деструктивного воздействия является молодежь.

Одновременно нарастают проявления религиозного экстремизма и терроризма (п. 86 Стратегии). Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны экстремистских и террористических организаций (п. 87 Стратегии).

Зашита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обеспечивается путем решения задачи по защите российского общества от внешней идеино-ценостной экспансии и внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой и религиозной нетерпимости, межнациональной розни (пп. 13 п. 93 Стратегии).

В 2016 г. Президент РФ подписал два антитеррористических закона — так называемый, «Пакет Яровой». Первым (Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности») внесены изменения в УК РФ и УПК РФ, в частности усиlena ответственность за ряд преступлений террористической и экстремистской направленности, введены новые составы: несообщение о преступлении, акт международного терроризма, расширен перечень преступлений, ответственность за совершение которых наступает по достижении 14-летнего возраста. Вторым (Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности») скорректированы положения 18-ти законов, в том числе в сфере оперативно-розыскной деятельности, производства и оборота оружия, воздушных перевозок, почтовой связи. Кроме того, документом установлены новые требования к объему и срокам хранения данных операторами связи и организациями распространения информации в Интернете.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 УК РФ уголовное законодательство РФ обеспечивает безопасность человека. Так, например, проектом Федерального закона № 1157845-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях усиления ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия» в целях обеспечения дополнительных возможностей для противодействия терроризму, экстремизму, а также организованной преступности законопроектом предлагается:

— рассматривать использование сети Интернет как квалифицирующий признак при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия;

- квалифицировать состав преступления в форме сбыта огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему как тяжкое преступление;
- вывести преступления, связанные с незаконным оборотом крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему, в отдельную статью УК РФ;
- ввести уголовную ответственность за незаконное изготовление или сбыт пневматического оружия с дульной энергией выше 7,5 Дж;
- приравнять хулиганство, совершенное с использованием легковоспламеняющихся, пиротехнических и иных предметов или веществ, представляющих опасность для окружающих, к аналогичному деянию, совершенному с использованием оружия;
- усилить меры наказания, предусмотренные ст. ст. 222, 222.1, 223 и 223.1 УК РФ.

Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 299-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» уточнено понятие экстремизма. Теперь к экстремизму относится нарушение целостности страны. Уточнено, что речь идет о нарушении территориальной целостности [1, с. 8–11; 2, с. 14–19] (в т. ч. отчуждении части территории), кроме делимитации, демаркации границы.

Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» и статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» установлено, что в России запрещается использование, в том числе публичное демонстрирование, являющихся экстремистскими материалами изображений руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала).

Также к экстремистским материалам теперь отнесены, в том числе выступления, изображения руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), выступления, изображения руководителей организаций, сотрудничавших с указанными группами, организациями или движениями.

Экспертами отмечается, что уровень пропаганды террористической и экстремистской деятельности [3, с. 496–499; 4, с. 563–

567] растет: снимаются качественные видеоролики, составляются комиксы, призывающие к борьбе с несправедливостью для создания идеального мира и т. д., то есть используются наиболее популярные среди подростков виды контента. Поэтому и борьбу с пропагандой нужно вести, используя подобные механизмы, например, снимать фильмы и выпускать наглядные брошюры с разъяснением реальных целей террористических и экстремистских группировок, методов выявления действий вербовщиков и противостояния им.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» внесены изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», что обусловлено возникающими в правоприменительной практике вопросами.

Разъясняется, что свобода мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом могут быть ограничены только в исключительных случаях, прямо закрепленных в федеральном законе. Суды, должны тщательно проверять наличие не только повода, но и основания для возбуждения дела при рассмотрении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела о преступлении экстремистской направленности в порядке ст. 125 УПК РФ. Это предполагает представление в суд материалов, содержащих достаточные данные, указывающие на признаки соответствующих преступлений. Применительно к ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») к таким данным относится не только сам факт размещения в Интернете изображения, аудио- или видеофайла, содержащего признаки возбуждения вражды и ненависти, унижения достоинства человека либо группы лиц, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, мотив его совершения.

При рассмотрении дел о размещении лицом в сети «Интернет», в частности, на своей странице или на страницах других пользователей, материала (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом, включая информацию, ранее признанную судом экстремистской, следует убедиться, что лицо, разместившее такой материал:

— осознавало направленность действия на нарушение основ конституционного строя,

— а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унизить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

В случае недоказанности указанных фактов, деяние не может быть квалифицировано по ст. 282 УК РФ.

Решая вопрос о наличии или отсутствии у лица прямого умысла и преступной цели, суд должен исходить из всех обстоятельств содеянного и учитывать форму и содержание размещенной информации, ее контекст, факт личного создания либо заимствования информации, отношение автора к ней, а также содержание всей страницы этого лица.

Кроме того, имеет значение деятельность лица, разместившего данную информацию, до и после публикации, его личность (приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее к административной или уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частота и продолжительность ее размещения и др.

Также суды должны учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности деяния. В связи с этим судам необходимо принимать во внимание влияние размещенной информации на поведение аудитории, которой она была доступна, размер и состав этой аудитории, количество просмотров.

При этом заключения эксперта по делам о преступлениях экстремистской направленности не имеют заранее установленной силы, не обладают преимуществом перед другими доказательствами. Они оцениваются по общим правилам в совокупности с другими доказательствами.

Вопрос о том, являются ли иные действия публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности или к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, а также возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства, относится к компетенции суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грешиных А. А., Уткин Н. И., Шеншин В. М. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и тер-

риториальной целостности Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 8–11.

2. Грешных А. А., Уткин Н. И., Шеншин В. М. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 14–19.

3. Шевченко И. В., Дынер А. В. Войска национальной гвардии РФ в борьбе с экстремизмом // Теория и практика современной аграрной науки: сб. матер. III Национал. (Всерос.) науч. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2020. С. 496–499.

4. Шевченко И. В., Мамрещев А. А. Государственный механизм противодействия угрозам государственной и общественной безопасности: вопросы реализации // Актуальные проблемы агропромышленного комплекса: сб. матер. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Новосибирск : НГАУ, 2020. С. 563–567.

ХАЙРУТДИНОВА Л. Р.

старший преподаватель

кафедры уголовного права и процесса

Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова

(г. Набережные Челны)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ

Согласно ст. 127.1 УК РФ, торговля людьми является формой современного рабства, в которой субъекты преступления, подвергают насильственной эксплуатации женщин, мужчин и детей. Торговля людьми – рассматривается как одна из самых острых проблем в области прав человека в наше время и затрагивает всех, независимо от возраста, пола, этнической принадлежности и социально-экономического положения.

По оценкам экспертов, во всем мире 71% порабощенных составляют женщины и девочки, а мужчины и мальчики составляют 29%. Торговля людьми приносит ее организаторам огромную прибыль в размере около 150 млрд. долларов в год, 99 млрд. из которых поступают от коммерческой сексуальной эксплуатации [1].

Сегодня в мире в современном рабстве находится от 20 до 40 млн. человек. Оценить масштабы торговли людьми в полном объеме

сложно, поскольку такие преступления, часто остаются латентными, что ООН называет «скрытой формой преступления» [2; 3].

На международном уровне выявляется только около 0,04% жертв торговли людьми, а это означает, что подавляющее большинство случаев торговли людьми остаются латентными. По мнению К. А. Волкова, жертвы торговли людьми, исходя из особенностей законодательства, которое не гарантирует полную защиту и реабилитацию, редко идут на контакт с правоохранительными органами, предпочитая умалчивать о совершении в отношении них совершения преступления во избежание применения разного рода санкций, что и определяет высокий уровень латентности указанных преступлений [4, с. 145]. По этой причине мы не можем точно оценить масштабы данного явления.

Почему же в настоящее время до сих пор существует и имеет международный характер такое явление как торговля людьми?

Торговля людьми — это рыночная преступная индустрия, основанная на принципах спроса и предложения, наряду с торговлей наркотиками и оружием. Можно привести множество причин, ситуаций и факторов, которые делают детей и взрослых беспомощными, уязвимыми для совершения в отношении их преступления. Однако торговля людьми существует не только потому, что многие люди уязвимы для эксплуатации, а напротив, данный вид преступления подпитывается спросом на продажу органов или тканей человека, дешевую рабочую силу, сексуальные услуги и т. п.

Субъекты преступлений по ст. 127.1 УК РФ — это те, кто продает, покупает, передает, перевозит, принуждает, обменивает человека для получения прибыли от существующего спроса. Субъекты преступления, виновные в торговле людьми, охватывают все расовые, этнические и гендерные демографические группы.

Факторы, которые способствуют совершения такого рода преступлений, включают в себя: коррумпированность должностных лиц, отсутствие правовых инструментов в противодействии торговли людьми, низкая осведомленность общества [5, с. 121], несовершенство правового регулирования (причина несовершенства в том, что они являются результатом имплементации международно-правовых терминов в национальное законодательство [6]), отсутствие расследований со стороны правоохранительных органов, ограниченные материальные ресурсы по реабилитации жертв, отсутствие профилактических мероприятий со стороны правоохранительных органов.

К значительным факторам риска относятся: миграция или перееzd, употребление наркотических, психотропных веществ, проблем-

мы с психическим состоянием, безнадзорность, беспризорность. Часто торговцы людьми выявляют уязвимость своих жертв, что является фактором, определяющим их выбор в качестве жертвы.

Соответственно, чтобы, в конечном итоге, решить проблему торговли людьми важно устраниТЬ эти определяемые спросом факторы, а также изменить общие рыночные стимулы для получения высокой прибыли и низкого риска, которыми в настоящее время пользуются торговцы людьми.

При отсутствии предупреждения и противодействия со стороны государства торговля людьми будет продолжать процветать в условиях, когда преступники получают огромную прибыль при относительно низком риске быть задержанными, так как ими выработан ряд отработанных схем совершения преступления. В связи с чем, требуется выработка комплекса эффективных мер, способствующих сокращению таких преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирный доклад «Торговля людьми в цифрах» от 31 июля 2019 г. URL: <https://www.humanrightsfirst.org/resource/human-trafficking-numbers>.
2. Доклад МОТ «Принудительный труд, современное рабство и торговля людьми» от 31 июля 2019 г. URL: <http://www.ilo.org/global/topics/forced-labour/lang--en/index.htm>.
3. Доклад Управления ООН по наркотикам и преступности «Мониторинг задачи 16.2 Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций» от 31 июля 2018 г. URL: https://www.unodc.org/documents/research/UNODC-DNR_research_brief.pdf.
4. Волков К. А. Почему проблема торговли людьми и эксплуатации человека остается острой? // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 142–148.
5. Хайрутдинова Л. Р. Значимость гражданского общества в борьбе с коррупцией // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 1. № 8. С. 121–123.
6. Кадников Ф. Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с торговлей людьми : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2007. 243 с.

КОРЕЦКИЙ Д. А.

*профессор кафедры уголовного права и криминологии
Южного Федерального университета, д. ю. н., профессор
(г. Ростов-на-Дону)*

ГОНЧАРОВ А. В.

*военный следователь Следственного комитета РФ,
аспирант Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик)*

ЦЕЛИ «АНТИОРУЖЕЙНОГО» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РЕАЛЬНОСТЬ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

Исторические прогнозы развития преступности нередко отличались пессимизмом. «Преступление так же вечно как смерть и болезнь, наказание никогда не исчезнет, меры предупреждения никогда не победят преступности, точно так же как величайшее открытие гигиены никогда не победит смерти и болезней» [1]. Эти слова из Лейпцигского доклада Франца Фон Листа 1889 года кажутся пророческими, и являются актуальными в наши дни.

Преступность, являясь тесно связанный с обществом системой, чутко реагирует на негативные последствия geopolитических, социально-экономических и идеологических изменений постмодерна. И если динамика количественных показателей, в целом, имеет с 2007 года не получившую четких и определенных научных объяснений, но устойчивую тенденцию к снижению, то качественные характеристики некоторых видов преступлений обостряются, что так же не получило теоретически обоснованных толкований.

Вместо этого, как справедливо отмечает профессор А. В. Наумов, «законодатель занят интенсивной «штамповкой» уголовных законов в виде многочисленных поправок к действующему Уголовному кодексу Российской Федерации (как правило, изобретающих новые уголовно-правовые запреты или иным образом усиливающих уголовную ответственность и наказание). Чаще всего эти изменения вряд ли можно признать удачными, так как они не воспринимаются ни жизнью, ни правосудием, ни доктриной уголовного права. Законодатель при этом наступал на те же грабли, что и раньше, по-прежнему превращая уголовный закон в ложно понимаемый им инструмент для достижения социальных целей, заведомо неспособных быть реализованными путем приятия законов уголовных» [2, с. 1].

И действительно, в последние годы ученые, представители общественности и журналисты постоянно говорят о многих несураз-

ностях в уголовном законодательстве и в правоприменительной деятельности. В частности, отмечают чрезмерное обилие принимаемых законов, которые, в частности превратили УК в хаотический набор норм, лишенных системности, логического единства и четкой структуры — обязательных признаков кодифицированного закона. К тому же, эти нормы постоянно меняются, и уследить за изменениями не всегда успевают практические работники правоприменительных органов.

Но ведь еще мыслители древности вполне определенно высказывались на этот счет. Известно высказывание Жан-Жака Руссо: «Мудрый законодатель начинает не с издания законов, а с изучения их пригодности для данного общества».

Мудрость древних философов не растворилась в веках: то, о чем они говорили, хорошо известно и современным ученым. По словам Г. В. Малыцева, «Мания новаторства противопоказана праву, а присущая ему нормальная тяга к обновлению не должна осуществляться в формах, угрожающих стабильности» [3, с. 47]. Таким образом, законодательная чехарда не может быть терпимой и это не секрет в наши дни. «Особая и высшая задача правового регулирования — держать динамику общества в рамках устойчивой системы, не допустить скатывания общества к неустойчивому состоянию. Для этого необходимо следить за системностью новаций, которые приветствуются в том случае, когда они совершенствуют, делают более простым и четким порядок, а не усложняют или, еще хуже, подрывают его» [3, с. 48].

В свете отмеченной выше тенденции к снижению преступности, эта избыточная законотворческая активность совершенно непонятна, а следствием ее является результат обратный ожидаемому. Один из создателей УК РФ проф. А. В. Наумов совершенно справедливо отмечал, что «если в начале в кодексе было 360 статей, то сегодня всего их в документе уже 483 (хотя УК завершается 361-й статьей, но расширен за счет дополнительных). Кодекс изменился настолько существенно, что от его первоначальной редакции в итоге мало что осталось. И главной его бедой стала потеря им системности, что привело к серьезным затруднениям в его применении» [4].

Под этой лавиной новаций задохнулась сформулированная Ч. Беккариа аксиома относительно роли уголовных запретов в сфере противодействия преступлениям, чрезмерность которых оказывает не предупредительный, а прямо противоположный эффект: «Запрещать множество безразличных действий не значит предупреждать преступления», а произвольное расширение круга уголовно-наказуемых деяний увеличивает вероятность их совершения [5, с. 150].

Почему же законотворцы не следуют выводам мыслителей прошлых веков и доводам современных ученых? Скорей всего, оттого, что законы принимаются без предварительного изучения, без проведения криминологических исследований и консультаций со специалистами. Зачастую в основе принятия закона лежит какое-то резонансное событие или сиюминутная политическая конъюнктура. Именно так обстоит дело с законотворчеством в сфере борьбы с вооруженной преступностью, к которому в последние годы приковано все больше внимания.

По данным экспертов, собственно вооруженные преступления (в которых оружие является орудием), и преступления, связанные с оружием (в которых оно является предметом), в основном, подчиняются современному тренду на снижение (см. табл.).

Таблица¹

Статья УК	Совершено преступлений			Число лиц, их совершивших		
	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.
222 - незак. оборот оружия и б/п	23107	18076	14443	14760	12514	9322
222 ¹ – незак оборот ВВ и ВУ (с 2014 г)	-	2799	4411	-	1755	3303
223 – незак. изготовлен оружия	5600	4542	4776	3429	2377	2103
223 ² – незак. изготовл и ремонт ВВ и ВУ (с 2014 г)	-	124	165	-	49	75
224 – небрежное хранен огнестр. оружия	70	64	38	61	63	39
225 ненадлежащая.. охрана оружия, б/п, ВВ и ВУ	10	10	5	5	1	4
226 – хищение, вымогательство оружия, б/п, ВВ и ВУ	1489	1573	899	768	652	431

Значительно отличается от общего тренда только незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 222.1), и их незаконное изготовление, переделка и ремонт (ст. 223.2). Причем, это может быть объяснено тем, что данные статьи введены только в 2014 году, а до этого времени входили в статистический массив преступлений, охватываемых ст. ст. 222 и 223 УК и их динамика не могла быть отслежена отдельно от всей совокупности, охватываемых этими нормами.

¹ Подготовлено сотрудниками отдела правовой статистики и информационного обеспечения прокурорской деятельности Университета прокуратуры РФ с. н. с. Колесниковой Н. В. и н. с. Романовой М. В. на основе официальных данных формы 1-ЕГС (за 2010, 2015 и 2020 гг.).

Чем же объяснить лихорадочное законотворчество в данной сфере при благополучных, в общем, статистических показателях?

Уже первые законы «Об оружии» — от 20 мая 1993 г. и от 13 ноября 1996 г., носили запретительный характер, хотя провозглашалось в них обратное. Так, в преамбуле действующего закона «Об оружии» говорится, что он «направлен на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, обеспечение развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия...»

Однако, только одна 24 статья посвящена применению оружия гражданами Российской Федерации, точнее, она носит такое название, и в первой части «допускает» применение гражданами законно хранимого оружия в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, то есть не добавляет ничего нового к уже имеющимся уголовно-правовым институтам. Однако, остальные пять частей начинаются со слова «запрещается» и одна носит отсылочный характер, не связанный с применением оружия!

Из содержания основной массы норм, вытекает парадоксальный вывод: целью закона «Об оружии» является не то, что перечислено в его преамбуле, а обеспечение сохранности оружия и осуществление контроля за его производством, продажей, приобретением, регистрацией, хранением, перевозкой и т. п.!

Впоследствии, ограничивающие-запретительные тенденции в данной сфере усилились, закон «Об оружии» претерпевал бесконечные изменения, в связи с чем «оружейное» законодательство можно, скорее, называть «антиоружейным». Объясняется это тем, что оружие рассматривается, как потенциально опасный предмет, а его оборот — как кrimиногенное явление.

При этом не учитывается, что оборот оружия имеет несколько разновидностей: законный, незаконный и криминальный [6, с. 88–95], при этом оружие из законного оборота фигурирует в преступлениях крайне редко — в 1-2% случаев, в 98-99% используется оружие, находящееся в криминальном обороте. Между тем, после каждого резонансного вооруженного преступления, в обществе поднимается волна активности, направленной на ужесточение именно законного оборота! В основе таких подходов лежит, с одной стороны, юридическая и, в частности, криминологическая некомпетентность их инициаторов, а с другой — демагогический pragmatizm, ибо запретить что-либо законопослушным владельцам охотничьих ружей гораздо

проще, чем установить контроль за утечками автоматов и гранат из военизированных структур, изъять пистолеты и снайперские винтовки у оргпреступных группировок, оздоровить обстановку в обществе: покончить с коррупцией, усилить государственную дисциплину, коренным образом перестроить работу правоохранительных органов, повысив ее эффективность... Складывается абсурдная ситуация: препятствия создают одним людям, а преступления совершают другие!

Правда, с 2018 по 2021 гг. имели место 4 случая, когда 18-19-летние студенты колледжей и вузов из легально приобретенных ружей устроили массовые расстрелы своих соучеников и родственников. Несмотря на тяжкие последствия, это единичные случаи, которые не меняют статистической картины. Тем более, что за последние семь лет в школах и иных учебных заведениях совершены десятки нападений с применением не только огнестрельного, но и пневматического оружия, взрывчатых веществ, ножей, молотков, которые не вызвали широкого общественного резонанса, хотя свидетельствуют о крайнем неблагополучии в рассматриваемой сфере. Причины и условия их не выявляются, а нередко и наоборот — затушевываются.

И вот результат — возрастная планка приобретения оружия, повышена до 21 года! Между тем, по данным криминологических исследований, вооруженные преступления совершаются, в основном с 22 до 39 лет, а лица, старше 45 лет в выборке вообще не присутствуют [7, с. 33]. Но идя по этому пути можно дойти до абсурда и поднять возраст покупки до 45 лет!

Какие же еще уроки извлечены из четырех за три года массовых расстрелов?

1 июля 2021 г. принят очередной «антиоружейный» Федеральный закон № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который в очередной раз «закрутил гайки» в обороте оружия, причем это «закручивание» никак не вытекает из практики массовых расстрелов и направлено на не имеющую практического значения избыточную детализацию криминальных действий с оружием.

Но ведь причины преступлений надо искать не в оружии, а в социуме! В повышении раздражительности, агрессивности, конфликтности, стрессах от ЕГЭ, разочарованиях жизнью. В том, что насилие стало подаваться в качестве нормы, а сила и страх окружающих — в качестве добродетелей. Молодые особенно это чувствуют, отсюда и буллинг, и сцены издевательств в Интернете, и шутинг. Хотя за красивыми иностранными словечками кроется очень серьезное со-

циальное явление, которое «антиоружейными» законами решить невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лунеев В. В. Преступность ХХ века: мировые, региональные и российские тенденции : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2021.*
2. *Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. Москва : Проспект, 2021. Часть I.*
3. *Мальцев Г. В. Социальные основания права. Москва : Норма, 2007.*
4. Автор рассказал о главной беде российского уголовного кодекса. URL: <https://www.mk.ru/social/2021/08/03/avtor-rasskazal-o-glavnoy-bede-rossiyskogo-ugolovnogo-kodeksa.html> (дата обращения: 03.08.2021).
5. *Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. Москва : ИНФРА-М, 2004.*
6. *Корецкий Д. А., Солоницкая Э. В. Оружие и его незаконный оборот. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006.*
7. *Корецкий Д. А., Землянухина Л. М. Личность вооруженного преступника и предупреждение вооруженных преступлений. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003.*

ИЩЕНКО Д. П.

*доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета РФ, к. ю. н.*

ИЩЕНКО Г. К.

*доцент кафедры уголовного права и криминалистики
Донского государственного технического
университета, к. ю. н. (г. Ростов-на-Дону)*

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сегодня преступность несовершеннолетних приобрела значительные масштабы, требующие принятия активных мер как со стороны государства и общества. Актуальность проблемы противодействия преступности несовершеннолетних не вызывает сомнения. Прежде всего, это связано с предотвращением преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также оказанием положительного влияния в процессе реабилитации и воспитания проблемных подростков.

Направления противодействия и профилактики правонарушений несовершеннолетних являются одними из приоритетных задач не только всех структур правоохранительного блока, но всех государственных, муниципальных органов и общественных институтов.

Одним из направлений такой работы, вызывающим многочисленные споры, является освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности.

Законодатель предусмотрел в УК такой специальный институт как освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности. При его применении несомненно следует принимать во внимание особенности психологического развития несовершеннолетних нарушителей, особенности их физиологии, социализации. Кроме того, необходимо обеспечить недопущение рецидива преступлений со стороны несовершеннолетних.

Закон закрепляет особый правовой статус несовершеннолетних. При этом уголовно-правовое воздействие на данную категорию субъектов основано на принципе возможности достижения целей уголовного преследования посредством менее строгих мер и средств, чем уголовная ответственность и уголовное наказание. В связи с этим приоритетными сегодня являются принципы справедливости и гуманизма уголовно-правового воздействия на подростков.

Совершенное преступление накладывает глубокий отпечаток не только на психику подростка, но и на его дальнейшую судьбу. То есть преступление, которое совершено лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, наносит вред не только социальным отношениям, но и личности самого подростка, что предопределяет соответствующее негативное социальное отношение к реальности.

По общему правилу, виновное лицо подлежит уголовной ответственности и должно быть подвергнуто наказанию. Но правоприменительная практика показывает, что не всегда привлечение виновного к уголовной ответственности является целесообразным и соответствует таким принципам, как гуманизм и справедливость.

Не вызывает сомнения тот факт, что наказание несовершеннолетнего не всегда может исправить осужденного, а напротив, лишь способствовать продолжению его преступной деятельности. В этом контексте институт освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних имеет огромное профилактическое значение [1].

Уголовный закон предусматривает особенности освобождения несовершеннолетнего лица от уголовной ответственности и наказания при наличии предусмотренных законом обстоятельств.

Освобождение от уголовной ответственности — это также реакция государства на совершенное преступление и одна из мер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление [6]. С одной стороны, освобождение от уголовной ответственности определяется как решение органа государственной власти об освобождении виновного в совершении преступления от наказания, то есть от обязанности подвергнуться судебному осуждению и понести меры государственного принуждения. Но, с другой стороны, освобождением считается, прежде всего, избавление от вынесения обвинительного приговора суда [2, с. 50–53]. В таком случае социальное значение института освобождения от уголовной ответственности состоит в том, что исправление лица может достигаться и без применения к нему назначения наказания, таким образом, государство рассчитывает на законопослушное поведение виновного в будущем. Также стоит отметить и такие ситуации, в которых лицо не привлекается к уголовной ответственности ввиду отсутствия в деянии состава преступления или недоказанности его участия в совершении того или иного преступления [3].

История Российского уголовного законодательства имеет примеры представления данного института не только нормами, которые освобождали от отрицательных последствий, но еще методами, предусматривающими использование определенных мер реагирования.

Раннее, по УК РСФСР 1960 г., существовало три вида освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности, а именно:

- в связи с постановкой подростка на учет в комиссии по делам несовершеннолетних;
- передача материалов дела в товарищеский суд;
- применение мер административной ответственности.

Стоит отметить, что в настоящее время несовершеннолетние могут освобождаться от уголовной ответственности и уголовного наказания как по общим нормам, которые применяются ко всем лицам, так и по специальным. Общие нормы предусматривают освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания в связи:

- с деятельным раскаянием;
- с примирением с потерпевшим;
- с истечением сроков давности.

К нормам освобождения от уголовного наказания относятся:

- условно-досрочное освобождение от отбывания наказания;
- освобождение от наказания в связи с болезнью;

— освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда.

То есть общим основанием освобождения от уголовной ответственности в данных случаях, выступает нецелесообразность привлечения его к уголовной ответственности в связи с утратой общественной опасности.

Специальным же основанием освобождения от уголовной ответственности может выступать совершение таких категорий преступлений, как небольшой и средней тяжести, но только в случае признания судом возможности достижения его исправление путем применения мер принудительного воспитательного характера. За совершение несовершеннолетним преступлений средней тяжести или тяжкого преступления лицо может быть освобождено от уголовной ответственности по решению суда и направлено в специальные учебно-воспитательные учреждение закрытого типа органа управления образования [4, с. 9–11].

Помимо выше перечисленных существуют также и процессуальные основания освобождения от уголовного наказания. Таковыми являются постановления следователя, прокурора, дознавателя и само определение суды о прекращении уголовного дела.

Под криминологическим основанием освобождения от уголовной ответственности принято понимать допустимость исправления несовершеннолетнего без применения мер уголовной ответственности, например, путем применения мер воспитательного воздействия, то есть возможность перевоспитания и исправления без применения уголовного наказания.

Другое перспективное направление — это выявление и постановка на учет правонарушителей, особенно лиц наркозависимых. Хотя такой работы не ведется, потенциал такой профилактической работы в учебных, образовательных, медицинских, оздоровительных организациях, учреждениях и трудовых коллективах огромен [5, с. 23–27].

Необходимо указать и применение уголовно-правовых оснований освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, таких как возраст несовершеннолетнего виновного, а также совокупность смягчающих обстоятельств, таких как совершение преступных деяний впервые, положительные характеристики с места учебы, участие в общественной жизни и другие.

Многочисленные примеры привлечения к уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних не способствуют их исправлению, а вовлекают их дальнейшую преступную деятельность. В отличие от положений уголовного кодекса РСФСР действующее за-

конодательство не предусматривает такой институт, как участие общественности, например, передача товарищескому суду. Считаем, что во многих случаях применение таких мер, как передача на поруки (перевоспитание) в учебный, трудовой коллектив могло бы дать положительный результат. Другая недооцененная и непредусмотренная действующим законодательством мера для исправления несовершеннолетних правонарушителей — это привлечение к общественно-полезному труду с установлением соответствующего надзора.

Среди всех уголовно-правовых мер по предупреждению преступности несовершеннолетних важное значение придается именно институту освобождения от уголовной ответственности, что вызвано гуманным отношением государства по отношению к лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте. В связи с этим ключевая и первостепенная роль должна отводиться принудительным мерам воспитательного воздействия, система которых должна совершенствоваться и расширяться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Т. 1 / под ред. А. В. Бриллиантова, Г. Д. Долженковой, Э. Н. Жевлакова и др. Москва : Проспект, 2018.
2. Белоусова Е. А. О некоторых вопросах прекращения уголовного дела уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего // Криминалистъ. 2010. № 2(7). С. 50–53.
3. Уголовное право России / М. П. Журавлев, А. В. Никулин, С. Н. Намумов и др. ; под ред. А. И. Рарога. Москва : Проспект, 2019.
4. Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности // Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 9–11.
5. Йщенко Д. П. Изъятие оружие у «опасных для общества» граждан. // Теоретические и прикладные проблемы противодействия негативным социальным явлениям (на примере наркотизации и алкоголизации) : сб. матер. Регион. конф. / отв. ред. О. В. Ившукова. Иркутск : Изд-во ВСИ МВД РФ, 2019. С. 23–27.
6. Дуюнов В. К. Освобождение от уголовной ответственности как реакция государства на преступление // Правовая держава. 2013. № 16. С. 31–37.

Р А З Д Е Л 4

ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ИХ СООТНОШЕНИЕ С ЦЕЛЯМИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

МИЛИЧ И. Д.

*ассистент кафедры уголовного права
юридического факультета
Государственного университета в городе Нови-Сад,
д. ю. н. (Республика Сербия, г. Нови-Сад)*

О ТЮРЕМНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБИЯ

В большинстве случаев, уголовным наказанием, которое назначается лицам, совершившим уголовное преступление в Республике Сербия, является не реальное тюремное заключение, а условное осуждение. Тюремное заключение, которое считается одним из самых строгих видов уголовного наказания в Республике Сербия, отбывается в пенитенциарном учреждении или в квартире/доме осужденного, и эти правила обычно регламентируются Уголовным кодексом Республики Сербия [3]. Правила, касающиеся назначения и исполнения приговора к лишению свободы, в Сербии часто меняются, как с точки зрения установления максимального срока лишения свободы, так и с точки зрения определения места-учреждения, в котором будет отбываться наказание.

До 2019 года самая строгая санкция в связи с тюремным заключением в Сербии была от 30 до 40 лет лишения свободы. Назначение такого наказания предусматривалось вместо смертной казни за наиболее тяжкие преступления. Однако на практике оно применялось редко [1]. Как правило в приговоре данное наказание назначалось на максимальный срок. Принимая во внимание, что такое наказание могло быть назначено только лицу, которое на момент совершения уголовного преступления достигло возраста 21 года, то определенное количество осужденных будет отбывать это наказание до конца своей жизни. Бессспорно, были и осужденные, умершие в период отбывания такого наказания, учитывая их возраст на момент совершения преступления.

Можно сделать вывод, что для некоторых осужденных, приговоренных к 40 годам лишения свободы, это наказание объективно равно пожизненному лишению свободы. С другой стороны, с точки зрения осужденного, 40-летний тюремный срок для него «более благоприятен», чем пожизненное лишение свободы, потому что он все-таки надеется, что эти 40 лет пройдут, и он вновь обретет свободу.

В 2019 году под давлением общественности в Сербии было введено пожизненное лишение свободы. Оно предусмотрено как раз вместо тюремного заключения на срок от 30 до 40 лет. Наказание в виде пожизненного лишения свободы может быть назначено за некоторые особо тяжкие преступления. Таким образом, пожизненное лишение свободы назначается и за те уголовные преступления, за которые ранее был назначен тюремный срок от 30 до 40 лет. Пожизненное заключение назначается в качестве особого наказания за особо тяжкие преступления. Некоторые осужденные к пожизненному лишению свободы не могут быть освобождены условно-досрочно, поскольку это запрещено УК Сербии.

В Сербии нет специальных пенитенциарных учреждений, где отбывали бы наказание только лица, приговоренные к пожизненному лишению свободы. Таким образом, согласно действующим нормативным актам, тюремное заключение может длиться не менее 30 дней и не более 20 лет, но за самые тяжкие преступления в дополнение к тюремному заключению может быть назначено пожизненное лишение свободы. Как правило, наказание в виде лишения свободы отбывают в пенитенциарных учреждениях, которых в стране более 30 [2], причем для женщин существует только одно пенитенциарное учреждение. В этих тюрьмах отбывают наказание не только осужденные, совершившие уголовное преступление, но и другие лица, лишенные свободы по установленным законом причинам, например, задержанные лица и лица, против которых ведется дело за административные правонарушения.

Правила отбывания тюремного заключения в Сербии не изменились. Основным законом, регулирующим исполнение приговора к лишению свободы, является «Закон об исполнении уголовных наказаний» [4]. Это закон, который применяется к «обычным осужденным». Правила поведения осужденных также регулируются подзаконными актами Минюста. Однако данные акты имеют серьезные недостатки, несоответствия и содержат положения, не соответствующие закону.

Что касается исполнения приговора к лишению свободы, следует отметить, что в Сербии в 2009 году был принят «Закон об

исполнении наказания в виде лишения свободы за организованную преступность» [5], который применяется к «особым осужденным» и который регулирует исполнение приговора к тюремному заключению за преступления, совершенные организованной группой и другие тяжкие уголовные преступления. Если этот закон применяется к осужденным лицам, это означает, что такой осужденный находится в менее выгодном положении по отношению к «обычным осужденным». Осужденные, к которым применяется этот закон, отбывают наказание в виде лишения свободы в «специальном отделении», отдельно от обычных осужденных. Эта категория осужденных может улучшить свое поведение в период исполнения наказания в виде лишения свободы, поэтому возможно, что они станут «обычными осужденными» по причине хорошего поведения. В таком случае, этот закон уже не будет на них распространяться. В остальных случаях, правовое положение «особых осужденных» гораздо более неблагоприятно по сравнению с обычными осужденными. Например, как правило, они отбывают наказание в индивидуальном порядке, а контакты с внешним миром строго ограничены.

В Сербии имеется большое количество рецидивистов, которые, отбыв тюремный срок, продолжают свою преступную деятельность. Такой факт свидетельствует об отсутствии ресоциализации осужденных. Учитывая условия, в которых осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы, и помочь, оказываемую им после освобождения, неудивительно, что многие из них возвращаются «в преступный мир». Надо отметить, что тюрьмы переполнены, и что осужденные после выхода на свободу почти не получают помощи. Кроме того, после выхода на свободу осужденным сложно найти новую работу, потому что на них навешивается ярлык «бывший осужденный». С другой стороны, осужденный встречается с новыми осужденными, с которыми он поддерживает контакты даже после выхода на свободу, и которые могут быть его соучастниками в совершении новых преступлений.

Учитывая все негативные последствия отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, кажется вполне оправданным наличие возможности того, что осужденный не отбывает наказание в виде лишения свободы в тюрьме, а в помещении, в котором он проживает, в доме или квартире. В связи с этим, в Республике Сербия существует возможность отбывания наказания в виде лишения свободы в своем доме или квартире, речь идет о т.н. домашнем аресте. В этом случае осужденному нельзя покидать дом или квартиру в период нахождения под домашним арестом. Бессспорно, что

для осужденного это огромная привилегия, если он отбывает наказание в виде лишения свободы в своей квартире. Поэтому, такой способ отбывания наказания надо позволить лицам, совершившим преступления небольшой тяжести, для которых это наказание считается оправданным, учитывая все смягчающие и отягчающие обстоятельства. Таким образом, необходимо установить, что осужденный совершил преступление небольшой тяжести, и что существуют смягчающие обстоятельства, которые указывают на то, что осужденный не должен быть отправлен в тюрьму для отбывания наказания. Суд может принять решение о домашнем аресте только в том случае, если осужденный приговорен к лишению свободы на срок до одного года. Если назначено тюремное заключение на срок более одного года, осужденный должен отбывать наказание в виде лишения свободы в пенитенциарном учреждении. Кроме того, только за одно уголовное преступление этот способ отбывания тюремного заключения не может быть избран. Осужденному за уголовное преступление против брака и семьи, проживающему с потерпевшим в одном домашнем хозяйстве, не может быть назначен домашний арест. Суд устанавливает в решении наличие электронного наблюдения за отбывающим домашний арест. В период отбывания наказания в виде лишения свободы, осужденный может покидать дом или квартиру не более 2 часов в день. Если оправдано, осужденному может быть разрешено чаще покидать место домашнего ареста, например, по причинам работы. Осужденного, находящегося под электронным наблюдением, легко контролировать, покидает ли он помещение, в котором он проживает, в отличие от осужденного, который не находится под электронным наблюдением. В этом случае без предварительного уведомления проверяется, находится ли осужденный в своем доме или квартире. Контроль осуществляется и путем звонка на стационарный телефон осужденного. Если осужденный покидает помещение, в котором он живет больше разрешенного, это будет означать, что осужденный не действует в соответствии с применимыми к нему правилами, и в этом случае суд решает, что осужденный отбывает оставшуюся часть наказания в тюрьме.

Как и в других странах, в Сербии несовершеннолетние совершают уголовные преступления. Соответственно, им может быть назначено наказание в виде лишения свободы как самая строгая мера наказания. Исполняться оно должно в специальных тюрьмах для несовершеннолетних. Следовательно, несовершеннолетние не могут отбывать наказание в виде лишения свободы в своем доме или квартире. В Сербии есть только одна тюрьма, где исполняется наказание в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних.

Мы уже отмечали, что в Сербии есть осужденные, которые не могут быть освобождены условно-досрочно (это является исключением). Как правило, осужденные могут быть освобождены условно-досрочно, независимо от того, отбывают ли они наказание в виде лишения свободы в пенитенциарном учреждении или в своем доме или квартире. Осужденные могут быть освобождены условно-досрочно, если они отбыли 2/3 срока тюремного заключения и если хорошо себя вели. Об условно-досрочном освобождении решение принимает компетентный суд. В этой процедуре нелегко определить, хорошо ли вел себя осужденный, потому что осужденного редко приглашают присутствовать на судебном разбирательстве, на котором принимается решение о его праве на условно-досрочное освобождение. Поэтому, как правило, самое важное для суда – это документ о поведении осужденного, который предоставляет в суд пенитенциарное учреждение. Это неправильное решение, потому что осужденному всегда должно быть предоставлено право на доступ к суду, только так осужденный может показать суду, что он не сделал никаких «заявлений» относительно своего права на условно-досрочное освобождение. Также суд может получить «полную картину» о поведении осужденного в период отбывания наказания, только если он услышит и увидит осужденного.

В некоторых последующих изменениях нормативно-правовых актах, такие меры должны быть изменены, а также следует рассмотреть вопрос о том, чтобы позволить осужденному участвовать путем видеосвязи для передачи звука и изображения, в разбирательстве, на котором его ходатайство об условно-досрочном освобождении рассматривается. Бессспорно, что размер и способ исполнения приговора к тюремному заключению зависят от тяжести совершенного деяния и личности преступника. Отправка осужденного в тюрьму для проведения в ней определенного количества лет – строгое наказание, которое должно применяться, только когда оно оправдано. Определенное количество осужденных осознает тяжесть своих преступлений только тогда, когда они отбывают наказание в виде лишения свободы в пенитенциарном учреждении. С другой стороны, всегда, когда это оправдано, к осужденному должно быть применено альтернативное наказание (например, условное осуждение или судебное предупреждение), а также должно быть принято решение об отбывании наказания в виде лишения свободы в помещениях, в которых осужденный проживает.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Милич Иван.* Новеллы в Общей части Уголовного кодекса // Сборник работ Юридического факультета в Нови-Саде. 2020. № 1. С. 369–370 (серб. Милич Иван. Новине у Општем делу Кривичног законика, Зборник радова Правног факултета у Новом Саду. 1/2020, 369-370).
2. *Милич И.* Где исполняется наказание в виде лишения свободы в Республике Сербия? // Журнал Союза криминалистов и криминологов. 2020. № 3. С. 168–174.
3. Уголовный кодекс Республики Сербия // Официальный вестник Республики Сербия. №№ 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019 (Службени гласник РС. бр. 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019).
4. Закон Республики Сербия «Об исполнении уголовных наказаний» // Официальный вестник Республики Сербия. 2014. № 55; 2019. № 35 (серб. Закон о извршено кривичних санкција, Службени гласник РС, бр. 55/2014, 35/2019).
5. Закон Республики Сербия «Об исполнении наказания в виде лишения свободы за организованную преступность» // Официальный вестник Республики Сербия. 2009. № 72; 2010. № 101 (серб. Закон о изврше□у казне затвора за кривична дела организованог криминала, Службени гласник РС, бр. 72/2009, 101/2010).

АЛИКПЕРОВ Х. Д.

директор Центра правовых исследований,
д. ю. н., профессор
(Азербайджанская Республика, г. Баку)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Постановка проблемы. Среди широкого перечня фундаментальных проблем современной теории уголовного права институт наказания, как важный правовой инструментарий воздействия на индивидуальное преступное поведение, всегда стоял особняком в силу того, что он многогранен, мало изучен и весьма сложен для досконального познания. И это при том, что с древнейших времён к данной проблеме прикованы пытливые взоры лучших умов человечества, об этом феномене написано огромное количество книг, опубли-

кованы сотни тысяч научных статей, по проблемной тематике проведены тысячи международных конференций, защищено множество диссертаций. В уголовно-правовой литературе описаны сотни теорий, раскрывающих истоки наказания, дано бесчисленное количество его определений и целей.

Так, для поиска гносеологических, онтологических и аксиологических характеристик наказания философы, как периодов классической античности, Просвещения, так и более позднего времени, прикладывали колоссальные умственные усилия. Проблемы наказания являлись предметом фундаментальных исследований основоположников антропологической, классической и социологической школ уголовного права, классиков уголовно-правовой и пенологической мысли.

Начиная с Авесты, заложившей основы единобожия, во всех авраамических религиях вопросы наказания были и остаются в центре внимания учёных-богословов. Нет недостатка и в работах выдающихся писателей, в которых рассмотрены отдельные пласти нравственных и психологических сторон преступления и наказания разных исторических периодов.

Однако ни столь повышенное внимание к проблемам наказания, ни внушительный объём знаний об этом феномене, накопленный человечеством за истекшие века, не обеспечили создания единого цельного учения, в силу чего по сей день существует широкий круг малоизученных вопросов. Многие из них до настоящего времени окутаны тайной. В силу этого сегодня никто не может утверждать, что уголовное право обладает целостным учением о наказании по той простой причине, что, к примеру, до сих пор так и не установлено, где и когда возникло наказание, кто является его «архитектором».

Таким образом, если с теории наказания «стряхнуть пыль веков», освободить её от непомерной схоластики и лукавства любомудров, то в сухом остатке мы обнаружим не гносеологические и аксиологические аспекты учения о наказании, а, образно говоря, мозаику, в которой не достаёт многих фрагментов. Поэтому прав Н. Хавронюк, когда пишет, что «из века в век, из тысячелетие в тысячелетие лучшие умы человечества и учёные-юристы в вопросе об уголовном наказании продвинулись недалеко: по сути, они лишь констатировали, что наказание должно быть справедливым и милосердным... Мы до сих пор не знаем, какое наказание нужно назначить преступнику для того, чтобы была достигнута цель кары, а также для того, чтобы он исправился и более не совершал преступления» [3].

Словом, наказание — проблема, в которой очень много вопросов без ответов. Поэтому долгие столетия в теории уголовного права этот институт остаётся непостижимо сложной загадкой, хотя были и есть исследователи, утверждающие, что наказание — это творение человеческой мысли, которое посредством пенологической прививки перевоплощает убийц и бандитов, разбойников и грабителей, воров и насильников в добропорядочных членов общества. Между тем давно доказано, что наказание никогда не было панацеей от преступлений. Оно является лишь вынужденной, крайней мерой уголовно-правового воздействия на те или иные общественно опасные деяния, а его чрезмерное применение в деле противодействия преступности подобно использованию бензина в качестве средства тушения пожара.

Восприятие проблемы. Не утихают страсти вокруг феномена наказания и в наши дни — проблема является предметом пристального внимания правоведов и философов, историков и социологов, антропологов и психологов. Подобный интерес к исследуемому феномену понятен, если учесть, что «в нём выражается душа уголовного права как универсального правового инструмента в противостоянии преступности» [1, с. 293]. Развивая эту мысль, И. М. Рагимов пишет: «Во всех областях уголовного права нет другого понятия, которое хотя бы приблизительно могло сравняться с понятием наказания в его культурно-историческом и философском значении» [4].

Несколько десятков лет назад в зарубежной криминологии возникла доктрина «Кризиса наказания», которая позже была подхвачена многими исследователями на постсоветском пространстве. По мнению сторонников этой идеи, «Кризис наказания» проявляется, в частности, в росте зарегистрированной как общей, так и рецидивной преступности, которые не снижаются под воздействием наказания, независимо от его суровости и карательных свойств.

Но так ли это? Является ли неэффективность наказания базовой причиной осложнения криминогенной ситуации в социуме, раста в нем рецидива и т. д.

Ведь наказание — лишь инструмент, такой же как, к примеру, отвёртка, ножницы, разводной ключ и т. д., они могут износиться, сломаться, но по определению кризиса у этих инструментов быть не может.

Как известно, наказание возникло в живой среде задолго до человека в качестве инструмента насилия против зла. В силу этого его эффективность в статичном состоянии равна нулю. Следовательно, перед наказанием невозможно ставить какие-то цели, они могут быть определены только субъектом его применения, причем с

учётом объективных возможностей карательных свойств наказания. Отсюда следует, что только в процессе применения наказания оно может дать нужный эффект, так как по самой своей природе оно есть не более чем орудие, как автомат без патронов. И, как всякое средство, наказание неизменно нуждается в наличии некой направляющей силы. Поэтому надо говорить не о кризисе наказания, а о кризисе исполнения наказания.

Следовательно, корень зла в рассматриваемом вопросе надо искать не в самом наказании, а непосредственно в субъекте:

а) учредившем виды наказания и их сроки (размеры), надлежащие применению к лицу, совершившему то или иное преступление;

б) определившем его вид и сроки (размеры), надлежащие к конкретному осужденному за совершенное преступление, а также режим отбывания этого наказания;

в) вырабатывающему методы и устанавливающему правила реализации назначенного судом наказания;

г) в пенитенциарном учреждении, непосредственно осуществляющему реализацию этого наказания;

д) в органах реосоциализации освобожденных от отбывания наказания.

Иными словами, эффективность наказания зависит прежде всего от законодателя, который должен установить оптимальные меры наказания за то или иное преступление, от судьи, который должен постановить обвинительный приговор с разумной мерой наказания, способной обеспечить его реосоциализирующий потенциал, от рациональных директивных документов Федеральной службы исполнения наказаний и от уровня профессионализма сотрудников исправительных учреждений, обеспечивающих исполнение наказания, и т. д.

Некорректные дефиниции института наказания. С момента сотворения человека ни в теории уголовного права, ни в криминологии, ни в пенологии так и не установлены истоки наказания. В силу этого по сей день в науке нет вразумительных ответов на такие фундаментальные вопросы, как:

- что есть наказание?
- когда, где и как оно возникло?
- кто архитектор этого феномена?

Отсутствие вразумительных ответов на эти, как и на ряд других нерешенных вопросов проблем наказания, повлек за собой приятие наказанию несвойственных ему мерностей, и на этой основе законодатель создал конформистскую константу, согласно которой наказание применяется в целях восстановления социальной справед-

ливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (ст. 43 УК РФ).

Говоря о наказании, нельзя обойти вниманием нормативное определение такого его вида, как лишение свободы, которое чрезмерно широко применяется судами на постсоветском пространстве, в силу чего в некоторых странах его удельный вес превышает 50% (к примеру, в Азербайджане). Так, согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ «Лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в ту или иную колонию».

Честно говоря, трудно найти более досадное утверждение, чем это словосочетание. Дело в том, что возвращение осужденного в ту или иную пенитенциарную обсервацию не означает его изоляции от общества, так как:

- 1) под обществом подразумевается совокупность наделенных волей и сознанием двух и более людей, вступающих в определенные общественные отношения в той или иной социальной системе;
- 2) в культурной среде невозможно изолировать дееспособного человека от общества, за исключением его смерти или помещения на необитаемый остров.

Поэтому исправительные колонии, как и другие пенитенциарные учреждения, являются таким же социальным обществом (хотя и с негативным оттенком), что и социум, функционирующий за стенами того или иного пенитенциарного учреждения.

Не менее абсурдным является и уголовно-правовое понятие «лишение свободы». Если заглянуть в этимологические и толковые словари, в учебники по социологии, философии и т. д., то мы убедимся, что термин «свобода» достаточно многоплановое родовое понятие. Иными словами, свобода — это возможность проявления человеком своей воли в обществе. Поэтому ни органы уголовного преследования, ни суд ни при каких обстоятельствах не могут лишить человека его свободы. Во всех этих случаях можно лишь ограничить его волю, решения, действия и т. д.

Таким образом, становится очевидным, что свобода человека:
во-первых, неотчуждаема как нечто абсолютное, раз и навсегда данное Homo sapiens с момента рождения, является неотъемлемым качеством его генетической природы и имманентным свойством повседневного бытия;

во-вторых, свобода не сводится лишь к физическому перемещению человека во времени и пространстве по своему усмотрению;

в-третьих, если даже чисто гипотетически допустить, что в сутигубо правовом смысле под лишением свободы законодатель подра-

зумевает физическое лишение осужденного возможности свободно передвигаться в определённом пространстве в течение определённого периода времени, выбирать место проживания, общаться с определенной категорией людей и т. д., то и в данном случае он полностью не лишается свободы. Ведь, к примеру, даже отбывая наказание в тюрьме, осужденный все же сохраняет за собой определенные свободы, в том числе право на свободное передвижение по своему усмотрению, хотя и в строго определенном и ограниченном пространстве — в камере, во время прогулки и т. д. Поэтому и в этих случаях речь может идти не о лишении свободы, а лишь об ограничении отдельных свобод осужденного;

в-четвертых, суд может сузить волю человека, ограничить его определенные свободы в пространственно-временном континууме, но не может, по определению, отчуждать у человека свободу в целом. Это посильно только физической смерти. Поэтому суд, приговаривая подсудимого к лишению свободы, тем самым лишь ограничивает сложившийся у него повседневный уклад жизни в ее привычных проявлениях, в том числе сужает пространство и условия физического перемещения осужденного, выбора им места пребывания, жительства, круга общения и т. д.

Высказанные выше суждения затрагивают не просто лингвистические погрешности законодателя и его юридическую инженерию, но и корневые просчеты отдельных институтов уголовного закона, не отрицая при этом относительной устойчивости тех или иных уголовно-правовых и криминологических константов (например, «уголовный» закон, «формальный», «материалный» состав преступления и т. д.) и не абсолютизируя относительности и условности их содержания. Но вместе с тем, как это писал еще Фрэнсис Бэкон, «если понятия, которые составляют основание дела, неотчётливы и поспешно отвлечены от вещей, то и построенное на них не может иметь никакой прочности» [5]. Поэтому суждения и предложения автора по проблемам дефиниций наказания не носят релятивистский характер, так как он не ставит форму выше содержания и далек от мысли «примата связи (относительности) над приматом истины» [6].

С учетом изложенного полагаю, что необходимо отказаться от понятия « лишение свободы » и заменить его более корректным термином «ограничение свободы», а такой вид наказания в УК РФ, как «ограничение свободы», переименовать на «сужение свободы».

Если это предложение окажется для законодателя обременительным, то можно статью 56 УК РФ дополнить примечанием в следующей примерной редакции: «*Под лишением свободы в настоя-*

щем Кодексе подразумевается временное или пожизненное ограничение отдельных свобод осужденного, закрытый перечень которых указан в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации».

Представляется, что пришла пора осуществить комплексную ревизию накопленных знаний о феномене наказания, при этом помня, что «природа первична, а воля и сознание человека — вторичны». «Последние должны, неизбежно и необходимо должны приспособливаться к первой» [2]. В частности, для того чтобы трансформировать наказание из «вещь в себе» в «вещь для нас», следует предварительно определиться с сутью наказания, заложенной природой в его матрицу, и алгоритмом его бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1: Общая часть. Киев, 1875.
2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. соб. соч. / В. И. Ленин. Т. 28.
3. Рагимов И. М. Справедливость наказания: миф или реальность // Юридические науки и образование. 2017. № 51. С. 247—248.
4. Рагимов И. М. Первоосновы нравственности наказания: обычаи и традиции // Юридические науки и образование. 2018. № 56. С. 231—246.
5. Философия Фрэнсиса Бекона. [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com/index.Php /philosophical-articles/2516-filosofiya-frensiisa-bekona> (дата обращения: 08.10.2021).
6. Яковлева А. Ф. Размышления над книгой «Релятивизм как болезнь современной философии» [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/upfile/root/biblio/ps/ps20_1/209-222.pdf (дата обращения: 08.10.2021).

ДВОРЯНСКОВ И. В.

*главный научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, д. ю. н., профессор (г. Москва)*

ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ИНСТИТУТЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Наказание является древнейшим уголовно-правовым институтом и закономерной реакцией на совершение преступления. Еслиходить из материальной сущности последнего как, в первую очередь, общественно опасного деяния, то наказание обусловлено им, т.е. основано на оценке качественных и количественных характеристик.

Сущностью наказания выступает кара — принудительное воздействие на личность лица, совершившего преступление, выражющееся в причинении ему страданий, правоограничениях, публичном порицании, временном ostrакизме. Вместе с тем, наказание не может быть слепой карой ввиду его инструментального характера. Как в законе, так и в общественном сознании оно воспринимается как средство, с помощью которого помимо воздаяния преступнику за содеянное, можно достичь каких-либо социальных эффектов, связанных как с закреплением и сохранением социальных ценностей, так и достижением определенных социальных идеалов. Последние, в свою очередь, выражаются в целях наказания. В настоящее время эти цели формулируются в уголовном праве как основополагающей отрасли по отношению к уголовно-исполнительному праву: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Но насколько релевантны эти формулировки подлинным функциям и возможностям наказания? Считаем необходимым высказать некоторые соображения относительно природы наказания и его способности достигать указанные цели.

Наказание, на наш взгляд, выступает средством достижения положительного социального эффекта, моделируемого с учетом двух показателей: 1) что ждет от наказания общество; 2) на что действительно способно наказание, возможности которого, разумеется, не беспредельны.

Последняя позиция важна потому, что государство рассчитывает добиться наказанием не только слепой кары за совершенное преступление, но и достижения социального идеала в сфере борьбы с преступностью.

Ввиду того, что наказание представляет собой реакцию на событие прошлого — преступление, оно является ретроактивной мерой. Иными словами, наказание вряд ли может относиться к preventивным мерам, поскольку таковые предпринимаются до предупреждаемого события, а не после его совершения. Наказание имеет дело с последствиями преступления, но не может воздействовать на его причины, поскольку они вплетены в сложную систему социально-личностной детерминации с мощными факторами, остающимися вне досягаемости закона. Поэтому надежда на то, что на них повлияет наказание — не имеет достаточных оснований. В этой связи наказание лишь фиксирует общественную и государственную оценку содеянного, а оценка, как известно, должна быть справедливой, иначе в ней просто не будет смысла.

Полагаем, что наказание представляет собой форму реагирования на преступность и может быть эффективно только в сочетании с мерами профилактики. По своей сути, это мера уголовной ответственности за содеянное, предполагающая обязанность виновного претерпеть кару, предполагающая в качестве дополнительного функционала возможность дифференциации ответственности (например, посредством замены одного наказания другим, назначение дополнительного наказания).

Кроме того, представляется, что наказание есть ни что иное как средство коммуникации государства и общества, с помощью которого первое выражает свою позицию относительно того, что является преступным и, соответственно — опасным.

Наказание происходит от древнерусского слова «наказ» — наставление, поучение, распоряжение. Таким образом, реальные функции наказания — это социальное управление, а также утверждение воли государства, репрессия (подавление), официальная оценка преступления, выраженная фиксации нанесенного ущерба, эквивалируемая в качественных и количественных характеристиках наказания, порицание содеянного.

Говоря о существующих целях наказания, следует обратить внимание на то, что у них нет единого концептуального основания.

Так, цели исправления и предупреждения преступлений противоречат друг другу. Первая ориентирована на то, что под воздействием наказания личность человека, совершившего преступления подвергнется определенной трансформации, связанной с формированием у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (ст. 9 УИК РФ).

Таким образом, исправление в его существующем виде предполагает рассмотрение преступной наклонности как внутренней патологии, которая поддается коррекции посредством изменения отношения преступника к социальным ценностям.

С другой стороны, цель предупреждения преступления, особенно в аспекте специальной превенции, постулирует страх в качестве сдерживающего механизма в отношении возможного в дальнейшем криминального поведения, что само по себе обесценивает те эффекты, которые достигаются целью исправления.

При этом формулируя обе указанные цели, законодатель фактически игнорирует социальную (внешнюю) детерминацию преступности, рассматривает преступника абстрагировано от условий его жизни как до, так и после наказания. Между тем, проблемы соци-

альных детерминант преступности отнюдь не новы и были краеугольным камнем оппозиции классической и социологической школ уголовного права еще в XIX веке. Концепция исправления восходит еще к кантовскому категорическому императиву. Оценивая природу человека как злую, И. Кант делает несколько не соответствующий исходной посылке вывод об основании нравственной и правовой ответственности: «Если человек в моральном смысле бывает или должен быть добрым или злым, то он сам себя должен быть добрым или злым, то он сам себя должен делать или сделать таким...» [5, с. 29–30]. При этом он сам же признает: «Каким же образом может злой по природе человек сам себя сделать добрым, — это выше моего понимания» [5, с. 47].

Другой представитель классической школы И. Бентам в трактате о рациональной тюрьме сформулировал цель частной превенции–исправления. Весьма основательно ее разработали последующие представители классической школы уголовного права — Грольман, Штельцер, Аренс, Редер, которые относили исправление к главной цели наказания [4, с. 28].

Сущность учения классической школы о наказании определяется одним из тезисов: усиливая наказание, общество делает преступление менее привлекательным, что позволяет удерживать людей от его совершения». К сожалению, этот тезис ни разу в истории не был подтвержден практикой.

В социологической школе идея исправления воспринимается весьма неоднозначно и увязывается с влиянием среды на человека. Э. Дюркгейм писал, что для выяснения причин преступности необходимо исследовать не состояния отдельных людей, а условия, в которых находится «социальное тело его в целом». Причина этого заключается в том, что группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разъединены [3, с. 60]. Исправление по Э. Дюркгейму не может быть универсальной целью. Он писал, что «если преступление есть болезнь, то наказание является лекарством и не может рассматриваться иначе; поэтому все вопросы, возбуждаемые им, сводятся к тому, чтобы узнатъ, чем оно должно быть для выполнения своей роли лекарства. Если же в преступлении нет ничего болезненного, то наказание не должно иметь целью исцелить от него и его истинная функция должна быть отыскиваема в другом месте» [1, с. 79]. В другой своей работе о наказании он пишет так: «Оно играет полезную роль. Только роль эта не в том, в чем ее обычно видят. Она не служит — или служит второстепенным образом — для исправления виновного или для устрашения его возможных подражателей; с обеих этих точек

зрения польза его, по справедливости, сомнительна и во всяком случае посредственна. Его истинная функция — сохранить в целостности общественную связь, удерживая всю ее жизненность в социальном сознании» [2, с. 85].

Вернемся к основам. Как формируется преступник? Чем детерминируется преступность? От ответа на эти вопросы зависит и решение о цели исправления и целесообразности ее сохранения. Если исходить из социальной обусловленности преступности, то видеть корень зла только в личности преступника и ставить во главу угла его исправление было бы неправильно. Для этого надо допустить, что после его достижения на него не будут действовать криминогенные факторы, либо рассматривать исправление абстрактно, в отрыве от реальных условий его жизни, в том числе после отбытия наказания.

Цели исправления и предупреждения ставят в весьма сложное положение и правоприменителя. Рассмотрим в качестве примера деятельность уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), исполняющих большинство наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Как известно, само наказание состоит в принуждении осужденного к выполнению определенных обязанностей (трудиться, учиться, пройти лечение, отмечаться в УИИ и т. п.). За их невыполнение (уклонение) предусмотрен ряд карательных мер, в том числе и замена условного наказания реальным, а реального — более строгим. Вместе с тем УИИ в рамках исполнения наказания организует проведение с осужденными воспитательной и социальной работы.

Территориальные органы и УИИ ориентированы на реализацию требований Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о профилактике). Федеральным законом о профилактике предусматривается система мер, применяемых субъектами в форме специальной и общей профилактики правонарушений. К общепрофилактическим мерам относятся комплексные мероприятия по социальной реабилитации лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. К специальным относятся следующие меры: профилактический учет, профилактический надзор и т. п.

Социально ориентированные задачи возлагаются на УИИ, в соответствии с Приказом Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» (далее — Инструкция № 258). В соответствии с п. 4 Инструкции № 258, на уголовно-исполнительные инспекции возложена задача по осуществлению взаимодействия с органами местного самоуправления и социальными

службами в решении вопросов оказания осужденным к ограничению свободы помощи в трудоустройстве, а также с медицинскими организациями, осуществляющими лечение больных наркоманией, путем запроса информации о прохождении осужденными лечения и с организациями, осуществляющими медицинскую реабилитацию больных наркоманией, путем запроса информации о прохождении осужденными реабилитации [6, с. 269, 271].

Думается, что с рациональных позиций сложно совмещать во взаимоотношениях УИИ с осужденным карательный и социально-реабилитирующий аспекты. По крайней мере, оба субъекта оказываются в противоречивых ролях. УИИ с одной стороны должна осуществлять карающее воздействие, а с другой — оказывать социальную помощь. Происходит сшибка социальных ролей. Этому, безусловно, способствует цель исправления, достижение которой требуется именно в процессе карательного воздействия, что и логически, и психологически необоснованно.

Очевидно, осужденному сложно приспособиться к постоянной смене образа инспектора и по-настоящему испытать к нему доверие.

Что касается цели предупреждения преступлений, то, как уже отмечалось, она основана на постулате страха перед наказанием, что в корне противоречит концепции исправления.

Восстановление социальной справедливости также не имеет непротиворечивой концептуальной основы. На наш взгляд, справедливость является относительно стабильной аксиологической категорией, которая сама по себе нарушена быть не может, а выступает некоей константой, системой измерения, идеальной моделью, с помощью которой можно оценивать как преступные деяния, так и властные (судебные) акты, принимаемые по их поводу. При таком понимании мы должны не восстанавливать социальную справедливость, а приводить общественные отношения (конкретные обстоятельства) в соответствие с относительно устойчивыми (стабильными) аксиологическими требованиями (критериями), которые должны обретать своего рода *status quo*.

Если же исходить из концепции восстановления социальной справедливости, то автоматически надо допускать, что она является нестабильной (часто нарушаемой) категорией. Но раз мы допускаем, что справедливость нужно восстанавливать, то — где тот эталон (шаблон), по которому это должно происходить? Или мы говорим о двух видах справедливости (нарушаемой и эталонной)? Думается, в этом нет никакого смысла.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на противоречие данной цели и принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК

РФ, соблюдение которого однозначно свидетельствует о том, что уже при назначении наказания должна обеспечиваться (восстанавливаться) справедливость. Цель же восстановления социальной справедливости означает, что после вынесения наказания ее только предстоит достичь, т. е. предполагает определенную перспективную функцию. Иными словами, соблюдение принципа справедливости делает ненужным достижение цели восстановления социальной справедливости. И наоборот, требование достижения такой цели фактически свидетельствует, что указанный принцип был нарушен.

Таким образом, в нынешнем виде цели наказания имеют декларативный и концептуально несовершенный характер. Это означает, что при благородности посыла они не отвечают условию достижимости в силу ряда причин: понятийной неточности (восстановление социальной справедливости), избыточности, противоречивости и практической неверифицируемости (исправление и специальная профилактика), архаичности (общая превенция).

Если наказание — это реакция государства на преступность, то эта реакция должна быть современной и релевантной реальным проявлениям криминала и социальным потребностям. Очевидно, что, исходя из сущности наказания и его современного понимания, целями его могут быть — возмездие (кара), правовая защита общества от преступлений и лиц, их совершающих, а также — государственное порицание преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев- Харьков : Ф.А. Иогансон, 1899. 153 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: этюд об организации высших обществ / [соч.] Эмиля Дюркгейма. Одесса : Тип. Г. М. Левинсона, 1900. 332 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Эмиль Дюркгейм / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. Москва : Канон, 1995. 352 с.
4. Иншаков С. М. Зарубежная криминология: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд. Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2003. 374 с.
5. Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 6: Религия в пределах только разума. Москва : Чоро, 1994. 613 с.
6. Курс уголовно-исполнительного права. В 3 т. Т. 2: Особенная часть: учебник / Н. В. Давыдова, Е. М. Данилин, И. В. Дворянков и др. ; под общ. ред. Г. А. Корниенко ; под науч. ред. А. В. Быкова ; НИИ ФСИН России; Криминолог. библиотека; журнал «Российский криминологический взгляд». Москва : ФКУ НИИ ФСИН России ; Криминологическая библиотека, 2019. 724 с.

ЗАКОМОЛДИН Р. В.

доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти),
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
ИМПЭ им. А. С. Грибоедова (г. Москва),
к. ю. н., доцент, Почетный работник ВПО РФ

ЦЕЛИ СПЕЦИАЛЬНОГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Уголовно-правовое воздействие есть выраженная в различных предусмотренных законом формах специальная деятельность органов государства, связанная с оказанием при помощи норм и иных ресурсов уголовного права, различных психологических, правовых и иных инструментов необходимого карательного, воспитательного и предупредительного воздействия на поведение лиц, совершивших преступление, и иных, так называемых, неустойчивых лиц, а также воздействия на общественные отношения, обусловливающие существование преступности, в качестве ответной реакции на преступное поведение и преступность в целом, представляет собой сложный и динамичный процесс нормативного обеспечения и практической реализации указанной реакции [1, с. 288–29; 2; 3, с. 86–96]. При этом такая специальная государственная, безусловно, является целесообразной и целенаправленной. Она осуществляется, прежде всего, в целях противодействия преступлениям и преступности и обеспечения национальной безопасности от угроз криминального характера.

Этот сложный динамичный процесс практической реализации реакции государства на преступное поведение имеет свои пределы и собственную сложную структуру и характеризуется последовательной, поэтапной его реализацией в ответ на совершение отдельных преступлений и явление преступности в целом [4, с. 187–225].

Важнейшими характерными особенностями такой деятельности является то, что она представляет собой системно организованный и целенаправленный *процесс как* сложный функционирующий механизм конструктивной человеческой деятельности, рождающейся из объективной социальной потребности противодействия преступным проявлениям, состоящий в системном и систематическом планомерном воздействии субъекта (органов государства, институтов гражданско-го общества) на объект (поведение, связанное с совершением преступлений или способное их продуцировать) посредством реализации системы необходимых и достаточных способов и средств и в ходе осуществления совокупности целесообразных спланированных

действий, объединенных общей целью удовлетворения указанной потребности.

Что касается воздействия на специального субъекта ответственности, то оно является еще более специальным и нацелено на реализацию в специальных условиях и посредством специальных средств, методов и инструментов.

Так, военнослужащие осуществляют особый вид деятельности – военную службу и наделяются в связи с этим специальным правовым статусом, а потому в уголовном праве они выступают в качестве специального субъекта ответственности. В связи с этим в уголовном законе предусмотрен ряд специальных норм и положений, регламентирующих уголовно-правовую специфику данной сферы, которые условно именуются военно-уголовным законодательством и выполняют двоякую функцию. С одной стороны, это уголовно-правовое обеспечение надлежащего осуществления военнослужащими специальной военно-служебной деятельности и криминализация и пенализация наиболее существенных нарушений специально установленных правил и требований соблюдения ее порядка, с другой – уголовно-правовое воздействие на военнослужащих как на специального субъекта ответственности [5]. Законодательно это выражается в наличии специальных установлений как в Общей, так и Особенной частях УК РФ. Безусловно, данные специальные нормы и положения требуют некоторой упорядоченности и системности. Оговоримся, что мы не являемся сторонниками принятия специальных уголовно-правовых законов, поскольку это противоречит положениям УК РФ, о том, что УК является единственным основанием преступности и наказуемости деяний (ч. 1 ст. 3) и в целом источником уголовного законодательства (ч. 1 ст. 1) [6; 7]. Однако эта проблема вполне эффективно может решаться посредством специальных комплексных уголовно-правовых институтов, объединяющих соответствующие специальные уголовно-правовые нормы и положения определенного вида. Поэтому следует вести речь лишь об условной совокупности специальных норм, положений и предписаний. Вместе с тем определенная обособленность, упорядоченность, структурированность и систематизация специальных норм, положений и предписаний в УК являются необходимым условием эффективности регулирования относительно самостоятельной совокупности общественных отношений или их элементов.

По отношению к военнослужащим таким специальным уголовно-правовым институтом является военно-уголовное законодательство, посредством которого в значительной мере обеспечивается необходимое уголовно-правовое воздействие на военнослужащих.

Именно военно-уголовным законодательством обеспечивается реализация целей уголовно-правового воздействия на военнослужащих, оно регламентирует специфику такого воздействия, а также уголовно-правовой охраны военной безопасности в целом.

Военно-уголовное законодательство обозначает условную совокупность уголовно-правовых норм и положений, регламентирующих уголовную ответственность военнослужащих, а также криминализацию и пенализацию преступлений против военной службы, которые рассредоточены в различных частях, разделах и главах действующего УК РФ [8, с. 48]. При этом военно-уголовное законодательство неотделимо от уголовного закона и является его органичной составной частью [9, с. 11], а УК РФ является его единственным источником. Учитывая, что соответствующие специальные нормы и положения имеются как в Общей (ст.ст. 44, 48, 51, 54, 55 и др.), так и в Особенной (ст.ст. 331-352) частях УК, военно-уголовное законодательство условно также структурировано на общую и особенную части.

В целом военно-уголовное законодательство позволяет:

- а) адаптировать применение уголовного законодательства к военнослужащим как специальному субъекту;
- б) учесть специфику правового статуса военнослужащих и специфичность условий прохождения военной службы;
- в) дифференцировать уголовную ответственность военнослужащих;
- г) индивидуализировать уголовное наказание военнослужащих;
- д) обеспечить эффективное уголовно-правовое воздействие на военнослужащих;
- е) обеспечить уголовно-правовую охрану военной безопасности [10].

Л. Л. Кругликов и А. В. Васильевский отмечают, что «процессом, противоположным дифференциации ответственности, выступает унификация ответственности в уголовном праве» [11, с. 75]. Если общие установления уголовного законодательства способствуют процессу унификации уголовно-правового воздействия, то специальные нормы обеспечивают его дифференциацию, которая выражается «в нормативном обеспечении справедливой реакции государства на совершаемые преступления путем установления необходимых и достаточных условий, средств и возможностей для соразмерного содеянному уголовно-правового воздействия на разные категории правонарушителей» [12, с. 202]. В свое время С. Г. Келина подчеркивала: «дифференциация уголовной ответственности состоит в разработке и наличии на уровне закона такого разнообразия мер уголовно-

правового характера, которое в наибольшей мере соответствовало бы разнообразию типов преступлений и лиц, их совершающих» [13, с. 69].

В итоге имеет место двуединая специфика целеполагания уголовно-правового воздействия на военнослужащих. Ответственность дифференцируется, с одной стороны, по субъекту, а с другой — по конкретной разновидности преступлений, сконструированных в законе как специальные составы.

В этом направлении от законодателя требуется дальнейшее последовательное формирование и совершенствование военно-уголовного законодательства как специального института уголовного права в целях обеспечения эффективного уголовно-правового воздействия на военнослужащих и в целом уголовно-правового обеспечения безопасности военной службы и военной безопасности страны [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуюнов В. К. О научных подходах к определению понятия уголовно-правового воздействия. // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XVIII Междунар. науч.-практ. конф., 21-22 янв. 2021 г., Москва, МГЮУ им. О.Е. Кутафина. Москва : РГ-Пресс, 2021. С. 288–292.
2. Дуюнов В. К. Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 328 с.
3. Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие как категория уголовного права и как реакция на преступление и преступность // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1(20). С. 86–96.
4. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности: монография. Москва : РИОР, 2020. 244 с.
5. Закомолдин Р. В. О формальном аспекте регламентации уголовно-правового воздействия в отношении военнослужащих в УК РФ // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1(40). С. 5–11.
6. Ображиев К. В. Перспективы расширения системы источников российского уголовного права // Общество и право. 2014. № 2(48). С. 74–80.
7. Ображиев К. В. О кодификации военно-уголовного законодательства // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты: матер. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред В. Ф. Лапшина ; г. Рязань, 24 мая 2016 г. Рязань : АПиУ ФСИН России, 2016. С. 274–280.
8. Военно-уголовное право: история, теория, современные проблемы и методология исследования / Я. Н. Ермолович и др. ; под ред. О. А. Тюрина.

Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». Москва : За права военнослужащих, 2010. Вып. 108. 447 с.

9. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: Научно-практический комментарий / под общ. ред. Н. А. Петухова. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». Москва : За права военнослужащих, 2004. Вып. 47. 304 с.

10. Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие на военнослужащих в механизме обеспечения военной безопасности // Военно-юридический журнал. 2021. № 3. С. 7–10.

11. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. 300 с.

12. Дуянов В. К., Кондратюк С. В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 11-1. С. 201–214.

13. Келина С. Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Сов. государство и право. 1987. № 5. С. 65–71.

14. Закомолдин Р. В., Дуянов В. К. О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3. С. 26–31.

ДВОРЕЦКИЙ М. Ю.

*доцент кафедры правовых дисциплин
Тамбовского филиала РАНХиГС
при Президенте РФ, к. ю. н., доцент (г. Тамбов)*

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Констатируем, что виновный содеянного обязан привлекаться к определенной форме уголовной ответственности и ее виду, предусмотренных нормами УК, в реальной действительности выступая в качестве оптимального уголовно-правового последствия, официально налагаемого правовым государством и цивилизованным обществом. Посредством данного алгоритма непосредственно разрешаются декларируемые положениями уголовного законодательства его предназначения в виде общественно-опасных деяний (ч. 2 ст. 2 УК РФ). Это опосредованно законодательно сформулированными идемиами об основании и принципах, реализующих несение уголовной ответственности виновным содеянного, а осуществление этой задачи

происходит при оптимальном формулировании ее системообразующих сегментов, представленных в виде составов преступлений.

Поскольку разрешение декларируемых уголовно-правовых задач опосредуется тремя группами, в первую очередь, связанными с основанием и принципами, реализующими уголовную ответственность. Вторая группа представлена сформулированными составами общественно-опасных деяний, взаимосвязано реализуемыми посредством назначения именно той санкцией, если содеянное виновным, квалифицировано и постановлено в качестве преступления. Соответственно, третья группа представлена формами уголовной ответственности, то есть правовыми последствиями содеянного, официально признанного преступлением. По нашему мнению, содержательно, как первая, так и третья группа производна от наступления, предусмотренных для виновного содеянного последствия совершенного им состава преступления.

Нами констатируется в качестве первоосновы алгоритма разрешения уголовно-правовых проблем выступают положения об негативно-превентивном последствии, угрожающем субъекту содеянного, целенаправленно предупреждающем совершение преступлений. Само же содержание, по сути, предусмотренное перечнем государственно-правовых, мер связано с обеспечением эффективной защиты от реальных и потенциальных посягательств на объекты, фактическое решение также и иных проблем посредством соблюдения принципов, реализующих уголовную ответственность. Представляется, что именно непосредственная реализация данных мер по отношению к виновному содеянного без формулирования в правовой форме того или иного уголовно-правового принципа проблематично разрешать задачи, поставленные УК. Вследствие необходимости наиболее полного воспроизведения законодателем в содержании его положений, требуется отредактировать текст закона, систематизировав основополагающие дефиниции.

Принципы законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма, отражают проведенную разработчиками систематизацию. На наш взгляд, согласно этому выводу положения Уголовного кодекса, имеют коллизии, как с отдельными принципами, так и с их системой в целом. Так, в соответствии с содержанием, предусмотренным ст. 3 УК лишь положения уголовного закона дают возможность квалифицировать содеянное виновным, как преступление, назначить вид наказания, а также применить другие меры государственного принуждения, если содеянное им общественно-опасное деяние. Соответственно законодатель должен пре-

дусмотреть положения в специальной норме посредством формулирования перечня форм, реализующих уголовную ответственность, в виде системы мер государственного принуждения по отношению к виновным в содеянном, официально квалифицируемых, как состав преступления. Реализуя данное положение одновременно позволит декларативным и фактическим образом соотносить реализацию уголовной ответственности, прежде всего, с законностью и положениями других ее принципов.

Даже наличие представительного количества видов наказаний, предусмотренных ст. 44 УК, законодательно не разрешает вопроса о содержании иных уголовно-правовых последствий. Без формулирования именно положений об этом представляется проблематичной эффективная уголовно-правовая охрана согласно принципам уголовной ответственности, унифицировано реализуемым в отношении любой государственно-принудительной меры. Констатируем в настоящее время отсутствие законодательного решения вопросов, связанных с традиционной категорией – субъектом преступления, то есть виновными в содеянном, представленных физическими лицами и необходимости во внутренней сплоченности и целеустремленности достигнуть позитивный результат согласно декларируемых принципов.

Поскольку наиболее часто законодателем позиционируется реализация по отношению к виновному в содеянном, уголовно-правовой категории уголовной ответственности, логично использование данной идиомы, посредством воспроизведения более семидесяти положений, предусмотренных Общей частью действующего УК. Согласно же основанию изучения ее содержания, в статьях данного закона, в качестве одного основополагающего признака, разработчиками фактически было придано предназначение правового последствия. В соответствии со ст. 4 позиционируется равное на основании закона привлечение виновных в содеянном к уголовной ответственности физических лиц. Вследствие несение уголовной ответственности виновным содеянного которое квалифицировано преступлением, что содержательно предполагает наступление негативных правовых последствий в отношении лица, официально признанного государством преступником. Также законодатель позиционирует системообразующую идиому посредством положений, сформулированных в ст. 5 УК.

Аналогичное позиционирование положений, воспроизведенных в примечании к ст. 126 УК, предусматривают ее невозложение на похитителя при условии полного выполнения заложенных в ее содержании требований «деятельного раскаяния». Таким образом, законодателем систематически используется данная идиома, предус-

матриваемая положениями, позиционируемая в качестве правового последствия для виновного в содеянном. Однако, разработчики нормативного акта содержательно не до раскрывают внутреннюю структуру этой основополагающей и системообразующей категории, что представляется алогичным для ее эффективной реализации посредством оптимизации всех форм, их отдельных видов и усовершенствования в ходе дальнейшей систематизации.

Имеющаяся ситуация периодически вызывает попытки ограничить содержание системообразующей идиомы уголовной ответственности лишь одной ее наиболее традиционно-распространенной формой — наказанием, представленным разнообразными видами и корректируемым законодателем. Согласно положениям, предусмотренным ст. 10 УК, обратная сила имеется у уголовного закона, который устраниет общественную опасность содеянного, смягчая наказание, соответственно ее не будет у уголовного закона, который устанавливает общественную опасность содеянного, усиливающего наказание. Констатируем целесообразность более четкого технико-юридического разграничения системообразующей для государственно-принудительных мер идиомы уголовной ответственности. Поскольку положения ст. 3 УК определяют общественную опасность содеянного, как преступления, наказуемости и применения иных уголовно-правовых последствий лишь УК РФ, то посредством ст. 6 законодатель декларирует справедливость для преступника. Содержательно же данные нормы позиционируют применение государственно-принудительных мер к виновному в содеянном, то есть каким-либо составом преступления не уголовной ответственности вообще, а ограничиваясь в частности формами ее реализации — наказанием, либо назначением чего-нибудь по сути отличного от данной системообразующей идиомы, то есть иных мер. УК в ч. 2 ст. 2 предусматривает ее основание и перечень принципов их унифицированной реализации, как форм и их видов, образующих единую систему.

Констатируем отсутствие в настоящее время полного технико-юридического урегулирования содержания имеющихся последствий, учитывающих их специфические особенности, влияющие на эффективность реализации. Поскольку индивидуализация государственно-принудительных мер, назначаемых виновному прежде всего, связывается лишь с постановлением наказания. Положения уголовно-правовых норм алогично не содержат законодательно предусмотренных других форм, их видов, фактически реализующих уголовную ответственность, а также обстоятельств, непосредственно имеющих отличную природу, посредством сформулированных в статьях Особо-

беной части идиом — иных мер. Примечания к ст. ст. 205, 205¹, 205³, 205⁴, 205⁵, 205⁶ УК устанавливают возможность виновного быть освобожденным с назначением какого-либо наказания за содеянное. То есть законодатель позиционирует до известной степени тождественность уголовной ответственности и наказания посредством схожести явления, связанного с санкциями статей, когда фактическое освобождение от одной, более содержательно емкой государственно-принудительной меры непосредственно подразумевает не реализацию другой системной составляющей, в реальной действительности являющейся ее формой. Однако презюмированная их тождественность находит документально подтверждаемое опровержение в виде официального наименования, воспроизведенного в разделе IV, структурно входящего в систему УК, освобождая виновного в содеянном от государственно-принудительных последствий, предусматривающих уголовную ответственность и наказание. Одновременно используя оба понятия, законодатель подтверждает их абсолютную взаимосвязанность и безусловную не тождественность, посредством собственного смысла и специфического содержания, определенным образом, отлично классифицируя и системно реализуя. Также отлично поименовав 11 и 12 главы раздела IV УК, законодатель, по сути, подтверждает их нетождественность согласно специфическим особенностям содержания, как общего и частного. На сегодняшний день проблема оптимизации понятийно-терминологического аппарата посредством юридической техники окончательно не решена, так как разработчики фактически ограничились раскрытием понятия, целей, видов, непосредственно входящих в систему наказаний (ст.ст. 43, 44 УК РФ).

Поскольку законодателем разграничиваются содержание идиом уголовной ответственности и наказания согласно их не тождественности, по-разному позиционируемых сторонами уголовно-правовых отношений. Данное обстоятельство актуализируется воспроизведством законодателем идиомы «уголовная ответственность», в том числе ее реализации в контексте формулирования положений целого ряда уголовно-правовых принципов. Например, исходя из принципа вины, предусмотренном ч. 1 ст. 5 УК виновный уголовно ответственен непосредственно лишь при содеянном им, при наступлении общественно-опасных результатов.

Констатируем пробел в структуре и содержании УК, требующий корреляций понятийно-терминологического аппарата посредством определения уголовной ответственности в официальном тексте, не ограничиваясь только традиционным использованием ее форм

и их видов. В настоящее время проблематично уяснить содержание системообразующей идиомы согласно положениям, предусмотренным разделом VI ч. 2 ст. 2, прежде всего, позиционируемого разновидностью наказания, имеющего качественные отличия от исключенного государственно-принудительного сегмента.

Традиционно существующие в положениях понятийно-терминологического аппарата основополагающие категории уголовной ответственности и наказания базируются на семантическом и историческом толковании УК, что представляется на сегодня недостаточным, гарантированно обеспечивающим их генезис и эффективную реализацию.

Следует констатировать необходимость законодательного усовершенствования как самой системообразующей идиомы, реализуемой ее формами и посредством их видов, ограничения от иных государственно-принудительных мер согласно специфики внутреннего смысла, их сосуществование и взаимодействие в рамках одной системы. Наличие данного обстоятельства, по-прежнему приводит в современной отечественной теории уголовного права к продолжению дискуссии в отношении концептуального решения проблем эффективной реализации государственно-принудительных мер.

КОРНЕЕВ С. А.

*преподаватель кафедры организации режима и надзора
в уголовно-исполнительной системе*

Академия права и управления ФСИН России (г. Рязань)

КОРРЕЛЯЦИЯ СУЩНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ЕГО КОНЕЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Уголовно-правовое воздействие, отождествляемое на ранних этапах развития государства с определенной реакцией со стороны уполномоченных властных органов на факт совершения лицом запрещенного источником уголовного права деяния, с течением времени эволюционировало до систематизированной совокупности мер, регламентированных нормами уголовного закона. На сегодняшний день заявленный феномен является предметом новейших исследований, в том числе фундаментального характера. Однако, ввиду отсутствия официальной definиции, законодательной регламентации уголовно-правового воздействия, вопросы, касающиеся его понятия,

сущности, целей остаются весьма обсуждаемыми и дискуссионными в специализированной литературе.

Нормы УК РФ детально определяют цели уголовного наказания (ст. 43 УК РФ), в то время как конечный результат уголовно-правового воздействия нормативно-правовым актом должным образом не регламентирован. В связи с чем, решение указанного вопроса возможно лишь с учетом доктринальных исследований.

Целеполагание уголовно-правового воздействия в юридической литературе представлено рядом суждений, которые, с определенной долей условности, можно изложить следующим образом. Цель уголовно-правового воздействия заключается в:

- обеспечении безопасности личности, общества и государства [1, с. 53];
 - применении справедливого наказания [2, с. 46];
 - возмездии и предупреждении преступлений, если речь идет о наказании, и в обеспечении надлежащего, правомерного с точки зрения уголовного закона поведения преступника, если же речь идет об иных мерах уголовно-правового характера [3, с. 112].

Другие исследователи, прямо не акцентируя внимание на конечном результате уголовно-правового воздействия, отождествляют его сущность и, соответственно, цели с иными институтами уголовного права. Так, рассматриваемый юридический феномен в теории уголовного права представлен в качестве:

- наказания, реализуемого в различном сочетании с мерами, регламентированными уголовным законом [4, с. 25];
- уголовной ответственности [5, с. 57];
- мер уголовно-правового характера, предусмотренных уголовным законом [6, с. 96];
- мер государственного принуждения, предусмотренных как УК РФ, так и источниками иных отраслей российской системы права, и применяемых в отношении лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние [7, с. 46];

Другие исследователи придерживаются более широкого подхода и сводят сущность уголовно-правового воздействия к:

- уголовному праву, уголовно-правовой политике и уголовному законодательству [8, с. 7];
- процессу, связанному с криминализацией и декриминализацией общественно опасных деяний [5, с. 57];
- специально-юридическому и общеидеологическому влиянию права на поведение людей [9, с. 284].

Таким образом, ввиду отсутствия единого понимания сущности уголовно-правового воздействия, в теории уголовного права вызывает трудности решение вопроса об определении его целей. Согласно представленным суждениям, конечный результат рассматриваемого юридического феномена может заключаться в законодательно определенных целях уголовного наказания (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и превенция совершения новых преступлений), а равно отождествляться с целями иных уголовных, общеправовых институтов, определение целевой установки которых является не менее дискуссионной площадкой для всевозможного рода обсуждений.

Представляется, что преследуемый уголовно-правовым воздействием результат непосредственно зависит от мер, входящих в его объем. Исходя из этого, видится прямая корреляция целей рассматриваемого феномена от сущности, предвосхищаемого результата лишений и ограничений, испытываемых лицом, совершившим запрещенное уголовным законом деяние.

Не подвергая критическому анализу ту или иную точку зрения относительно сущности и целевой установки уголовно-правового воздействия, полагаем верным суждение, согласно которому содержание рассматриваемого феномена представлено мерами уголовно-правового характера, применяемыми в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние. Соответственно, цели наказания, бесспорно, присущи уголовно-правовому воздействию, однако последнее не исчерпывается этим перечнем. Кроме уголовного наказания в плоскость юридического содержания уголовно-правового воздействия входят и иные меры уголовно-правового характера, имеющие отличные от наказания цели, задачи и основание применения.

На основании ранее проведенного исследования, полагаем, что меры государственного принуждения, входящие в орбиту уголовно-правового воздействия, классифицируются на уголовную ответственность и иные меры уголовно-правового характера. Первая форма реализации представлена совокупностью мер, применяемых в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, вторая же включает в себя меры, применяемые в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, не являющееся преступлением (принудительные меры медицинского характера и воспитательного воздействия) [10, с. 93].

Целевое предназначение мер государственного принуждения, назначаемых по решению уполномоченного органа государственной

власти лицу, признанному виновным в совершении преступления, в соответствии с законодательной точкой зрения, сводится к восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденного и предупреждению совершения новых преступлений (ст. 43 УК РФ).

Конечный же результат иных мер уголовно-правового характера складывается из целей мер государственного принуждения, входящих в объем рассматриваемого одноименного института и может быть представлен в качестве:

— воспитания, реинтеграции в социум, если речь идет о принудительных мерах воспитательного воздействия;

— излечения, улучшения психического состояния, предупреждения совершения новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, если речь идет о принудительных мерах медицинского характера (ст. 98 УК РФ).

Подводя итог настоящему исследованию, необходимо отметить, что общим, законодательно регламентированным целевым предназначением разновидностей уголовно-правового воздействия является предупреждение совершения новых деяний, запрещенных уголовным законом. Восстановление же социальной справедливости, исправление осужденного (в рамках уголовной ответственности), излечение, улучшение психического состояния, воспитание (в рамках иных мер уголовно-правового характера) с определенной долей условности можно отнести к средствам достижения обозначенной единой цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамашев С. Б. Соотношение уголовно-правового воздействия и мер уголовно-правового характера как форм реализации уголовной политики. 2017. № 4(33). С. 49–58.
2. Глазков А. В. Применение справедливого наказания как цель и принцип уголовно-правового воздействия // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 46–49.
3. Медведев Е. В. Цели уголовно-правового воздействия // Общество и право. 2009. № 3(25). С. 109–112.
4. Фирсова А. П. Объект уголовно-правового воздействия : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. 227 с.
5. Маликов Б. З. Уголовная ответственность и уголовно-правовое воздействие в системообразовании уголовного права // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2016. № 12. С. 53–62.
6. Звонов А. В. Система мер уголовно-правового воздействия: сущность и содержание // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 95–99.
7. Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия: монография. Тольятти : Изд-во ВУИТ, 2018. 337 с.

8. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 337 с.

9. Петрова Г. О. Куда идем мы с пятаком? // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности : сб. ст. по матер. IV Всеросс. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 283–285.

10. Корнеев С. А. Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2021. 186 с.

ЛЕЙМОЕВА З. Б.

*преподаватель кафедры процессуального права
Донского государственного технического университета
(г. Ростов-на-Дону)*

ПОДСИСТЕМА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ НАКАЗАНИЙ И ИХ РОЛЬ В РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современный уголовный закон содержит разные формы реагирования на преступное поведение. В их числе, конечно, содержится и наказание. Определяя конкретные виды реакции, законодатель исходит в первую очередь из задач, определенных в ст. 2 УК РФ, — защита личности, общества и государства от тех деяний, которые отнесены сегодня к числу преступных. Для некоторых из них определены цели. Так, в ст. 43 УК РФ описаны цели наказания — восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений.

Каждая из этих целей не раз обсуждалась в теории уголовного права. Полемика касалась как уяснения содержания той или иной цели [1], их количества и обоснованности выделения, так и возможности достижения посредством применения конкретного наказания [2]. Поднимались и такие проблемы, как соответствие наказания нравственным потребностям общества [3] и его культурная обусловленность [4], соответствие наказания феномену справедливости [5] и многие другие.

В доктринальных дискуссиях наиболее остро стояла и стоит проблема соотношения кары и наказания. Как отмечают исследователи, полемика о значении кары и о признании ее целью наказания продолжалась несколько десятилетий [6]. Весьма интересной в этом аспекте видится позиция, высказанная профессором В. К. Дуюновым, который, приводя достаточно убедительные аргументы в одной

из своих работ, приходит к выводу о том, что понятия «кара» и «наказание» являются достаточно близкими по объему и содержанию (но не тождественными), когда речь идет об их общесоциологическом понимании, что же касается кары и уголовного наказания, то они различаются между собой как по содержанию, так и по объему. По его мнению, определение уголовного наказания как меры государственного принуждения является неправильным, так как наказание является формой реализации кары — государственного осуждения преступления и лица, признанного виновным в его совершении [7, с. 156].

В целом подчеркнем, что, по нашему мнению, невозможно говорить об эффективности наказания, если перед ним не будут поставлены определенные цели, так как цель — это некий ориентир, к достижению которого должен стремиться и законодатель, и правоприменитель. Если же такого ориентира нет, то и законодательная, и правоприменительная деятельность будут протекать хаотично, беспорядочно. Мы согласны с теми авторами, которые утверждают, что каждая из обозначенных целей имеет право на существование, обладает определенным теоретическим и практическим значением и должна быть нормативно закреплена.

В то же время, полагаем, что те процессы, которые происходят в последнее время в нашем государстве, в части внесения многочисленных изменений в уголовное законодательство, в том числе и в плане пенализации, дестабилизируют действующий закон и судебную практику и не способствуют достижению не только целей наказания, но и тех задач, которые определены в ст. 2 УК РФ. Не случайно в теории уголовного права все чаще можно увидеть точки зрения, обосновывающие необходимость либо разработки новой редакции уголовного закона, либо принятия нового Уголовного кодекса [8]. И в этом вопросе мы скорее согласимся с представителями второй позиции, так как столь масштабное реформирование действующего нормативного правового акта привело к тому, что его первоначальная системность была разрушена и восстановить ее посредством издания новой редакции, как представляется, будет достаточно проблематичным. Да и новые условия, новые взгляды на ряд институтов уголовного права требуют переосмыслиния и, возможно, отражения во вновь принятом законе.

Так, применительно к заявленной теме, считаем необходимым остановиться на проблеме определения роли дополнительных наказаний в реализации целей наказания. Традиционным в теории уголовного права является деление всех видов наказаний на основные,

дополнительные и смешанные [9]. Однако еще в 2001 году, В. К. Дуюнов подверг сомнению данную классификацию. По его мнению, ошибка исследователей, предлагающих подобное деление, заключается в том, что они не учитывают, что в ст. 45 УК РФ содержится не одно, а два основания для классификации наказаний. Поэтому он предложил в зависимости от роли отдельных наказаний в реализации целей наказания делить их на наказания основные и дополнительные, а в зависимости от «потенциальных возможностей» конкретных наказаний на наказания, которые могут быть назначеными только в качестве основных, только в качестве дополнительных или в том и другом качестве (ст. 45 УК РФ) [10, с. 194].

Приведенная позиция нашла поддержку и у других исследователей. Так, в частности, И. А. Подвойкина отмечает в одной из своих работ: «Предложенный В. К. Дуюновым подход к классификации наказаний, а также пониманию основных и дополнительных наказаний является наиболее верным, поскольку он весьма точно отражает специфику основных и дополнительных наказаний, позволяет правильно установить основание деления наказаний в ст. 45 УК РФ на виды ... На самом деле в ст. 45 УК РФ говорится о классификации наказаний лишь на два вида — основные и дополнительные, что подтверждается и самим названием ст. 45 УК РФ. Что же касается выделения группы “смешанных” наказаний, то ее появление обусловлено, как правильно отмечает В. К. Дуюнов, неудачным использованием приемов законодательной техники, когда экономия законодательного материала привела к нарушению правил формальной логики и размытию основания классификации наказаний на виды» [11, с. 225–226].

Далее, развивая приведенную точку зрения, и соглашаясь с тем, что наказания, содержащиеся в перечне ст. 44 УК РФ, отличаются исходя из потенциальной возможности быть назначеными в том или ином качестве применительно к конкретному случаю, И. А. Подвойкина предлагает в подсистеме основных и в подсистеме дополнительных наказаний выделить еще две подсистемы — постоянных и переменных наказаний. Помимо этого, она предпринимает попытку сформулировать определение основных и дополнительных, а также постоянных и переменных наказаний. В частности, по ее мнению, «под основными следует понимать такие наказания, которые играют ведущую роль в реализации стоящих перед наказанием целей, а под дополнительными — такие, которые способны играть вспомогательную роль в реализации стоящих перед наказанием целей, усиливая основное наказание посредством избирательного воздействия на от-

дельные стороны личности осужденного. Постоянные — это те наказания, которые играют только ведущую либо только вспомогательную роль в достижении целей наказания. Переменные — на которые, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, может быть возложена либо ведущая, либо вспомогательная роль в достижении целей наказания» [12, с. 23].

Безусловно, не все теоретики могут согласиться с приведенными позициями, но очевидным является тот факт, что отсутствие четкого понимания той роли, которая отводится дополнительным наказаниям, приводит к серьезным проблемам в правоприменительной практике, а также к ошибкам при построении системы наказаний, санкций уголовно-правовых норм и др.

Так, например, исследователями не раз обращалось внимание на то, что назначение многомиллионных штрафов в качестве дополнительного наказания, уплата которых заведомо невозможна, во-первых, нивелирует значение основного наказания, а во-вторых, нарушает принцип справедливости, так как является явно несоразмерным совершенному преступлению. Построение санкций статей Особенной части УК РФ таким образом, когда за одно и тоже преступление наказание в качестве основного и аналогичное наказание в качестве дополнительного определены в одинаковых размерах [13] также свидетельствует о том, что законодатель не в полной мере осознает, какую роль в итоговом наказании должно играть дополнительное наказание. Полагаем, что не способствует реализации принципа справедливости и одноименной цели наказания и допущение назначения нескольких дополнительных наказаний, которые в своей совокупности по принудительному потенциалу значительно превосходят основное наказание и др.

Учитывая изложенное, думается, что в настоящее время необходимы, во-первых, пересмотр подсистемы дополнительных наказаний, как с позиции наполняемости, так и с позиции изложения в законе как отдельной подсистемы. Во-вторых, считаем, что на уровне закона должны быть четко определены те роли, которые отводятся основным и дополнительным наказаниям, чтобы в дальнейшем обеспечить системность уголовного закона и реализацию целей, стоящих перед уголовным наказанием, что, в свою очередь позволит в будущем избежать ошибок как при построении уголовно-правовых норм (в частности, речь идет об уголовно-правовых санкциях), так и применении их на практике. Возможно, регламентации в целом дополнительных наказаний следует посвятить отдельную статью УК, в которой, в частности, были бы решены такие вопросы, как сочетание

мость основных и дополнительных наказаний, допустимое количество назначаемых дополнительных наказаний и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуюнов В. К. О понятии и целях наказания в новом уголовном праве России // Право, поведение, личность : матер. Междунар. межвуз. Симпозиума / Белгородский государственный университет ; редкол: Г. А. Борисов, Г. М. Потанин (отв. ред.) и др. Белгород, 1998. С. 85–94.
2. Латшин В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 75–85.
3. Тасаков С. В. Нравственные основы уголовного наказания // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 18–20.
4. Бибик О. Н. Культурная обусловленность уголовного наказания: монография. Москва : Юрлитинформ, 2013. 224 с.
5. Городнова О. Н. Феномен справедливости как критерий оценки и модернизации уголовного закона и наказания: философско-этический, исторический и правовой аспекты: монография. Москва : Юрлитинформ, 2013. 384 с.
6. Рарог А. И. Цели наказания в науке уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 125–139.
7. Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. Москва, 2003. 520 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н. А. Лопашенко, Р. О. Долотов, Е. В. Кобзева, К. М. Хутов ; под ред. д. ю. н., проф. Н. А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2019. 320 с.
9. Уголовное право : учебник для бакалавров: в 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. И. А. Подвойкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. 587 с.
10. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. 512 с.
11. Подвойкина И. А. Концептуальные основы построения системы уголовных наказаний в России. Москва, 2018. С. 225–226.
12. Подвойкина И. А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : автореф. дис. ... д. ю. н. Омская академия МВД РФ. Омск, 2017.
13. Подвойкина И. А. Сбалансированность санкций как одно из условий обеспечения справедливости наказания // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2021. С. 380–385.

ГОРШЕНКОВ Г. Н.

*профессор кафедры уголовного права и процесса
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского, д. ю. н., профессор*

ГОРШЕНКОВ А. Г.

*доцент кафедры уголовного права
Приволжского филиала Российского государственного
университета правосудия, к. ю. н., доцент
(г. Нижний Новгород)*

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ КАК МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Общеизвестное понятие наказания законодателем определено как *мера* (средство, инструмент и т. п.) государственного принуждения. Принуждение вообще определяется как использование физической и нефизической силы либо угрозы применения такой силы для достижения определенных целей в социальной или политической сферах [1, с. 81], т. е. для усиления энергии достижимости.

Усиление государственного, в форме правового принуждения может потребовать и наиболее жестких *мер*, в данном контексте — мер *лишения* или *ограничения* прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления (ч. 1 ст. 43 УК РФ). Эти меры известны (ст. 44 УК РФ).

Таким образом, наказанию отведена *вспомогательная роль*: оно может способствовать успеху в борьбе с преступностью при условии умелого сочетания с другими — экономическими, политическими, культурологическими — мерами [7, с. 348]. Тем не менее, такая вспомогательная роль, по распространенному убеждению, переоценивается: в реализации наказания усматривается достижение определенных *целей*, или социальных результатов. Наказанию *прописываются цели* — восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершение им нового преступления. Больше того, наказание рассматривается как всемогущая форма реализации уголовной ответственности, что приводит к ошибочному убеждению: с помощью уголовной ответственности можно преодолеть любые социально неприемлемые явления [6, с. 90].

Политическое убеждение во всесилии устрашения уголовного наказания является глубоким радикалистским заблуждением, в котором смертная казнь как исключительная мера наказания предстает единственно возможной силой преодоления преступности.

Хотя какие могут быть цели у меры как вспомогательного инструмента? Цель формируется в мышлении субъекта, который подыскивает нужное средство, в том числе карающее, для достижения желаемого *результата*. И это четко сформулировано в ч. 2 ст. 43 УК РФ: наказание применяется *в целях* восстановления социальной справедливости, а также *в целях* исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Как известно, *цель* — это рисуемый в сознании субъекта *образ* конечного результата, к которому субъект устремлен. И невозможно представить, что «неразумное наказание», т. е. находящееся за пределами разума и используемое разумом как инструмент, может иметь какие-то устремления.

Многие исследователи не вдумываются в словосочетание «*в целях*», которое означает *общую целевую направленность*, т. е. *назначение* действия — для того, чтобы исправить, предупредить. В этом общем целенаправленном движении объединены энергии множества субъектов межведомственного уголовно-правового взаимодействия с их рабочим инструментарием. То есть словосочетание «*в целях*» выражен смысл *функциональности* всего института уголовного наказания.

Функциональность как внутренняя энергия органически предполагает *целесообразность*, или *направленность* к чему-то, т. е. к цели. Но важно иметь в виду, что цель — это, повторимся, *умозрительная модель результата*, или его воображаемый *образ*. Причем, результат может *совпадать* или *не совпадать* с желаемым образом.

Цель можно представить как некий экзотерический (тайный, понятный только субъекту) феномен, образ, внутренняя сила которого используется, например, для *определения направления* в жизни, ее *упорядочивания* (цель жизни); для *сосредоточения усилий* на достижение чего-то определенного, дабы не отвлекаться на второстепенное; для *поддержания мотивации* в выполнении различных задач на пути продвижения к результату [8].

К тому же алогично говорить о достичимости образа. Цель не достижима в принципе. Достигается *результат* — желаемый, частично отвечающий нашим желаниям, а то и нулевой либо вообще не желаемый.

Сущность наказания (для чего оно) проявляется в тех самых функциях, которые традиционно некритично называют целями. Но функция — это, *во-первых*, целесообразность (осмысливаемая как цель); *во-вторых*, направление деятельности; *в-третьих*, средства ее осуществления, которые придают специфику данному направлению деятельности, определяют ее характер.

Следовательно, речь нужно вести не о самом (нормативно отложенном), наказании, а о его применении и исполнении; образно говоря, о результативности *не юридического инструментария, а мастерства, искусства пользования им*. Имеется в виду перевод наказания из материального, или потенциального свойства (*наказуемости преступления*) в состояние реально действующее, т. е. *наказание* преступника.

При этом нельзя не учитывать условия функционирования механизма наказания. Если в процессуальной сфере наказание подчинено регулятивному принципу, или руководящей идеи управомочивающих норм, то в уголовно-исполнительной — наказание, будучи связано (обвинительным приговором) с виновным лицом, переходит в новое качество — реального императива, как охранительных уголовно-правовых, так и уголовно-исполнительских отношений. Причем, данные отношения могут получить продолжение и в постпенитенциарной сфере (в отношении лиц, подлежащих административному надзору).

Уголовно-исполнительное законодательство РФ, в отличие от уголовно-правового, во-первых, почему-то ставит именно *цели*: «имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» (ч. 1 ст. 1 УИК РФ); во-вторых, исключает третью целевую составляющую — восстановление социальной справедливости, т. е. на стадии исполнения наказания остается за пределами «уголовно-исполнительной» целесообразности наказания.

Однако выражение «имеет своими целями» следует понимать как «в целях», ибо исправление осужденного, предупреждение совершения им (так и иными лицами) нового преступления, тем более система не может гарантировать. И дело здесь не в самом наказании как мере принуждения, а в профессионализме (которого, корректно выражаясь, недостает) исполнителях и существующих нечеловеческих условиях его исполнения. Примером тому можно привести сообщения официального YouTube-канала Gulagu.net о системном характере пыток и причастности сотрудников главных оперативных управления ФСИН России и оперативных управлений ГУФСИН по Иркутской области, Саратовской и Владимирской областям к указанным массовым насилиственным преступлениям [5].

Об этих нечеловеческих условиях вынужден был сделать «признательную оценку» министр юстиции РФ А. В. Коновалов, который признал, что «пребывание за колючей проволокой... производит необратимое *калечающее действие на психику человека, превращая его*

либо в волка, либо в собаку» (выделено нами. — авт.). И это, по его мнению, может привести к тому, что, если и дальше так продолжится, люди «будут ежегодно выходить из мест лишения свободы в таком *волче-собачьем состоянии, пополняя население России* (выделено нами. — авт.), мы в очень скором времени приедем не только к коллапсу во всех сферах деятельности государства и общества, но к очень большому кровопролитию» [2].

А ведь на такого рода опасность, своего рода «эффект бумеранга», обращали внимание основоположники уголовно-правовой теории и криминологии. В частности, один из основателей социологического направления в криминологии Ф. Лист рассматривал одну из главных причин повторной преступности именно в системе наказаний, девиз которой предлагал сформулировать так: «Наказание, способствующее преступлению?!" [3, с. 46].

Как ни странно, но со временем взгляд на эту социальную проблему, думается, заметно утратил остроту, оказался «замыленным». Хотя не для критической криминологии.

Завершим рассуждения о в большей степени гипотетической, нежели реальной возможности использования (а не самого) наказания в целях усиления *карательного* предупреждения преступлений следующими выводами.

Во-первых, тщетны надежды тех, кто убежден в том, что такое принудительное воздействие на менталитет (систему ценностей, норм, установок, склад ума, образ мыслей и многое другое [4]) личности, в попытках тем самым вернуть или внести такие качества, которые впредь удержат его от преступных деяний. Тем более, усматривать в принуждении его конечные цели, некорректно ссылаясь на ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Во-вторых, наказание является органической составляющей уголовной ответственности, выступает как бы «подневольной мерой». К тому же уголовная ответственность возможна и без назначения наказания, в том числе с назначением *принудительных* мер воспитательного воздействия, мер медицинского характера.

При этом, нередко бывает, когда реальное применение (исполнение) наказания осуществляется, спустя не только разумные сроки, но и годы с момента совершения преступления. Однако принудительно-предупредительное воздействия на подозреваемого, обвиняемого осуществляется, кстати не только в *тех же целях*, что и наказание, но и в *других целях* — медицинского характера, излечения лиц или улучшения их психического состояния, воспитательного воздействия.

Опять же подчеркиваем: *не цели, а функции* уголовной ответственности, хотя в литературе рассматриваются именно цели уголовной ответственности.

В уголовном наказании усматривать несуществующее, а именно конечные цели, подразумевая под ними желаемый результат. Наказание — это «всего лишь» вспомогательная мера государственного принуждения, или карательный инструмент, призванный усилить предупредительное воздействие уголовной ответственности.

Таким образом, уникальным средством предупреждения выступает уголовная ответственность как институт уголовного права, через который реализуется, в особенности, предупредительная и воспитательная уголовно-правовые функции.

И важнейшая задача заключается в том, чтобы данный институт функционировал в надлежащих условиях. В противном случае его усиление приводит к известному обратному результату, т. е. обращая виновного в известное «волче-собачье состояние».

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2 (П – Я) / пер. с англ. Москва : Вече, АСТ, 2001. 528 с.
2. Глава Минюста: в колонии человек превращается в волка. URL: http://actualcomment.ru/glava_minyusta_v_kolonii_chelovek_prevrashchaetsya_v_volka.html
3. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинского. Москва : ИНФРА-М, 2004. 110 с.
4. Менталитет: что это простыми словами. URL: <https://advi.club/psihologiya-i-obshhestvo/159-mentalitet-prostymi-slovami.html#h4sjhc52kgv160af3iqnvazh10gpgu4>
5. Насилие на камеры. Три минуты из 40 Гб видео пыток в тюрьмах от Gulagu.net. URL: <https://vot-tak.tv/novosti/04-10-2021-iznasilovaniya-v-koloniyah-na-kameru/>
6. Рарог А. И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. С. 88–95.
7. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Ревина. Москва : Юстицинформ, 2016. 580 с.
8. Цель. URL: <https://time-blog.ru/cel/>

ЕВСТЕГНЕЕВА А. С.

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Юридического института

Костромского государственного университета

к. ю. н., доцент (г. Кострома)

О ПРАВИЛАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИИ НА ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ

Современное Российское уголовное законодательство содержит указание на то, что «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (ст. 43 УК РФ). Законодательное определение целей, как представляется, не вызывает сомнений.

Наряду с этим, рассуждая о целях наказания, видится интересным и верным мнение Ю. М. Ткачевского, полагавшего, что определение судом справедливого наказания – это лишь начальный этап восстановления социальной справедливости, необходимая предпосылка ее основной реализации в процессе исполнения наказания [1, с. 17–25].

Нельзя не согласиться и с высказыванием А. В. Наумова, по мнению которого, «Наказание и служит восстановлению нарушенных в результате совершения преступления прав и свобод потерпевшего, то есть в конечном счете восстановлению справедливости. Характер «восстановительных» уголовно-правовых санкций тесно связан со спецификой нарушенных в результате совершения преступления прав и свобод». Далее автор правильно указывает на то, что «... не все, чему причинен ущерб преступлением, подлежит адекватному возмещению (восстановлению). Очевидно, что никаким наказанием не может быть восстановлена жизнь потерпевшего от убийства либо утраченное в результате преступления здоровье» [2, с. 364].

Таким образом, социальная справедливость восстанавливается лишь в возможных пределах, например, частично возмещается причиненный ущерб посредством конфискации имущества, при исполнении наказания в виде исправительных работ и других видов наказания, когда осужденный, отбывая наказания, привлекается к труду и из его заработной платы производятся отчисления потерпевшему или потерпевшим. В связи с этим граждане, как бы убеждаются в том, что государство обеспечивает применение наказания преступника в соответствии с законом за все совершенные им преступле-

ния, что и вытекает из положений ч. 1 ст. 69 УК РФ «... наказание назначается за каждое совершенное преступление». Вместе с тем, в частях 2–5 этой статьи приводятся правила назначения наказания при совокупности преступлений. Анализируя содержание этих норм можно констатировать то, что законодатель предписывает суду назначать наказание за каждое оконченное и неоконченное преступление. Вместе с тем, суд, определяя окончательное наказание, исходя из законодательных предписаний, фактически назначает наказание не за все совершенные преступления, а лишь за два, пусть даже, предусматривающих самое тяжкое наказание. При этом, за второе преступление может быть назначено наказание, не превышающее «более чем на половину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений» (ч. 2 ст. 69 УК) или не превышающее «более чем на половину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений» (ч. 3 ст. 69 УК). Так, если лицо совершил ряд краж, за совершение которых предусмотрено наказание санкциями ч.ч. 1 и 2 ст. 158 УК РФ, то ему может быть назначено окончательное наказание сроком до 7,5 лет лишения свободы, это в тех случаях, если в его действиях не будут усмотрены смягчающие наказание обстоятельства. Да и это наказание, как показывают результаты изучения приговоров, вынесенных судами осуждаемым за совершение нескольких преступлений, с наибольшей вероятностью, будет условным, даже в тех случаях, если потерпевшими окажутся малоимущие граждане.

В качестве примера можно привести приговор, вынесенный одним из судов г. Костромы, в отношении гр-на «И» за совершение шести краж чужого имущества, предусмотренных частями 1, 2 и 3 ст. 158 УК РФ, в числе которых, одно преступление квалифицированное по части 1, четыре кражи, квалифицированы по пунктам «а», «б» и «в» части 2 и одно преступление суд квалифицировал по части 3 ст. 158 УК РФ, как кражу совершенную группой лиц по предварительно-муговору с незаконным проникновением в жилище.

Так, 24 июля 2018 г. суд, рассматривая уголовное дело в особом порядке, в приговоре, определил меру ответственности и назначил «И» наказания за каждое из совершенных преступлений: 200 часов исправительных работ за кражу, квалифициованную по ч. 1, за совершение краж, предусмотренных ч. 2 назначены наказания сроком от 1-го года 3-х месяцев до 1-го года 6-ти месяцев лишения свободы и за кражу предусмотренную ч. 3 ст. 158 УК РФ – 2 года 6 месяцев лишения свободы. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ,

путем частичного сложения наказаний, назначил окончательное наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года. Ссылаясь на положения ст. 73 УК РФ суд указал, что назначенное наказание следует считать условным с испытательным сроком 2 года. Между тем, на момент изучения приговора в Уголовно-исполнительной инспекции (апрель 2019 года) осужденный находился в розыске в связи с уклонением от отбывания наказания [4].

Изучение резолютивной части данного приговора обусловливает вывод о том, что фактически, исходя из анализа санкций, предусматривающих наказание за названные преступления, преступнику предписано отбывать наказание всего за одно преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 158 УК РФ, да еще условно с испытательным сроком, меньшим чем срок лишения свободы.

Аналогичный пример, 20 сентября 2016 г., другим районным судом г. Костромы вынесен приговор гражданке «О» за двенадцать преступлений, из которых 11 предусмотрены ч. 3 ст. 159 УК РФ (со средней суммой ущерба порядка 130 тыс. рублей), относящихся к категории тяжких преступлений и одно – ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, относящегося к категории преступлений средней тяжести. В резолютивной части приговора суд признал гражданку «О» виновной по всем двенадцати фактам. В связи с этим назначил наказания за все совершенные преступления (по 2 года 6 месяцев лишения свободы). Также в приговоре указано, что, в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ назначить окончательное наказание 4 года 6 месяцев лишения свободы. Возникает вопрос – как можно «частично сложить» наказания за двенадцать преступлений, за каждое из которых назначено по два с половиной года лишения свободы, чтобы получилось 4 года? Несмотря на то, что осуждаемая ранее судима за аналогичные преступления, суд, ссылаясь на положения ст. 73 УК РФ указал, что назначенное наказание следует считать условным с испытательным сроком 2 года 6 месяцев, в течение которого осужденная должна соблюдать установленные ограничения [4]. Однако, в связи с уклонением от отбывания наказания, осужденная, длительное время находилась в розыске и в апреле 2019 г. условное наказание ей заменено на реальное лишение свободы.

Также следует отметить, что, в обоих случаях, судами не применено дополнительное наказание в виде штрафа, предписанное санкциями ч.ч. 3 ст. ст. 158 и 159 УК РФ. Кроме того, по второму случаю в приговоре никак не обозначены меры по возмещению, причиненного потерпевшим, ущерба.

Из приведенных примеров видно, что осужденным, совершившим по несколько преступлений, выносится обвинительный приговор, в котором суд, признав подсудимых виновными, назначает им наказания за все преступления, но окончательное наказание вряд ли можно назвать справедливым, следовательно, способствующим достижению таких целей как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. В частности, о какой справедливости, исправлении осужденного и предупреждении совершения новых преступлений может идти речь, если виновные получают наказания не за все совершенные ими преступления, а в лучшем случае за два из них, так как при любом виде сложения наказаний, окончательное наказание не может превышать более чем на половину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений. То есть, суд назначает окончательное наказание за одно из, входящих в совокупность преступлений, совершенных виновным, и к нему прибавляет не более половины наказания за другое преступление.

На основании изложенного, представляется, что существующие правила назначения наказания, изложенные в ст. 69 УК РФ, не способствуют достижению целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Положения действующего УК РФ указывают на то, что: «При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса» (ч. 1 ст. 17 УК). Тем самым законодатель, конструируя данное положение, предопределил обязанность виновного лица, чья вина полностью доказана в ходе судебного разбирательства, нести уголовную ответственность «за каждое совершенное преступление». Однако на практике этого не происходит.

Так, согласно предписаниям закона, каждое, запрещенное уголовным кодексом деяние уголовно наказуемо, а также то, что при совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление, однако, в конечном счете, окончательное наказание определяется, лишь по двум преступлениям, да и то не в полном объеме. Следовательно, о какой роли уголовного закона в достижении целей наказания можно говорить, если лицо, совершившее несколько преступлений, заведомо знает, что ему будет назначено наказание, образно говоря, всего за полтора преступления.

В данном случае представляется уместным высказывание Г. М. Миньковского, произнесенное почти три десятилетия тому назад: «Так, каждый второй из недавно опрошенных молодых осужденных сообщил, что на формирование у него преступной мотивации и готовности совершить конкретное преступление повлияла в ряду других факторов уверенность в возможности избежать ответственности» [5, с. 29].

В основополагающих началах теории уголовного права изложено требование, что каждое преступное деяние уголовно наказуемо, виновное лицо должно нести наказание за каждое совершенное им преступление. В связи с этим, представляется абсолютно справедливым, высказывание, встречающееся в литературе о том, что мы имеет дело лишь с упоминанием требования неотвратимости наказания, которое, в последнее время, подвергается критике как нереальное. Сказанное обуславливает вывод о том, что законодатель, формулируя правила назначения наказания по совокупности преступлений, к урегулированию данного вопроса подходит не совсем обоснованно. Складывается впечатление, что, под прикрытием принципа гуманизма, создаются весьма льготные условия для исполнения обязанности преступником — нести полную ответственность за каждое совершенное преступление, в ущерб конституционных требований: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», к другим лицам здесь следует отнести пострадавших от преступления. Кроме того, здесь нарушается и такое конституционное требование, как «Все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина ...», равным образом стоящих на защите прав и свобод как лица, совершившего преступление, так и лица, пострадавшего от этого преступления.

Подводя итог сказанному можно констатировать — множественность преступлений должна влечь за собой повышенную, а не «пониженную» уголовную ответственность, как это существует на самом деле. Этот вывод обусловливается и тем, что лицо, неоднократно, совершающее преступления, приобретает преступный «профессионализм», а с повышением криминальной квалификации повышается и общественная опасность этого лица. Кроме того, виновное лицо должно знать истинную неотвратимость наказания, а не мнимую. Виновный, его окружение и общественность должны быть уверены, что за каждое совершенное преступление преступнику будет назначено, предусмотренное уголовным законом наказание, без «частичного сложения» или, тем более, «поглощения менее тяжкого наказа-

ния более тяжким» которое он, в обязательном порядке, должен понести.

В связи с этим, представляются не верными и не способствующими достижению целей наказания, существующие правила назначения наказания, изложенные в ст. 69 УК РФ «путем поглощения менее тяжкого наказания более тяжким» или «путем частичного сложения наказаний» за совершенные ранее преступления и, назрела очевидная целесообразность в изменении правил назначения наказания по совокупности преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткачевский Ю. М. Восстановление социальной справедливости – цель уголовного наказания и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 1998. № 6. С. 17–25.
2. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. Москва : БЕК, 1996.
3. Приговор по уголовному делу № 1-113/2018 // Архив филиала № 2 УИИ УФСИН России по Костромской области. 2018.
4. Приговор по уголовному делу № 1-196/5599 // Архив филиала № 1 УИИ УФСИН России по Костромской области.
5. Миньковский Г. М. Задачи и возможности использования уголовно-правовых средств профилактики преступности / Г.М. Миньковский. // Пути совершенствования мер по предупреждению преступности: матер. Всесоюз. науч.-практич. Конф. (17-18 декаб. 1987 г.) Вып. 2. Москва : Академия МВД СССР, 1988. С. 29–37.

СЕРЕБРЕННИКОВА А. В.

профессор кафедры уголовного права и криминологии
Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
д. ю. н., доцент (г. Москва)

ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ИХ СООТНОШЕНИЕ С ЦЕЛЯМИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

На данный момент понятие «уголовно-правовое воздействие» в законодательстве не отражено, поэтому исследователи, характеризуя причины (предпосылки), развитие, а также следствие использования мер уголовно-правового характера, очень часто дают свое (индивидуальное) определение данному явлению, а также идентифицируют его признаки с учетом особенностей формирования конкрет-

ного института уголовного права. К примеру, автор диссертационного исследования «Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации» М. В. Бавсун определяет в качестве такового систему отраженных в уголовном законодательстве нормативных положений и связывает их действие с необходимостью обеспечения охраны конституционных основ государства, а также защиты прав и свобод граждан от преступных посягательств. В контексте данного определения автор выделяет основные средства, которые могут быть использованы государством в достижении установленной цели: карательные, информационно-правовые, воспитательные и безопасные меры [1, с. 23].

Учитывая, что представление о мерах уголовно-правового воздействия находится в русле научно-теоретического обоснования, мы, с учетом специфики взгляда на современное представление о правильности построения системы предупреждения (раскрытия) преступлений, можем выделить основные из них, к которым, безусловно, относятся так называемые санкционные (карательные) меры, а также необходимое воспитательное воздействие, осуществляющееся, как правило, в рамках уже назначенного наказания за совершенное преступление. Это своего рода стандарт реагирования на те правонарушения, которые законодатель относит к преступлениям в целом. И здесь сразу же необходимо отметить, что при таком подходе отечественная система уголовного преследования слабо различает кто перед ней — действительно общественно опасный элемент, который заслуживает самого жесткого наказания, или человек, который оступился, и для возвращения к нормальной жизни в обществе его совсем не обязательно карать тем же лишением свободы. Впрочем, если посмотреть внимательно на соответствие целей уголовно-правового воздействия выбору средств для привлечения к ответственности, мы можем увидеть, что во многом системный подход в определении правильности соответствия указанных элементов запросам законодательной логики находится в сфере правоприменения (практики), что опять же говорит о том, что сами по себе нормы — только направления для реагирования, тем более что за последнее время большинство санкций уголовных предписаний носят откровенно альтернативный характер, в рамках действия которых судья или следователь могут выбрать (запрашивать) как мягкую меру для наказания, так и более строгую.

Авторы научных работ и всевозможных исследований по изучению вопроса нормативного сопровождения привлечения к уголовной ответственности, находящих все большее выражение в оценке

корректности определения конкретной меры санкции, а также её пределов, отмечают, что за последнее время в действиях отечественного законодателя при выработке понимания о достаточности применения тех или иных мер уголовного преследования наблюдается некоторый дисбаланс [4, с. 185]. Прежде всего, это становится очевидным там, где законодатель пытается «заигрывать» с потенциальным нарушителем, относя его поведение, с одной стороны, к общественно опасному, с другой — к незначительному с точки зрения того, что последствия от его действий прямого вреда обществу не нанесли.

Примером реализации такого подхода являются правонарушения, которые совершаются в сфере развития предпринимательства и налогообложения. Анализ вопроса должного исполнения своих обязанностей в сфере предпринимательства и коммерческого интереса с различных позиций (обоснованности, своевременности, соразмерности и др.) нередко приводит исследователей к пониманию о необходимости защиты функционирования экономики, что, как следствие, сводится к формированию не просто новых правил регулирования указанной сферы, но и последовательному созданию различных санкционных механизмов, направленных на защиту, прежде всего, интересов её участников [2, с. 267].

Действительно, вполне логично, что законодатель, определяя необходимость достаточности (полноты) применения наказаний в указанной сфере, предусмотрел, что за некоторые нарушения закона в этой области просто необходимо использовать уголовное преследование. Это обусловлено особенностями построения и функционирования современной отечественной бюджетной сферы, которая, находясь в ощутимой зависимости от продуктивности налоговых сборов, большая часть которых приносит именно коммерческая деятельность, де-факто пока еще не обладает достаточной устойчивостью в вопросах предотвращения негативного влияния на предпринимательство в целом; слабое развитие малого и среднего бизнеса, низкий уровень трудовой активности населения, а также недостаточность мер, принимаемых самим государством в вопросе реализации политики трудоустройства, сводят старания работников государственных органов к политике давления, чем вынуждает законодателя вносить постоянные корректизы в вопросы ответственности за неправомерные действия в указанной среде.

Однако некоторые моменты распределения должностной ответственности по конкретным составам преступлений вызывают у исследователей обоснованное недоумение.

Так, одним из примеров реализации такого подхода стало принятие в 2011 г. поправок в Общую часть УК РФ в части введения нормы, предусматривающей новое основание для освобождения от уголовной ответственности при совершении отдельных видов преступлений, зафиксированных в сфере экономической деятельности – ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» (Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Необходимость принятия данных поправок столь оперативно, по мнению некоторых исследователей, была обусловлена уже имеющейся научной позицией, подкрепленной, с одной стороны, продуктивностью принятия аналогичных мер в других развитых странах, с другой стороны, тем, что инициатором данного законопроекта выступила Администрация Президента РФ [5, с. 80].

Нужно отметить, что принятие данной нормы последовательно повлекло за собой корреляцию положений процессуального законодательства (ст. 28.1 УПК РФ), предусматривающего прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, а также значимые последствия в виде создания новых механизмов защиты прав предпринимателей при избрании в отношении последних меры пресечения (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), и, по мнению законодателя, исключающих возможность в отношении них же незаконного (необоснованного) уголовного преследования. Кроме всего прочего, данная инициатива была направлена на исключение негативных тенденций в вопросах формирования позитивного делового климата в стране, а также своеобразных рисков, сопутствующих предпринимательской деятельности.

Однако поспешность в вопросе существующей необходимости реагирования привела к разногласиям исследователей и правоприменителей в части того, как именно использовать такие основания на практике, учитывая, что законодателем не был учтен ряд моментов общего и специального характера, с одной стороны, наглядно указывающих на несовершенство законодательных изменений, с другой – на значительность регулируемой сферы, где тот же нарушитель закона может самостоятельно принимать меры к устраниению им же созданных последствий.

Учитывая, что допустимость такой меры влечет за собой освобождение от ответственности прежде всего лиц, совершивших указанные преступления в экономической сфере впервые, представляется несколько странным, что указанными нововведениями не были

учтены диспозиции тех уголовных норм, ответственность за нарушение которых значительно ниже тех, что были включены в установленный ст. 76.1 УК РФ перечень.

В частности, одной из причин, по которой мнения исследователей в этом вопросе разделились, стало невключение в уголовный закон тех составов преступлений, последствия по которым в виде причиненного вреда по своей природе аналогичны с другими, но, в тоже время, размер санкций за их совершение значительно ниже. Так, например, в данный перечень не были включены общие составы мошенничества (ч.ч. 1-4 ст. 159 УК РФ), которые по аналогии с такими составами преступлений, как мошенничество в кредитной сфере (ч. 1 ст. 159.1 УК РФ), а также мошенничество в сфере выплат (ч. 1 ст. 159.2 УК РФ), имеют одинаковый родовой объект, и наказание за совершение которых значительно ниже, нежели за совершение указанных преступлений [2, с. 21].

Отдельного внимания заслуживает вопрос частичной безальтернативности санкционных мер, применяемых при определении вида и размера вида наказания. С учетом последних изменений существующая редакция нормы 76.1 УК РФ предусматривает возмещение ущерба в полном объеме потерпевшему и при этом перечисление в двухкратном размере суммы ущерба либо дохода, полученного в результате совершения преступления, в бюджет государства. Полагается, что такая мера должна носить более «гибкий», диспозитивный характер, иначе её применение, в том смысле, в каком она задумана законодателем, обречено на провал. С учетом того, что размеры сумм вреда по ч.ч. 5-7 ст. 159 УК РФ (совершены при нанесении значительного, крупного и особо крупного размеров) представляются достаточно существенными (в части особо крупного размера он достигает 12-ти миллионов рублей), императивное указание на обязанность уплатить двукратный размер ущерба создаст предпосылки к тому, что нарушителю будет проще понести наказание за содеянное. То есть, в случае с осуществлением незаконного предпринимательства преступник может нанести ущерб до суммы в 3 млн. руб., и для того, чтобы освободиться по основанию ст. 76.1 УК РФ должен помимо возмещения ущерба внести в доход государства сумму в размере еще 6 миллионов, в то время как наряду с лишением свободы альтернативными санкциями за совершение указанной нормы являются: штраф — до трехсот тысяч рублей или доход осужденного за последние два года, а также обязательные работы, срок которых может быть совсем незначительным (до четырехсот восьмидесяти часов). Естественно, что многие, признав вину, предпочтут

после нанесения серьезного ущерба не платить, а пойти по пути так называемого «исправления». А учитывая, что дела по таким статьям отнесены к делам частно-публичного обвинения, вопросы уголовного преследования могут разрешаться крайне неэффективно.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что современное представление об объективности использования мер уголовно-правового характера в регулировании современных отношений, и противопоставление данной объективности целям уголовного производства пока еще не имеет достаточной, прежде всего, доктринальной опоры. Доказательством чему служит то, что институт освобождения от уголовной ответственности в вопросах регуляции экономических отношений необоснованно продолжает пополняться новыми основаниями. Это указывает на то, что, с одной стороны, законодатель, преследуя цель максимально продуктивно влиять на отношения между государством и бизнесом, и стараясь избавить последних от неблагоприятных последствий, оставляет за государством право считать нарушения в указанной сфере крайне негативными для бюджетной сферы, с другой — не позволяет правопримениелям использовать принятый за основу нормативный ресурс в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. Омск, 2013. 396 с.
2. Великанова Т. С., Горнова Н. В. Влияние экономических преступлений на экономическую безопасность страны. // Экономика и социум. 2020. № 3(70). С. 265–268.
3. Власенко В. В. Социальная обусловленность норм, устанавливающих освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Актуальные проблемы современного права и криминологии: матер. Междунар. науч.-практ. конф. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет». 2015. С. 18–22.
4. Кузнецов В. И. Достижение целей уголовного наказания при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 185–187.
5. Соловьев О. Г., Князьков А. А. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 80–82.

Р А З Д Е Л 5

КАРА КАК УТВЕРЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СИСТЕМЕ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

ПОДРОЙКИНА И. А.

*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Ростовского филиала Российской таможенной академии,
д. ю. н., доцент (г. Ростов-на-Дону)*

К ВОПРОСУ О РОЛИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Справедливость — категория, которая наиболее обсуждается во многих отраслях науки. На всех этапах развития общества феномен справедливости выступал критерием, своеобразным мерилом, по которому оценивалось поведение конкретных индивидов, действий властных структур, принимаемых законов. Каждый человек, социум, государство вырабатывают свое понимание справедливости. Более того, в зависимости от этапа развития, представления о справедливости в одном и том же образовании (социуме, государстве) могут меняться, трансформироваться с учетом меняющихся общественных отношений, нравственных установок, представлений о дозволенном и недозволенном, понимании чести, отношения к расстановке приоритетов охраны и др. внешних обстоятельств. С древнейших времен и по настоящее время справедливость воспринимается в обществе как должное с позиций нравственности и морали, должно в отношениях между людьми, должное при выстраивании отношений между обществом и государством, при принятии законов, должное — как мерило соответствия объема ответственности за правонарушающее поведение.

Несмотря на значимость категории «справедливость» в жизни государства, общества и каждого человека, тем не менее, до сих пор нет однозначного понимания того, что же следует понимать под справедливостью. Как правило, проблема справедливости поднимается при решении вопросов, связанных с юридической ответственностью, с наказанием за совершенное преступление. И это не случайно, так как, во-первых, уголовное наказание является наиболее острой фор-

мой реагирования на правонарушающее поведение, сопряженное с максимальными ограничениями прав и свобод конкретного лица, а во-вторых, основанием для применения наказания является совершение деяния, которое отнесено законодателем к крайне негативным, требующим именно уголовно-правового воздействия.

Полемика о справедливости наказания наиболее активно велась среди философов. Философские концепции о наказании классифицируются по двум основным направлениям. Первое направление рассматривает наказание с позиций возмездия (абсолютные теории). Они исходят из абсолютного принципа заслуженного возмездия, из верховенства правовых норм и опираются на тезис «за преступлением неминуемо должно следовать симметричное наказание», наказание выступает естественной реакцией на совершенное преступление. Подобная точка зрения известна в истории философии как ретибутивизм (от лат. *retributio* – возмездие). Все абсолютные теории являются различными вариантами переосмысления древнего закона талиона.

Второе направление философии рассматривает наказание с позиций утилитарных теорий. Группа теорий, обосновывающих утилитарные цели наказания, получила название относительных теорий, где наказание не является самоцелью, оно преследует какие-либо иные цели. Данные позиции также можно назвать консеквенциалистскими, то есть нацеленными на результат.

Согласно утилитарным теориям, цель наказания следует искать в противодействии преступлению, они дают различные истолкования вопроса, почему наказание является аморальным деянием, как и различные оправдания этому деянию. Все утилитарные теории объединяет принцип полезности, согласно которому наказание является морально обоснованным, если оно приносит наибольшее количество счастья. Полезность в этих теориях трактуется по-разному: как счастье, удовольствие, благополучие, или же предупреждение преступлений, перевоспитание преступника.

Существуют различные варианты утилитарных теорий. Но уже в воззрениях античных мыслителей мы обнаруживаем понимание цели наказания в нравственном перевоспитании, исправлении преступников и предупреждении преступлений.

В целом, обращение к различным философским концепциям о наказании показало (более подробно анализ соответствующих позиций проведен в иных работах автора [1; 2; 3; 4]), что при всей своей кажущейся непримиримости, большинство из них имеют общие точки соприкосновения, содержат ряд сходных положений, которые имеют

фундаментальный характер. Так, обращает на себя внимание то, что и ретрибутивисты, и ряд утилитаристов (консеквенциалистов), а также представители иных теорий наказания говорят о пропорциональности наказания совершенному общественно опасному деянию. Часто, обходя напрямую вопрос о справедливости (за исключением ретрибутивистов), они, тем не менее, говорят о необходимости восстановления нарушенных благ (например, восстановлении человеческого достоинства у В. Соловьева, восстановлении коллективных чувств у Э. Дюркгейма и др.). То есть фактически многие философские концепции о наказании пронизывает идея справедливости, которая хотя в разных учениях и понимается по-разному, но при этом, как правило, связывается с соразмерностью наказания совершенному общественно опасному деянию.

Следует обратить внимание, что и современный уголовный закон особое значение придает справедливости. Так, в числе основополагающих принципов действующего уголовного закона закреплен принцип справедливости (ст. 6 УК РФ). В ст. 43 УК РФ в числе целей наказания в первую очередь называется восстановление социальной справедливости. О справедливости говорится при определении общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ). Справедливость находит свое отражение и в иных нормах уголовного закона, например, в законодательном установлении формализованных пределов различных видов наказаний, фактического отбытия наказания, при наличии которых осужденный может быть условно-досрочно освобожден, в институте освобождения от уголовной ответственности и наказания и др.

Специалисты справедливо отмечают, что именно реализация принципа справедливости является индикатором качества уголовного закона. Более того, она составляет суть и цель уголовно-правового воздействия в целом [14, с. 7].

Однако детальный анализ норм уголовного закона в части регламентации конкретных наказаний, определения категорий преступлений, построения санкций статей Особенной части УК обнаруживает, что фактически принцип справедливости в нем не выдержан в полном объеме (в частности, речь идет, например, о нарушении принципа «лестницы» при расположении наказаний в перечне ст. 44 УК РФ, отсутствии нижних границ наказаний в ряде санкций статей Особенной части УК, в том числе за преступления тяжкие и особо тяжкие, допущении назначения равного наказания за преступления, отнесенные к разным категориям преступлений, а также за преступления, наделенные квалифицирующими или особо квалифицирую-

щими признаками, допущении изменения судом категории преступления и др. [5]).

По нашему мнению, причиной такого положения дел является недооценка роли справедливости в уголовном праве. И мы не можем не обратить на это внимание. «Справедливость необходима обществу, она дает людям сознание физической и духовной безопасности» [6, с. 374], — писал М. Д. Шаргородский. Выступая как оценочная категория, справедливость «прежде всего фиксирует реальное положение личности в обществе и выступает как бы нравственной гарантией личности от общественного произвола» [7, с. 113—114].

Ценность права не может существовать сама по себе, вне соотнесения его с социальными и культурными ценностями, доминирующими и признаваемыми в конкретном государстве, которые «отражаются» или «усваиваются» правом. Значение правовых норм состоит в реализации декларируемых правовых ценностей, которые выполняют ориентирующую функцию, формируя внутренние установки индивида. Оценивая ту или иную норму права с позиции справедливости или несправедливости, мы соотносим ее результат с системой ценностей, принятых в данном обществе в конкретный исторический период развития. Реализация требований справедливости является показателем качества права. «Справедливость, воплощенная в праве, отражает специфическую качественную определенность соответствующих процессов и явлений. В ней как бы подытожено отношение общества к праву» [8, с. 11].

Наиболее рельефно проявляется категория справедливости в ситуации конфликта, поэтому справедливость в уголовном праве приобретает особое значение. Уголовный закон в числе задач на первое место поставил охрану прав и свобод человека и гражданина, соответственно, они, граждане, члены общества, ждут адекватной реакции со стороны государства в случае посягательства на их права и свободы.

Не полемизируя далее о понятии справедливости, социальной справедливости, критериях справедливости в силу ограниченности объема статьи и большого количества работ, посвященных данной теме в разных отраслях права, отметим, что, закрепив в числе уголовно-правовых принципов принцип справедливости, законодатель, с одной стороны, признал, что в основу уголовного закона положена идея справедливости, а с другой — как бы «расторвил» ее, не придав принципу справедливости «цементирующего» значения, определив ему предпоследнее место в системе уголовно-правовых принципов. Как верно отмечает С. Н. Сабанин, «приоритетная защита прав че-

ловека в сфере уголовной политики неизбежно влечет за собой переоценку существующих уголовно-правовых институтов с позиции идей справедливости, выдвижение ее на первый план в процессе разработки уголовного закона» [8, с. 3].

Опираясь на философские концепции о наказании, мнение авторитетных ученых, учитывая значение справедливости в праве, в жизни общества и каждого индивида, полагаем, что сегодня необходима переоценка роли справедливости в уголовном праве. На уровне закона следует акцентировать внимание на идее справедливости как основополагающей. Это можно сделать путем пересмотра значения принципов в Общей части УК РФ и признания в качестве определяющего (интегративного) принципа справедливости. Безусловно, кто-то может возразить, что все принципы уголовного права равны и составляют «базу», платформу уголовного права. Не принижая значения иных принципов, согласимся с В. Д. Филимоновым: «Принцип справедливости охватывает своим содержанием все другие принципы, последние по существу конкретизируют его, нарушение любого из этих принципов влечет одновременно и нарушение принципа справедливости, принцип справедливости предопределяет содержание других принципов» [9, с. 51]. На позиции признания принципа справедливости в качестве всеобъемлющего стоят и другие ученые в области уголовного права [10; 11; 12; 13]. Соответственно, принцип справедливости, будучи основополагающим и всеохватывающим, должен занять первое место в системе уголовно-правовых принципов. Принцип же законности, по нашему мнению, должен «закрывать» систему, как бы подчеркивая, что только те нормы права, которые соответствуют всем вышеперечисленным принципам, подлежат законодательному закреплению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подвойкина И. А. Социально-философский анализ наказания: учебное пособие. Москва : Кнорус, 2021. 80 с.
2. Бабахова Л. Г., Подвойкина И. А. Наказание в процессе общественно-исторического развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 8. С. 77–82.
3. Подвойкина И. А. Уголовное наказание, его цели и практика применения в свете философских концепций наказания // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 234–239.
4. Подвойкина И. А. Осмысление феномена наказания с позиций теорий возмездия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1(30). С. 280–284.

5. Подвойкина И. А. Концептуальные основы построения системы уголовных наказаний в России. Москва, 2018. 394 с.
6. Шаргородский М. Д. Избранные труды / сост. и предисл. д-ра юрид. наук, проф. Б. В. Волженкина. Санкт-Петербург, 2004. 655 с.
7. Бербешкина З. А. Справедливость как социально-философская категория. Москва, 1983. 203 с.
8. Сабанин С. Н. Справедливость освобождения от уголовного наказания. Екатеринбург, 1993. 170 с.
9. Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. Москва, 2002. 138 с.
10. Советское уголовное право. Общая часть. Москва, 1988. 223 с.
11. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. Санкт-Петербург, 2004. 692 с.
12. Городнова О. Н. Идея справедливости как критерий оценки и совершенствования уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты: монография / под ред. д-ра юрид. наук, доц. В. В. Сверчкова. Москва, 2015. 181 с.
13. Ткач В. В., Филиппов П. М. Принцип справедливости в уголовном праве Российской Федерации: учеб. пос. / под общ. ред. М. В. Севостьянова. Краснослободск, 2015. 187 с.
14. Закомолдин Р. В. О формальном аспекте регламентации уголовно-правового воздействия в отношении военнослужащих в УК РФ // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1(40). С. 5-11.

СИПЯГИНА М. Н.

старший юрисконсульт юридической группы
ФКУ ИК-3 УФСИН России
по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Государственного института экономики,
финансов, права и технологий, к. ю. н. (Ленинградская область)

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ОТ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В ст. 43 УК РФ в качестве целей уголовного наказания названо восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. При этом две последние цели имеют некоторую ясность.

Так ст. 9 УИК РФ под исправлением осужденных понимает формирование у них уважительного отношения к человеку, обще-

ству, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Предупреждение правонарушений (преступлений) является одним из основных направлений профилактики правонарушений, под которой Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения (ст. 2).

Однако весьма туманно представляется определение цели «восстановление социальной справедливости». Уголовно-исполнительное законодательство такой цели перед собой вообще не ставит (ст. 1 УИК РФ), что свидетельствует о том, что восстановление социальной справедливости, по мнению законодателя, должно достигаться на более ранних стадиях привлечения к уголовной ответственности.

В литературе на этот счет существует несколько точек зрения. Первая заключается в том, что реализация таких важнейших принципов уголовного права как гуманизм, справедливость, равенство перед законом и есть достижение социальной справедливости при назначении уголовного наказания [1, с. 91–93].

Вторая точка зрения сводится к тому, что данная цель уголовного наказания направлена на восстановление нарушенных в результате совершения преступления прав и свобод потерпевшего, то есть в конечном счете восстановлению справедливости [2, с. 364]. Эта позиция находит множество противоречий среди ученых-правоведов, которые основываются на том, что не всякие преступления вообще подлежат возможности компенсации и возмещению ущерба.

Согласно третьей позиции, суть восстановления социальной справедливости заключается в неотвратимости уголовного наказания за совершенное преступление [3, с. 10–14].

На наш взгляд, цель восстановления социальной справедливости содержит в себе все три вышеуказанных аспекта и представляет собой *неотвратимость негативных последствий для лица, совершившего преступление, выраженных в ограничении его прав и свобод, в компенсации вреда от совершенного преступления, в восстановлении нарушенных преступлением интересов личности, общества и государства*.

Таким образом, мы подчеркиваем, что возмещение вреда от совершенного преступления является одной из важнейших составляю-

щих данной цели уголовного наказания. Во-первых, большая часть преступлений в общей структуре преступности совершается по корыстным мотивам, и размер ущерба подлежит определению. Во-вторых, обращаясь в правоохранительные органы, потерпевший от такого преступления, прежде всего, желает вернуть утраченное имущество, а не навлечь на преступника кару в виде уголовного наказания. Зачастую гражданские иски, которые возбуждаются еще на стадии предварительного расследования не могут восстановить потерпевшего в правах, так как лица, совершающие преступления, официально не трудоустроены, не имеют никакого имущества и ведут маргинальный образ жизни. Получив исполнительный лист, у судебных приставов нет рычагов правового воздействия на такую категорию осужденных. Именно поэтому крайне важно, чтобы возмещение вреда от совершенного преступления реализовывалось именно на стадии исполнения уголовного наказания.

Трудоустройство осужденных является одним из важнейших направлений развития уголовно-исполнительной системы (Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (далее Концепция УИС)). Развитие применения наказания в виде принудительных работ привело к тому, что на сегодняшний день сеть исправительных центров сформирована в 76 субъектах РФ и состоит из 111 учреждений с возможностью размещения свыше 8 тыс. осужденных. В соответствии с законодательством Российской Федерации в настоящее время около 182 тыс. осужденных к лишению свободы имеют право по решению суда на замену лишения свободы принудительными работами и могут быть направлены для дальнейшего отбывания наказания в исправительные центры. В рамках Концепции УИС к 2024 году планируется кратное увеличение размещения осужденных к принудительным работам, к 2030 году — в полном объеме.

Что касается производственной деятельности в исправительных учреждениях, то в настоящее время трудоустроено 40% от числа всех лиц, подлежащих привлечению к труду. Концепция УИС ставит перед собой задачу увеличить этот показатель до 55 % к 2024 году и до 85 % к 2030 году.

Такую тенденцию в целом можно назвать положительной, однако многие исследователи находят работу уголовно-исполнительной системы по изысканию у осужденных средств для возмещения вреда потерпевшим, недостаточной. Так С. А. Хохрин указывает: «Оперативная разработка осужденных, имеющих исковые требования, с целью изыскания дополнительных источников для их погашения практически ни-

как не определена в качестве задач оперативных отделов исправительных учреждений. Их деятельность в этом направлении никоем образом не стимулируется. Основным показателем их деятельности является недопущение преступлений и иных правонарушений, а не деятельность по возмещению осужденными причиненного вреда. Аналогичная ситуация складывается в отношении воспитательной работы с осужденными, при проведении которой не всегда активно используются законодательные установления, стимулирующие осужденного к возмещению вреда, что в свою очередь может повлиять на возможность условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. В единичных случаях, а не на системном уровне проводятся работы по созданию условий для возмещения вреда осужденными в плане их трудоустройства» [4, с. 36].

В действительности, возмещение вреда от совершенного преступления должно представлять собой целый комплекс мероприятий, предпринимаемых не только органами предварительного расследования и судом, но и уголовно-исполнительной системой, причем не только в местах лишения свободы. Развивать необходимо и другие виды наказания, связанные с привлечением к труду. В этом аспекте положительным выступает относительно новый вид освобождения о уголовной ответственности с выплатой судебного штрафа и компенсации вреда потерпевшему (ст. 76.2 УК РФ).

Таким образом, можно отметить, что восстановление социальной справедливости, в изложенном контексте, должно иметь место как цель и в уголовно-исполнительном законодательстве, наряду с исправлением осужденных и предупреждением совершения новых преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX — начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А. И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2006. 720 с.
2. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций / А. В. Наумов. Москва : БЕК, 1996. 550 с.
3. Зубкова В. И. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 9. С. 10–14.
4. Хохрин С. А. Предупреждение пенитенциарного рецидива преступлений осужденных к лишению свободы: монография / С. А. Хохрин, О. А. Емельянов, А. Г. Емельянова ; под науч. ред. В. В. Меркульева. Москва : РУСАЙНС, 2021. 164 с.

ДОЛГОВА С. В.

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Балтийского Федерального
университета им. И. Канта, к. ю. н., доцент*

ЦИРИТ О. А.

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Балтийского Федерального
университета им. И. Канта, к. ю. н., доцент
(г. Калининград)*

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В институте судебского усмотрения существует проблема субъективности судьи, которая иногда воспринимается обществом как «судейский произвол». Она сводится к количеству предоставленных законом судье вариантов действий или решений. Пределы судебского усмотрения выступают в качестве ограничителя и сдерживающего механизма субъективности судьи, с их помощью судебское усмотрение находится в рамках и поддается контролю со стороны законодательства и нравственных категорий.

Определение понятия пределов судебского усмотрения в законодательстве отсутствует, среди ученых также нет единства взглядов. А. Барак отмечает, что судебное усмотрение в зависимости от количества законных альтернатив решений, которые может принимать судья, делится на широкое и узкое. Он также полагает, что в узком судебском усмотрении имеется два и более варианта решения, в широком – великое множество, посчитать которые невозможно. Также помимо разделения судебского усмотрения на узкое и широкое, необходимо разграничивать судебское усмотрение в зависимости от степени свободы судьи. При этом степень свободы судьи зависит как от формы принимаемых решений, так и от их содержания [1, с. 27]. Из указанных положений следует, что закон обязывает судью принимать не только определенное решение, но и делать это в соответствующей процессуальной форме, например, в виде постановления или приговора.

К. П. Ермакова отмечает, что пределы судебского усмотрения делятся на два самостоятельных комплекса: правовые и нравственные. Комплекс правовых пределов судебского усмотрения основывается на принципах и нормах права, а также на юридической практике их применения. Указанный комплекс является основным при

правоприменении, поскольку именно правовыми пределами усмотрения устанавливаются границы, в рамках которых находится наиболее оптимальный вариант решения суда. К. П. Ермакова делит комплекс правовых пределов судейского усмотрения на отдельные виды. К первому виду автор относит правовые принципы, которые являются основополагающими и одними из самых значимых пределов. Они определяют самые широкие границы усмотрения. Все остальные пределы всегда находятся в границах правовых принципов. Ко второму – технико-юридические приемы построения норм права. Данный вид пределов сужает и фиксирует доступные варианты принимаемых судом решений, сужая верхние и (или) нижние варианты. К третьему виду правовых пределов судейского усмотрения автор относит правила применения аналогии закона и аналогии права или правила преодоления пробелов правового регулирования общественных отношений. В данном случае стоит отметить, что в отечественном уголовном праве не допускается применение уголовного закона по аналогии, что также в свою очередь является пределом. К четвертому виду правовых пределов судейского усмотрения относятся легальные правовые дефиниции, судебные правовые дефиниции, правовые позиции судов, выводы научных исследований. Стоит сказать, что данный вид пределов относится скорее к правильному толкованию уголовного закона, которое осуществляется, в том числе, Верховным Судом РФ, который осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностию судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики [3].

Комплекс нравственных пределов также в свою очередь делится на несколько обособленных видов. К первому виду относится справедливость, которая определяется независимостью и беспристрастностью судьи в исходе уголовного дела. Данный вид пределов является гарантом восстановления нарушенного права только в той степени, которая соразмерна степени его нарушения. Ко второму виду нравственных пределов судейского усмотрения относится добросовестность, которая подразумевает, что суд всегда должен соответствовать таким категориям, как осознание собственного долга, честность, совестливость. Данный вид пределов говорит о том, что у судьи обязательно должны быть внутренние убеждения, соответствующие перечисленным категориям. В тех случаях, когда правовые пределы судейского усмотрения ограничивают возможные варианты решения суда таким образом, что остаются несколько вариантов, судья должен принимать правильное решение как раз благодаря добросовестности и справедливости [2, с. 52].

А. А. Суворов отмечает, что критерий справедливости судебского усмотрения близко связан с морально-этическими взглядами судьи, а также с нормами морали, установленными законодательством РФ [6, с. 45].

С. В. Корнакова и В. А. Щербаков выделяют основную цель применения судебского усмотрения — реализация таких принципов права, как гуманизм и справедливость. Но применение судебского усмотрения может соответствовать этим принципам лишь при условии соблюдения требований законности и обоснованности [4, с. 20].

По мнению Л. Н. Берг, пределы судебского усмотрения характеризуются тем, что у судьи всегда есть выбор из нескольких вариантов принимаемых решений, и каждое из этих решений находится в рамках действия норм права. Судейское усмотрение не может существовать в том случае, если у суда нет альтернативы выбора [2, с. 19].

О. А. Папкова считает, что право на применение судебского усмотрения имеет определенные границы, которые автор справедливо рассматривает как неотъемлемое свойство всякого права [5, с. 67]. Автор делает акцент не на том, что усмотрение ограничено, а на том, что усмотрение является правом суда, что уже подразумевает возможность как его применения, так и неприменения. Кроме того, она отмечает, что поскольку судебное усмотрение существует только в рамках правового поля, оно уже ограничено рамками самого правового поля.

Изучив значительное количество точек зрения относительно понятия пределов судебского усмотрения, мы пришли к выводу, что все точки зрения стоит разделить на два вида: диспозитивные и императивные.

Диспозитивный подход к определению понятия пределов судебского усмотрения подразумевает правотворчество, которое должно быть отнесено к компетенции суда. Особенность диспозитивного подхода к определению понятия судебское усмотрение заключается в том, что в данном случае судья занимается правотворчеством в тех рамках правового поля, которые установлены законом. При таком подходе судья с помощью принимаемых решений правомочен устранять возникающие в праве пробелы. То есть судья правомочен принимать такие решения, которые не противоречат закону, однако могут быть вообще не предусмотрены законом и суд фактически выходит за рамки правового поля, руководствуясь принципом справедливости. В данном случае у судей возникает возможность злоупотребления правом. Судейское усмотрение в данном случае иерархически превалирует над нормами права и находится вне границ

правового поля. Диспозитивный подход характерен для англо-саксонской правовой семьи, где источником права может выступать судебный прецедент, который как раз является результатом судейского усмотрения.

Императивный подход к определению понятия пределов судейского усмотрения подразумевает верховенство нормы права над судейским усмотрением, которое, преследуя соблюдение справедливости, может выходить за рамки правовых норм. Само название понятия «пределы судейского усмотрения» подразумевает ограничение прав судьи. Например, судейское усмотрение ограничивается его предметом, поскольку применение судейского усмотрения в одном случае не может в той же степени распространяться на другие. Так, при назначении наказания суд руководствуется законом и учитывает общие начала назначения наказания, в том числе обстоятельства, отягчающие наказание. В том случае, если судом будет установлено и учтено наличие такого отягчающего обстоятельства как рецидив преступлений, суд не может назначить наказание менее одой третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, однако суд должен назначить наказание в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Императивный подход к определению понятия пределов судейского усмотрения подразумевает не только всегда предусмотренный нормой права вариант решения, но и ограничивает варианты до конкретного количества. То есть, в отличие от диспозитивного похода, где вариантов решений может быть неограниченное множество, диспозитивный поход подразумевает определенное количество вариантов, которое можно посчитать. Императивный подход характерен для романо-германской правовой семьи, где установлено верховенство закона, и где нормативно-правовые акты имеют четкую иерархическую систему.

Таким образом, мы полагаем, что определять понятие пределов судейского усмотрения в российском уголовном праве необходимо с императивной точки зрения. Стоит отметить, что именно из-за существования диспозитивного подхода к определению понятия пределов судейского усмотрения в обществе и существует некоторое недоверие к судебной власти.

Устанавливая пределы судейского усмотрения, стоит выяснить, с какого момента имеет место быть судейское усмотрение, и когда оно заканчивается. Судейское усмотрение существует только в том случае, когда у суда есть минимум два варианта решения, предусмотренных уголовным законом, из которых он может выбрать. Та-

ким образом, начальной точкой судейского усмотрения является возможность принятия судом двух и более процессуальных решений. Например, при вынесении обвинительного приговора суд, при наличии смягчающих наказание обстоятельств и отсутствии отягчающих, на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ вправе изменить категорию преступления на менее тяжкую, при этом суд обязан учесть фактические обстоятельства преступления и степень его общественной опасности. То есть, суд, находясь в совещательной комнате, при принятии решения, если имеются изложенные в законе основания, обязан либо изменить категорию преступления на менее тяжкую, либо — нет. В данном случае необходимо указывать на то, что суд именно обязан принять решение по данному вопросу, поскольку суд обязан дать оценку фактическим обстоятельствам преступления и степени его общественной опасности. Кроме того, судья обязан обосновать выбранный им вариант решения. От принятого в указанном случае решения будет зависеть наказание, которое суд назначит подсудимому. Однако следует отметить и то, что в случае усмотрения судом оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую, закон четко определяет границы самого этого изменения.

Пределы судейского усмотрения — это определенное количество вариантов решений, предусмотренных законом, среди которых обязательно есть единственное верное. Таким образом, правильно не столько определение пределов судейского усмотрения, как границ, сколько правильное определение пределов, как определенного количества конкретных вариантов решений. Если пределы судейского усмотрения рассматриваются как границы, отсюда следует, что правильным решением будет любое или несколько решений, которые находятся в этих самых границах. Мы же рассматриваем пределы как те самые варианты решений, закрепленные в законе, из которых судья обязан найти одно единственное правильное. Именно при таком подходе десять разных составов суда рассмотрят одно и то же уголовное дело с одинаковым результатом.

Таким образом, отсутствие законодательного закрепления пределов судейского усмотрения приводит к возникновению многообразия подходов к их определению. Фактически, ограничение судейского усмотрения, то есть наличие его пределов, является одной из разновидностей механизма правового регулирования общественных отношений. Прежде всего, это обусловлено тем, что не только уголовный закон и варианты его применения имеют значение, но и правильность применения этих вариантов. Многообразие подходов к понятию пределов судейского усмотрения приводит к тому, что

правильные решения, принятые в рамках одних пределов судебского усмотрения, будут неправильными в рамках других.

Учитывая особенности отечественного уголовного права, наиболее правильно, на наш взгляд, под пределами судебского усмотрения понимать определенное количество вариантов решений, предусмотренных законом, среди которых обязательно существует единственно верное. При этом основным критерием в данном случае выступает именно наличие определенного количества конкретных вариантов решений, а не определенные границы, в которых существует несколько правильных вариантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барак А. Судейское усмотрение. Москва : Норма, 1999. 364 с.
2. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2013. 22 с.
3. Ермакова К. П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 52–59.
4. Корнакова С. В., Щербаков В. А. Судейское усмотрение в уголовном судопроизводстве. Российский судья. 2018. № 10. С. 18–22.
5. Папкова О. А. Усмотрение суда. Москва : Статут, 2013. 411 с.
6. Суворов А. А. Пределы судебского усмотрения. Судейское усмотрение / отв. ред. О. А. Егорова, В. А. Вайпан, Д. А. Фомин. Москва : Юстицинформ, 2020. 176 с.

ГАВРИЛОВ Б. Я.

профессор кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России,
д.ю.н., профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

За два последних десятилетия в Российской Федерации предприняты значительные меры по созданию законодательной базы противодействия коррупции, что нашло свое отражение в положениях Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы, утвержденном Указом Президента РФ

от 16 августа 2021 г. № 478 и иных правовых актов. Одновременно достаточно полно и всесторонне исследованы существующие в этой сфере проблемы деятельности его правоохранительных и судебных органов. Способствует этому и реализация Россией мер по предупреждению и искоренению коррупции, выработанных международным сообществом и отражаемых в таких ключевых международных актах, как Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. и др.

С другой стороны, представителями науки и практиками продолжается поиск наиболее результативных мер по борьбе с коррупционной преступностью, важное место в этом процессе занимает понимание конкретных причин и факторов, фактически создающих условия как для совершения данного вида преступлений, так и возможность избежать справедливого уголовного наказания, соответствующего общественной опасности коррупционных преступлений и их тяжести.

Говоря о мерах противодействия преступности, следует отметить, что среди них традиционно преобладают уголовно-правовые запреты, призванные служить, в первую очередь, предотвращению преступлений как посредством угрозы наказанием, так и установлением законодателем границ противоправного поведения, подлежащего осуждению со стороны государства, граждан и в целом российского общества. а решающую роль уголовно-правового предупреждения в реализации государственной политики противодействия преступности, включая экономическую, коррупционную, неоднократно указывалось в российской юридической литературе [6, с. 109–115; 9, с. 4–29; 12, с. 235–238].

Анализ указанных выше и других публикаций ученых и практических работников по проблеме как в целом уголовно-правовых санкций за коррупционные преступления, так и назначения судом наказаний конкретным лицам, признанным виновными в совершении данной категории преступлений, позволяет выделить несколько существующих на сегодняшний день точек зрения.

Первая из них отражает взгляд, согласно которому критикуется «либерализм судей или раздаются призывы к усилению уголовно-правовых санкций за преступления коррупционной направленности» [7; 11, с. 20; 13, с. 58]. Критически оцениваются и предпринятые в начале XXI века законодательные меры, в результате которых провозглашенная государством либеральная политика в вопросах назначения уголовного наказания за коррупционные преступления приобрела радикально-либеральный характер, что отмечалось как в наших работах [3, с. 110–116], так и в работах других авторов [1, с. 40–52].

Одновременно с этим существует и прямо противоположная позиция, заключающаяся в том, что «принятие репрессивных мер уголовного характера к коррупционным проявлениям со стороны государственных служащих должно стоять чуть ли не на последнем уровне в борьбе с коррупцией» [8, с. 5]. По этому вопросу Г. А. Сатаров, как один из видных российских исследователей данной проблемы, не отрицая требования «силовой» войны с коррупцией, указывает на необходимость разработки и реализации комплексной или смешанной стратегии по противодействию коррупции, имея ввиду и применение уголовных репрессий [2, с. 212].

Научный и прикладной интерес в связи с применением уголовно-правовых санкций представляет позиция С. В. Максимова, предлагающего переход от преимущественного использования при конструировании правовых норм альтернативных относительно определенных санкций к преимущественному использованию альтернативных абсолютно определенных санкций (например, лишение свободы на два года или исправительные работы на срок один год) [10, с. 77], с чем представляется возможным согласиться. Однако, данный подход обуславливает, с одной стороны, ограничение дифференциации уголовной ответственности, а, с другой, способен сузить сферу судебской дискреции при назначении уголовного наказания.

В связи с изложенным, считаем возможным обратиться, в первую очередь, к тем решениям законодателя, которые сегодня обуславливают складывающуюся негативную правоприменительную практику борьбы с преступностью, начало чему, по нашему мнению, было положено принятие Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, которым были исключены нижние границы наказания в виде лишения свободы из значительной числа преступлений небольшой и средней тяжести, что возможно признать вполне обоснованным, поскольку это отвечало политике государства в сфере гуманизации уголовных наказаний.

Одновременно не представляется возможным согласиться с теми негативными изменениями уголовного законодательства, результатом которых стало, в частности, исключение законодателем федеральными законами от 08.12. 2003 г. № 162-ФЗ, от 28.12.2008 г. № 280-ФЗ и от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ нижних границ наказания в виде лишения свободы, закрепленных в санкциях значительного числа уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность, в том числе за тяжкие и особо тяжкие преступления, чем существенным образом (*и зачастую необоснованно – выделено автором*) были расширены границы судебского усмотрения при назначении судами уголовных наказаний [4, с. 74–82].

Особенно в этом плане мы выделяем Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, которым из 68 составов тяжких и особо тяжких преступлений были одновременно исключены нижние пределы уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы и штрафа, составившие на сегодня соответственно 2 месяца (ч. 2 ст. 56 УК РФ) и 5 тыс. руб. (ч. 2 ст. 46 УК РФ), которые вполне соотносятся с наказаниями по ст. 158.1 УК РФ (мелкое хищение) с санкцией до 1 года лишения свободы или штрафом до 40 тыс. руб., но не должны быть сравнимы с санкциями за особо тяжкие преступления, как, например, по ч. 4 ст. 111 УК РФ с санкцией до 15 лет лишения свободы.

Переходя к анализу конкретных уголовно-правовых санкций за коррупционные преступления, а также назначаемых судами за их совершение видов и размеров наказаний, следует обратиться к статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Наиболее ярко это проявляется по отдельным видам коррупционных преступлений.

1) *Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну.*

Так, анализ санкции ч. 3 ст. 183 УК РФ, устанавливающей ответственность за данный вид противоправной деятельности, свидетельствует о том, что Федеральным законом «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 29 июня 2015 г. № 193-ФЗ размер штрафа был существенно увеличен (с 200 тыс. до 1,5 млн. руб.), с чем следует согласиться. Однако законодатель не указал его нижней границы, что не способствует формированию единой судебной практики и одновременно порождает чувство безнаказанности при совершение данных преступлений.

Так, по приговору Первовского районного суда г. Москвы гр-н Г. признан виновным в совершении одного эпизода преступной деятельности, предусмотренного ч. 3 ст. 183 УК РФ, с назначением штрафа в размере 50 тыс. руб. при максимальном размере санкции данной нормы 1,5 млн. руб.

Или, например, по приговору Куйбышевского районного суда г. Омска к штрафу в 150 тыс. руб. осужден гр-н К., совершивший 20 эпизодов преступной деятельности в отношении клиентов банка, квалифицируемых каждый по ч. 3 ст. 183 УК РФ, при том, что по каждому эпизоду преступной деятельности было назначено наказание в виде штрафа в 100 тыс. руб., чем судом допущено отступление от установленного в ч. 2 ст. 69 УК РФ правила назначения наказания при совокупности преступлений, предусматривающего их сложение в размере, не превышающем полуторного размера наказания за наиболее тяжкое преступление. Таким образом, К. могло быть

назначено наказание в виде штрафа в размере до 2 млн. 250 тыс. руб., что явно не соотносится с назначенным осужденному наказанием в 150 тыс. руб.

Санкция ч. 3 ст. 183 УК РФ в числе видов наказания, наряду со штрафом, предусматривает лишение свободы до пяти лет без указания нижней границы, что также порождает неоднородную судебную практику

Так, по приговору Красноармейского районного суда г. Волгограда гр-н М. осужден по ч. 3 ст. 183 УК РФ к 1 году и 6 месяцам лишения свободы условно, а Октябрьским районным судом г. Санкт-Петербурга за совершение преступления с аналогичной квалификацией гр-н Синицын осужден к 6 месяцам лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ.

При анализ состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 183 УК РФ, обращает на себя внимание тот факт, что указанным выше Федеральным законом от 07.12.2011 № 420 в санкции ч. 4 данной статьи срок наказания в виде лишения свободы был снижен с десяти до семи лет, с чем возможно было бы и согласиться, если бы не то обстоятельство, что законодатель как и в санкции ч. 3 ст. 183 УК РФ, не указал на нижнюю границу этого наказания, соответствующую двум месяцам лишения свободы.

Как результат, из 69 осужденных в период с 2018 по 2020 гг. по указанным составам преступлений к реальному лишению свободы согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ никто не был осужден, хотя санкция по ч. 3 ст. 183 УК РФ предусматривает лишение свободы до 5-ти лет, а по ч. 4 данной статьи — до 7-ми лет лишения свободы. В свою очередь, к штрафу были приговорены в 2018-2019 гг. примерно каждый третий и в 2020 г. — каждый второй из числа осужденных (см. табл. 1).

Таблица 1
Сведения о числе осужденных по ч. ч. 3 и 4 ст. 183 УК РФ*

Статья УК РФ	2018		2019		2020	
	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183
Осуждено (всего)	13	2	32	-	22	-
Из них к лишению свободы	0	0	0	-	0	-
Штраф	4	0	9	-	11	-

* Здесь и далее по тексту приведены статистические сведения Судебного Департамента при Верховном Суде РФ.

2) Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ в УК РФ была введена ст. 200.5, устанавливающая ответственность за указанные виды уголовно — наказуемых деяний (см. табл. 2).

Таблица 2
Сведения о числе осужденных по ст. 200.5 УК РФ

Статья УК РФ	2019		2020	
	ч. 2 ст. 200 ⁵	ч. 1 ст. 200 ⁵	ч. 5 ст. 200 ⁵	ч. 6 ст. 200 ⁵
Осуждено (всего)	1	1	2	1
Из них к лишению свободы	0	0	0	0
Штраф	1	1	0	0

Отсутствие нижних границ санкций в виде лишения свободы, несмотря на то, что ч. 2 ст. 200.5 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы до семи лет, часть третьей — до восьми лет и часть пятой — до десяти лет, и приведенные статистические данные о назначенных судами наказаниях за них фактически не способны профилактировать данный вид преступлений, несмотря на то, что ими государству наносится значительный ущерб в процессе осуществления экономической деятельности в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Одновременно следует приветствовать позицию законодателя, который воспринял критические высказывания, предусмотрев за данный вид противоправной деятельности достаточно высокие размеры штрафа с одновременным установлением нижних пределов данной уголовно — правовой санкции. Так, в санкциях ст. 200.5 УК РФ в качестве основного наказания предусмотрен штраф в размере: по ч. 1 — от 300 до 500 тыс. руб., по ч. 2 — от 500 тыс. до 1 млн. руб., по ч. 3 — от 1 до 2 млн. руб. и т. д.

К изложенному о радикально-либеральной политике законодателя в вопросе назначения наказания в виде лишения свободы и штрафа в целях объективности следует указать, что законодатель в ряде случаев на эту критику реагировал, внося в уголовный закон соответствующие изменения, пример чему приведен выше, а также изложен при последующем описании коммерческого подкупа, предусмотренного в ст. 204 УК РФ.

3) Коммерческий подкуп.

Практически через восемь лет после исключения в 2008 г. указанным выше Федеральным законом № 280-ФЗ из санкции ч. 3 ст. 204 УК РФ нижней границы наказания в виде лишения свободы Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 03 июня 2016 г. № 324-ФЗ ст. 204 УК РФ была изложена в новой редакции, в том числе санкция ч. 3 этой статьи установлена от трех до семи лет лишения свободы. Однако, из 33 подсудимых, в отношении которых судом в 2020 г. по ч. 3 ст. 204 УК РФ вынесены обвинительные приговоры, к реальному лишению приговорено лишь одно лицо, а в отношении еще 97 осужденных по ч. ч. 4, 7 и 8 ст. 204 УК РФ, относящимся к категории тяжких и особо тяжких преступлений с нижними пределами данной санкции, соответственно, в виде 4-х, 5-ти и 7-ми лет лишения свободы, к реальному лишению свободы судами осуждены менее, чем каждый пятый (18 чел.) (см. табл. 3).

Таблица 3

**Сведения о числе осужденных в 2020 г. за коммерческий подкуп,
совершенный при наличии квалифицирующих признаков**

Статья УК РФ	ч. 3 ст. 204	ч. 4 ст. 204	ч. 7 ст. 204	ч. 8 ст. 204
Осуждено (всего)	33	5	80	12
Из них к лишению свободы	1	1	13	4
Штраф	12	1	25	4
То же (в %)	36,3	20,0	31,2	33,3

Одновременно, в отношении примерно каждого третьего осужденного по ч. ч. 3, 4, 7 и 8 ст. 204 УК РФ основное наказание назначалось в виде штрафа. При этом, хотя его размеры и весьма значительны: по ч. 3 – до 1,5 млн., по ч. 4 – от 1 до 2 млн. по ч. 7 – от 1 до 3 млн. и по ч. 8 – от 2 до 5 млн. руб., однако назначаемые судами наказания данного вида, как правило, многократно ниже указанных санкций.

Так, приговором Левобережного районного суда г. Липецка от 13 октября 2017 г. за совершение девяти преступлений, квалифицируемых каждый по п. «в» ч. 7 ст. 204 УК РФ, гр-ну С. по каждому из них в качестве основного наказания назначен штраф в размере 420 тыс. руб. при санкции от 1 до 3 млн. рублей, а окончательное наказание с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ назначено в виде штрафа в размере 500 тыс. руб., хотя оно быть назначено в размере до 3 млн. 780 тыс. руб.

4) Дача и получение взятки, посредничество во взяточничестве.

Значительный урон престижу российского уголовного закона наносит указанная выше ситуация с уголовно – правовыми санкциями за совершение преступлений, связанных с дачей и получением взятки и посредничеством во взяточничестве, в том числе и по причине как не установления законодателем нижних границ наказаний в виде лишения свободы и штрафа, так и в силу широкого диапазона данных видов наказаний.

Так, например, в санкции ч. 2 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ) предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до шести лет без указания его нижней границы. Одновременно данным законом ст. 291 УК РФ была дополнена частью третьей, санкция которой в числе других видов наказания предусматривает лишение свободы на срок до восьми лет также без указания ее нижней границы, что с очевидной долей вероятности свидетельствует о возможности широкого судейского усмотрения при определении вида и размера наказания.

Так, приговором Фокинского районного суда г. Брянска, которым гр. Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, за дачу взятки должностному лицу за совершение заведомо незаконных действий, за что ему назначено наказание в виде штрафа в размере всего сто пятьдесят тысяч рублей при размере санкции от одного до двух млн. руб.

5) Получение взятки.

Достаточно наглядно характеризуют сложившуюся с назначением наказания за взяточничество негативную ситуацию приведенные ниже статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ о назначении наказания за получение взятки, поскольку указанный вид противоправной деятельности вызывает наибольший негативный резонанс (см. табл. 4).

Таблица 4

**Сведения из числа осужденных за получение взятки,
совершенное при наличии квалифицирующих признаков (ст. 290 УК РФ)**

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Осуждено (всего)	949	1197	1017	1041	447	459	462	373	269	1423	1428
Из них к лишению свободы	364	538	446	454	254	242	230	122	69	234	385
То же (в %)	38,4	44,9	43,8	43,6	56,8	52,7	49,8	32,7	26,5	16,4	27,0
Штраф	224	271	262	285	129	132	157	178	125	-	-
То же (в %)	23,6	22,6	25,7	27,4	28,9	28,6	34,0	47,7	46,5	-	-

Так, за преступления в виде получения взятки, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких, судами до 2012 г. к реальному лишению свободы ежегодно приговаривались не более четверти от числа осужденных.

Введение указанным выше Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ за получение взятки наказания в виде штрафа, исчисляемого в величине, от 30-ти до 100 кратной стоимости предмета или суммы взятки (в зависимости от квалифицирующих признаков данного преступления), обусловило рост в 2012-2013 гг. числа осужденных к штрафу до 47-48%.

Однако, начиная с 2015 г. по причине фактической дискредитации назначения кратного штрафа за получение взятки (реально взыскивается не более 15%) применение данного вида наказания существенно сократилось, составив в 2020 г. всего 23,6%. При этом отметим, что преступления, квалифицируемые по ч.ч. 2-4 ст. 290 УК РФ, относятся к категории тяжких, а по ч.ч. 5-6 — к категории особо тяжких (в ред. Федерального закона от 03.07.2016 № 324-ФЗ).

6) Дача взятки.

Негативная ситуация, по мнению автора, сложилась и с назначением наказания за дачу взятки в виде лишения свободы даже при наличии квалифицирующих признаков, повышающих общественную опасность преступления до категории тяжкого или особо тяжкого (см. табл. 5).

Таблица 5

Сведения из числа осужденных за дачу взятки, совершенную при наличии квалифицирующих признаков (ст. 291 УК РФ)

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Осужден о (всего)	1409	1343	1151	997	3266	4907	4302	2539	1467	1587	2907
Из них к лишению свободы	191	225	241	237	469	513	478	227	-	191	294
То же (в %)	13,6	16,8	20,9	23,8	14,4	10,5	11,1	8,9	-	12,0	10,1
Штраф	540	615	512	457	2439	3902	3513	2093	387	622	1032
То же (в %)	38,3	45,8	44,4	45,8	74,7	79,5	81,6	82,4	82,7	38,9	35,5

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует о неоднородной судебной практике применения мер уголовно-правового характера за дачу взятки. Так, в 2010-2011 гг. к реальному лишению свободы за квалифицированные виды дачи взятки судами были осуждены от 10 до 12% подсудимых. Хотя в 2020 г. число осужденных к реальному лишению свободы несколько возросло (до 13,6%), однако по сравнению с числом осужденных за получение взятки (38,4%) оно в три раза ниже, что вряд ли отражает общественную опасность дачи взятки.

С введением в 2011 г. кратности штрафа эта мера наказания в 2012-2016 гг. судами назначалась в отношении от 74,7% до 82,7% осужденных и соответственно сократилось в период 2012-2015 гг. до 9% – 11% число осужденных в 2012-2015 гг. за данные преступления к реальному лишению свободы. Однако по указанной выше причине в последующие годы назначаемое судами наказание в виде штрафа сократилось более, чем в два раза, составив 38,3% в 2020 г.

7) Посредничество во взяточничестве.

Учитывая, что число осужденных к реальному лишению свободы (27% в 2020 г.) за посредничество во взяточничестве при квалифицирующих обстоятельствах в два раза превосходит число осужденных за дачу взятки (13,6% в 2020 г.), это вряд ли отражает реальную общественную опасность указанных деяний и может свидетельствовать о некотором «перекосе» судебной практики (см. табл. 6).

Таблица 6

Сведения из числа осужденных за посредничество во взяточничестве, совершенное при наличии квалифицирующих признаков (ст. 291¹ УК РФ)

	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012
Осуждено (всего)	215	253	257	213	165	127	119	108	48
Из них к лишению свободы	58	87	73	78	47	49	32	8	1
То же (в %)	27,0	34,4	28,4	36,6	28,5	38,6	26,9	7,4	2,0
Штраф	55	69	86	56	67	43	48	68	38
То же (в %)	25,6	27,3	33,4	26,3	40,6	33,9	40,3	63,0	79,2

Относительно назначения за указанный вид преступления наказания в виде штрафа, то анализ статистических свидетельствуют, что в первые годы действия ст. 291.1 УК РФ, достаточно часто применялся штраф: в 2012 г. – в отношении 79,2 % и в 2013 г. – 63,0 % осужденных. Однако в последующие годы этот показатель существенно сократился, составив в 2020 г. 25,6 % от общего числа осужденных за данный вид преступной деятельности.

8) Посредничество в коммерческом подкупе.

Практически аналогичная ситуация складывается и при назначении наказания за посредничество в коммерческом подкупе, предусмотренном ст. 204.1 УК РФ (в ред. Федерального закона от 03.07.2016 № 324-ФЗ).

Приведенные статистические данные свидетельствуют о применении за совершение данного преступления наказания, в основном, в виде штрафа, к которому из 31 лица судами в период 2018-2020 гг. осуждено более половины (17 граждан). Вместе с тем, к реальному лишению свободы из всех подсудимых осуждено лишь одно лицо или 3% и то по ч. 3 ст. 204¹ УК РФ, хотя законодатель в санкциях рассматриваемой уголовно-правовой нормы установил наказание в виде лишения свободы по части – до 2 лет, по части второй – до 5 лет, по части третьей – от 3 до 7 лет и по части четвертой – до 4 лишения свободы (см. табл. 7).

Таблица 7

**Сведения из числа осужденных за посредничество
в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ)**

	2018			2019			2020		
	ч. 1	ч.2	ч.3	ч. 2	ч. 3	ч. 4	ч.1	ч.2	ч.3
Осуждено (всего)	2	6	4	8	3	2	1	3	2
Из них, к лишению свободы	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Штраф	1	3	2	6	1	1	0	1	2

Подводя итог, отметим, что выход из сложившейся ситуации, связанной как с широкими границами уголовных наказаний, закрепленных в санкциях статей, устанавливающих ответственность за преступления коррупционной направленности, так и отсутствием нижних пределов наказаний в виде лишения свободы и штрафа по значительному количеству преступлений коррупционной направленности, а также необоснованно широким применением условного осуждения за их совершение, очевиден — границы уголовно-правовых санкций и правила их применения судом должны быть научно-обоснованными и вполне обозримыми как для специалистов в области уголовного права и уголовного процесса, так и для граждан и, соответственно, российского общества. Условное осуждение к лишению свободы за коррупционные преступления, связанные с дачей и получением взятки, совершенные при наличии квалифицирующих признаков, увеличивающих их общественную опасность до категорий тяжких и особо тяжких преступлений, недопустимо, поскольку этим нарушается уголовно-правовой принцип справедливости. Одновременно данное явление несет в себе, по нашему мнению, коррупционную составляющую непосредственно самого уголовного закона, который, в свою очередь, призван бороться с коррупцией [5, с. 51–64].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. Москва : Норма, 2006. 114 с.
2. Антикоррупционная политика : учеб. пособие для студентов фак. гос. упр. / Регион. общество. фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ) / под ред. Г. А. Сатарова. Москва : СПАС, 2004. 367 с.
3. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. Москва : Проспект, 2008. 208 с.

4. Гаврилов Б. Я. Российское законодательство уголовно-правового комплекса: современное состояние и пути развития // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3. С. 74–82.

5. Гаврилов Б. Я. Уголовно-судебная политика назначения наказания: позиция законодателя и реалии судейского усмотрения // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по матер. III Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 29-30 марта 2018 г.) / под общ. ред. Н. А. Лопашенко; ред. А. В. Голикова. Саратов : СГЮА, 2018. С. 51–64.

6. Гуров М. П. Коррупция в современной России как угроза безопасности государства: история и современность / М. П. Гуров, А. И. Примакин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4. С. 109–115.

7. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. Москва : Рос. криминол. ассоц., 2003. 572 с.

8. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы зарубежных государств / А. В. Куракин ; под общ. ред. М. В. Костеникова. Домодедово : ВИПК МВД России, 2007. 119 с.

9. Левин М. И. Коррупция в России: классификация и динамика / М. И. Левин, Г. А. Сатаров // Общественные науки и современность. 2012. № 10. С. 4–29.

10. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. Изд. 3-е, перераб. и доп. Москва : ФГБУН ИГП РАН, 2017. 287 с.

11. Лунеев В. В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20–27.

12. Федоров А. Ю. Коррупция в России: общественная опасность, проблемы противодействия / А. Ю. Федоров, С. А. Алимпиев // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1(12). С. 235–238.

13. Яни П. С. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 58–59.

РАЗДЕЛ 6

ОБЩЕПРАВОВОЙ АСПЕКТ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

ЛИПИНСКИЙ Д. А.

*профессор кафедры теории и истории
государства и права Тольяттинского государственного
университета, д.ю.н., профессор (г. Тольятти)*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КРАТКИЙ ОБЗОР МОНОГРАФИЧЕСКОЙ ДИЛОГИИ*

Около трех лет коллектив ученых единомышленников в составе руководителя Д. А. Липинского и исполнителей А. А. Фомина, Н. В. Макарейко, Е. В. Чукловой, А. А. Мусаткиной и А. Н. Станкина работает над проектом, поддержаным Российским фондом фундаментальных исследований «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности». Помимо многочисленных статей, в том числе и в журналах, индексируемых в Scopus и/или WoS, своеобразным итогом работы явился выход в свет двух монографий (монографической диологии): «Национальная безопасность: юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей» [1] и «Проблемы взаимодействия юридической ответственности и механизма обеспечения национальной безопасности» [2]. Примечательно, что первая монография оказалась востребованной и была всего через один год переиздана [3], авторский коллектив полагает, что и вторая работа повторит судьбу первой.

Обе работы являются логически завершенными, представляют собой самостоятельные и законченные исследования, но одновременно направлены на разработку общей темы: «Юридическая ответ-

* Обзор подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 19-011-00083 «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

ственность в механизме обеспечения национальной безопасности». В первой монографии авторы сосредоточили свое внимание на юридической ответственности и безответственности как парных правовых категориях, но в тоже время безответственность определялась как одна из угроз национальной безопасности, а юридическая ответственность как правовое средство, направленное на ее нивелирование. Исследование проводилось как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровнях. На общетеоретическом уровне выявлялись роль и значение юридической ответственности в механизме правовых и иных средств, обеспечивающих национальную безопасность. Значительная часть работы была посвящена правовой безопасности как составной части безопасности национальной с общетеоретических и отраслевых позиций. В связи с чем исследовались конституционно-правовая, финансово-правовая, гражданско-правовая, уголовно-правовая и иные отраслевые виды правовой безопасности. При этом авторы следовали логической цепочке: отраслевой вид правовой безопасности — отраслевая юридическая безответственность — взаимосвязь отраслевого вида ответственностью с безответственностью и национальной безопасностью. Авторам удалось выявить именно ту часть юридической безопасности, которую можно отнести к национальной, обосновав соответствующие критерии.

Дав краткую общую характеристику, остановимся на более конкретных выводах, которые были получены в результате исследования и так или иначе отражены в первой монографии

Так, впервые были выявлены признаки юридической ответственности и безответственности как парных юридических категорий во взаимосвязи с национальной и юридической безопасностью. Раскрыто, как юридическая безответственность влияет на состояние национальной безопасности, в целом, и правовой, в частности. Впервые определены институциональные и правореализационные характеристики юридической безответственности, а также показаны взаимосвязи национальной и правовой безопасности с правонарушениями и юридической безответственностью.

Авторами на общетеоретическом уровне выявлено соотношение правовой и национальной безопасности. Сделаны выводы о юридической безответственности, как одной из угроз национальной безопасности, в целом, и правовой, в частности. С иных концептуальных позиций определено соотношение национальной и правовой безопасности, при этом обосновано, что не вся правовая безопасность является разновидностью национальной безопасности. Ввиду чего доказано, что необходимо различать правовую безопасность и пра-

вовую безопасность как составную часть национальной безопасности. Кроме того, определены критерии, на основе которых происходит выделение правовой безопасности как составной части национальной безопасности.

Впервые на основе общетеоретических признаков юридической ответственности и безответственности были выявлены характеристики следующих парных юридических категорий: конституционно-правовой ответственности и безответственности; процессуальной ответственности и безответственности; юридической ответственности и безответственности в сфере трудовых и служебных отношений. Кроме того, были даны определения и раскрыты признаки конституционно-правовой безответственности, процессуальной безответственности и безответственности в сфере трудовых, а также служебных отношений.

На основе разработанного руководителем проекта подхода к соотношению национальной безопасности с юридической безопасностью как составной частью национальной безопасности, выявлены системные зависимости и связи следующих явлений: национальная безопасность – конституционно-правовая безопасность – конституционно-правовая безопасность как составная часть национальной безопасности, которые определены во взаимосвязи с юридической ответственностью и безответственностью в сфере конституционно-правовых отношений, а также с различными угрозами национальной безопасности. При этом конституционно-правовая безответственность определялась как одна из угроз национальной безопасности, в целом, и правовой, в частности. Раскрыты системные связи конституционно-правовой ответственности с национальной безопасностью, конституционно-правовой безопасностью и механизм их взаимодействия. С аналогичных методологических позиций определялись взаимосвязи национальной безопасности с трудо-правовой, процессуальной, гражданско-правовой, дисциплинарной, административной, уголовно-правовой безопасностью и соответствующими отраслевыми видами юридической ответственности.

Авторами разработаны определение и признаки процессуальной безопасности, конституционной безопасности, трудовой безопасности, с учетом современного состояния законодательства и общественных отношений; определено место процессуальной, конституционной, трудовой безопасности в системе национальной безопасности. Выявлены зависимости между конституционной, процессуальной, трудовой и других видов правовой безопасности с юридической ответственностью.

Широкое использование сравнительно-правового метода исследования позволило выявить наличие общих и отличительных характеристик в стратегиях национальной безопасности России и Германии и предложить рекомендации по заимствованию положительного опыта. На основе сравнительно-правового метода исследования и обобщения зарубежной литературы были определены коррупционные риски как одна из угроз национальной безопасности. Кроме того, сравнительно-правовой метод и обращение к зарубежным исследованиям позволили выявить риски, возникающие в связи с расширением внедрения цифровых технологий в экономическую сферу, а также предложить ряд мер, направленных на их минимизацию.

Впервые были определены характеристики юридической ответственности и юридической безответственности органов государственной власти и должностных лиц как парных юридических категорий, их общие и отличительные черты, взаимная обусловленность, противоречия и взаимодействия как положительного, так и отрицательного свойства. Были выявлены проявления юридической безответственности органов государственной власти и должностных лиц в сфере обеспечения различных видов безопасности. Кроме того, были определены нормы-принципы и положения декларативного характера, выступающие одним из элементов юридической безответственности органов государственной власти и должностных лиц в сфере обеспечения национальной безопасности.

Научная новизна проявляется и в том, что исследование выявило пробелы, коллизии и противоречия в правовом регулировании юридической ответственности органов государственной власти и должностных лиц в сфере обеспечения национальной безопасности, в связи с чем разработаны рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства и практики его применения.

На основе проведенного анализа нормативных правовых актов, регулирующих ответственность органов государственной власти и должностных лиц за обеспечение национальной безопасности, практики их применения, выявлены новые виды угроз для личности, общества и государства.

Сравнительно-правовой анализ ответственности органов государственной власти и должностных лиц за обеспечение национальной безопасности в России, Германии и Франции позволил разработать ряд рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

В ходе исследования установлены взаимосвязи законности и служебной дисциплины при обеспечении национальной безопасности, определены характеристики служебной (войнской) дисциплины как основы национальной безопасности, сделаны выводы о том, что служебная дисциплина должна основываться не только на юридическом, но и на моральном компоненте, что будет способствовать противодействию угрозам национальной безопасности.

Впервые ставится вопрос о гражданско-правовой безопасности, которая рассматривается в контексте защищенности участников гражданских правоотношений, в рамках которой определенными правовыми средствами обеспечивается отсутствие недопустимого риска нанесения ущерба объектам гражданских прав, обеспечивается безопасность реализации гражданских прав и интересов, а также справедливое равновесие между потребностями сообщества в целом и требованиями защиты индивидуальных гражданских прав. В контексте гражданского законодательства исследованы правовые категории, составляющие основу правовой безопасности.

Установлено, что юридическая база для правового регулирования безопасности представлена, в том числе, нормами гражданского законодательства. Нормативная основа гражданско-правового регулирования национальной безопасности представлена системой норм, закрепляющих принципы правового регулирования, систему средств защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота, обеспечивающих его создание, стабильность и поступающее развитие. Гражданское законодательство закрепляет основания возникновения и прекращения права собственности, способы защиты прав участников гражданского оборота, которые могут быть использованы и в публичной сфере, общие положения о договорах, их видах, типовые договорные конструкции, которые, так или иначе, используются при обеспечении стратегических национальных приоритетов как элементов национальной безопасности.

Проведенное исследование создало предпосылки для построения теоретических моделей взаимодействия юридической ответственности с различными видами национальной безопасности. Поэтому во второй монографии авторы сосредоточили свое внимание на государственной, экологической, военной, экономической и иных видах национальной безопасности во взаимодействии с юридической ответственностью. Научный поиск был направлен на выстраивание теоретической модели взаимодействия юридической ответственности с механизмами различных видов национальной безопасности.

Уделено внимание в монографии и общей конструкции соответствующего взаимодействия, а также правонарушениям и правонарушаемости как основным угрозам национальной безопасности. В своей совокупности обе монографии формируют целостное представление о юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Липинский Д. А., Макарейко Н. В., Мусаткина А. А. Национальная безопасность: юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей // Проблемы взаимодействия юридической ответственности и механизма обеспечения национальной безопасности / под ред. Д. А. Липинского. Москва : РИОР, 2020. 578 с.

2. Липинский Д. А., Макарейко Н. В., Мусаткина А. А. Проблемы взаимодействия юридической ответственности и механизма обеспечения национальной безопасности / под ред. Д. А. Липинского. Москва : РИОР, 2021. 387 с.

МУСАТКИНА А. А.

*доцент кафедры конституционного и административного права
Тольяттинского государственного университета,
к. ю. н., доцент (г. Тольятти)*

О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Категория «механизм» активно используется в научном лексиконе как теории государства и права, так и отраслевых юридических наук. При этом ученые исследуют механизм государства, механизм правового регулирования, механизм правового воздействия и так далее [1, 2, 3] В последнее десятилетие актуализировалась и проблематика механизма обеспечения национальной безопасности [4], а само понятие «национальная безопасность» достаточноочно прочно вошло в категориальный аппарат юриспруденции, заняв в нем самостоятельное место среди других юридических конструкций.

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 19-011-00083 «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

При определении теоретической модели взаимодействия юридической и механизма обеспечения национальной безопасности (далее по тексту — модель) мы исходим из того, что механизм обеспечения национальной безопасности (далее по тексту — МОНБ) — это часть механизма государства, который можно нормально функционировать только во взаимодействии с механизмом правового регулирования, несмотря на то, что это два относительно самостоятельных механизма их функционирование друг без друга не возможно, как и не возможно существование права без государства или государства без права. В свою очередь юридическая ответственность обладает собственным механизмом, который выступает одним из структурных блоков механизма правового регулирования. В реальной действительности механизм государства и механизм правового регулирования представляют собой взаимодействующее единство, со своими различиями, противоречиями и взаимодействиями. Так, МОНБ включает в себя правовые и государственные элементы. При этом механизм юридической ответственности является встроенным в него, но при этом не теряет своей самостоятельности.

В результате теоретического моделирования можно прийти к выводу, что МОНБ состоит из ряда элементов (микромеханизмов), которые на другом уровне обобщения выступают в качестве относительно самостоятельных механизмов. Определенная часть государственного механизма, включающая специализированные органы, взаимосвязи между ними, а также некоторые другие элементы выступают одним из элементов (микромеханизмом) в МОНБ. Вполне понятно, что деятельность органов государственной власти по обеспечению национальной безопасности опосредована правовыми нормами, в том числе и предусматривающими юридическую ответственность. Однако в таком взаимодействии существует и подвластный субъект — обычные граждане и их объединения, которые в своей деятельности должны руководствоваться требованиями национальной безопасности. Зачастую это может происходить в рамках правомерного поведения, выступающего в качестве поведенческой привычки. Можно так же заключить, что правомерное поведение (деятельность) граждан складывается в результате влияния совокупности правовых норм, которые и направлены на обеспечение национальной безопасности. МОНБ явление сложное и в качестве элементов его составляющих включает не только государственные органы, но и различные институты гражданского общества. Это обусловлено тем, что в Стратегии национальной безопасности России неоднократно подчеркивается необходимость консолидации дей-

ствий гражданского общества и государственных органов по обеспечению национальной безопасности. Возможно такое взаимодействие еще находится на низком уровне, что обусловлено отсутствием зрелости самого гражданского общества и нахождением нашей страны только в начале пути по приближению к идеалу правового государства. Тем не менее, исследовать данную проблему необходимо, в том числе и предлагать конкретные меры, направленные на развитие такого взаимодействия. В настоящей работе мы отмечаем только указанную проблему, так как она составляет предмет самостоятельного исследования.

Теоретическое моделирование взаимодействия юридической ответственности с МОНБ невозможно без определения самого явления юридической ответственности. Ввиду ограниченных рамок работы мы не вступаем в дискуссию о ее понятии, а только констатируем, что рассматриваем ее с широких позиций, включающую позитивную составляющую, что вытекает и из самой Стратегии национальной безопасности, в которой понятие ответственности употребляется, в том числе, и в позитивном значении. Действие юридической ответственности в МОНБ до момента совершения правонарушения носит регулятивный, предупредительный и стимулирующий характер и направлено на достижение соответствующих им целей. При этом функции юридической ответственности находятся в тесном взаимодействии с функциями государственных органов, обеспечивающих национальную безопасность. Их воздействие: во-первых, регулирует деятельность государственных органов и должностных лиц по обеспечению национальной безопасности; во-вторых, упреждает возможные правонарушения и злоупотребления в процессе осуществления властной деятельности; в-третьих, посредством поощрительных санкций стимулирует к правомерной деятельности. Функциональное воздействие юридической ответственности в процессе работы МОНБ распространяется на различные категории субъектов. Условно их можно разделить на две группы: во-первых, государственные органы и их должностные лица; во-вторых, субъекты, не наделенные властными полномочиями. В отношении второй категории субъектов до момента совершения правонарушения происходит также регулирующее, превентивное и стимулирующее воздействие. Определенные функциональные взаимосвязи существуют и между самими государственными органами и их должностными лицами, которые поддерживаются в том числе и при помощи юридической ответственности.

Обобщенно отметим: «механизму обеспечения национальной безопасности в целом присуща охранительная функция государства,

лишь с тем отличием, что здесь она характеризуется специфическими объектами и субъектами воздействия, а также подразделяется на ряд подфункций, которые, в свою очередь, взаимодействуют с функциями права. В реальной действительности ни одна функция государства или государственного органа не может реализовываться вне специально-юридических функций права, на что справедливо указывается в юридической литературе».

Необходимо также отметить, что Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. «О безопасности» правовая составляющая по ее обеспечению включена в само содержание деятельности государственных органов (ст. 3). Безусловно, что правовая составляющая включает и такую важную часть как юридическая ответственность. Здесь необходимо отметить также и тесную взаимосвязь с основными элементами правового регулирования. Первым из которых выступает норма права, а применительно к предмету нашего исследования – норма юридической ответственности, которой соответствует стадия регламентации общественных отношений. В связи с чем встает вопрос, а кто несет ответственность за само качество нормативной правовой базы, обеспечивающей национальную безопасность. Применительно к данной стадии можно констатировать, что обязанности государственных органов по осуществлению правотворчества в данной сфере выглядят весьма абстрактно и не подкреплены мерами государственного принуждения. Мы сталкиваемся здесь с проблемой, заключающейся в том, что на основном правотворческом органе не находится ответственность по совершенствованию нормативной правовой базы. Кроме того, государственная власть не стремится устанавливать ответственность для самой себя за различные провалы национальных программ, стратегий развитий и других планово-нормативных документов, от реализации которых зависит обеспечение национальной безопасности. В данной сфере ее ответственность декларативна, а диалектика взаимосвязи позитивной и негативной ответственности гласит: «позитивная ответственность без негативной бессильна, а без негативная без позитивной бессмысленна».

Карательный блок как механизм реализации юридической ответственности, так и в МОНБ в целом должен начинать свою работу с момента совершения правонарушения, посягающего на национальную безопасность и для осуществления карательного воздействия необходим: «юридический факт в виде правонарушения, посягающего на национальную безопасность – правоотношения юридической ответственности – акт применения юридической ответственности. Таким образом, в рамках механизма обеспечения национальной безопасности начинает действовать отдельный механизм пра-

вового регулирования юридической ответственности» [2, с. 18]. В МОНБ действуют два относительного самостоятельных механизма регулятивного и карательного воздействия. При этом одновременно с регулятивным осуществляется и превентивное воздействие, а одновременно с карательным — восстановительное.

Необходимо также указать, что особенности функционального предназначения в МОНБ состоят в их внутреннем воздействии, реализуемого с целью согласования действия других элементов. Возействие во вне происходит уже через действие всего МОНБ.

В завершении считаем необходимым сделать вывод. МОНБ относительно самостоятелен, но одновременно входит в структуру сложного государственно-правового механизма. Как первый, так и второй не могут функционировать без использования права как одного из основных регуляторов общественных отношений. При этом правовая надстройка обладает собственным механизмом, частью которой выступает механизм реализации юридической ответственности. Таким образом на основе теории юридических механизмов можно заключить, что национальная безопасность выступает как совокупность относительно самостоятельных механизмов (элементов), в основе которых находятся функциональные взаимосвязи и одновременно она является сложным составным механизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лучков В. В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования. Тольятти : Изд-во ВУиТ, 2005. 140 с.
2. Липинский Д. А. О целях и функциях юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 3. С. 6–20.
3. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности. Москва : РИОР, 2020. 224 с.
4. Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К. О соотношении категорий «механизм обеспечения национальной безопасности» и «механизм уголовно-правового воздействия» // Журнал юридических исследований. 2021. Т. 6. № 2. С. 197–203.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дуюнов В. К.

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ВТОРОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ
В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА РФФИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ
ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ» 3

РАЗДЕЛ 1

ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Иванов Н. Г.

ЦЕЛИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ 24

Идрисов Н. Т.

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕПОЛАГАНИИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ 30

Ситникова А. И.

ЦЕЛЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ И КОНСТРУКТИВНЫЙ
ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ 34

Назаренко Г. В.

ЦЕЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 36

Люсов Р. А.

О НАЦЕЛЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
НА ГУМАНИЗАЦИЮ ПОСРЕДСТВОМ
ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА 39

Буранов Г. К.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ СТАТЬИ 64
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 42

Волосюк П. В., Абулгазиев Р. З.

ПРОВОКАЦИЯ ВЗЯТКИ ИЛИ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА:
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ
С ОПЕРАТИВНЫМ ЭКСПЕРИМЕНТОМ 48

Сизова В. Н.

ЦЕЛИ И ИТОГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 53

РАЗДЕЛ 2
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Хомич В. М.	
О ДИСКУРСЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	62
Гилинский Я. И.	
ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ DE JURE И DE FACTO	68
Аксенов А. Н., Авдеев В. А.	
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ДЕЛАХ О НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	72
Данилов П. С., Сенокосова Е. К.	
АНАЛИЗ АНТИКРИМИНОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ, НА ПРЕДМЕТ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	79
Самолетов С. Н., Николаева Т. Г.	
ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ ПРОКУРОРОМ В СУДЕ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	85
Миненок М. Г., Миненок М. М.	
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	90
РАЗДЕЛ 3	
ЦЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ И ПРЕСТУПНОСТИ	
Беляева Л. И.	
ЦЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	96
Смольянинов Е. С.	
О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	100
Шепшин В. М.	
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	107
Хайрутдинова Л. Р.	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ	113
Корецкий Д. А., Гончаров А. В.	
ЦЕЛИ «АНТИОРУЖЕЙНОГО» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РЕАЛЬНОСТЬ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ	116

<i>Ищенко Д. П., Ищенко Г. К.</i>	
ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	121
РАЗДЕЛ 4	
ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ИХ СООТНОШЕНИЕ С ЦЕЛЯМИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ	
<i>Милич И. Д.</i>	
О ТЮРЕМНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБИИ	126
<i>Аликперов Х. Д.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	131
<i>Дворянков И. В.</i>	
ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ИНСТИТУТЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ	137
<i>Закомолдин Р. В.</i>	
ЦЕЛИ СПЕЦИАЛЬНОГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ	144
<i>Дворецкий М. Ю.</i>	
РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	148
<i>Корнеев С. А.</i>	
КОРРЕЛЯЦИЯ СУЩНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ЕГО КОНЕЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ	153
<i>Леймоева З. Б.</i>	
ПОДСИСТЕМА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ НАКАЗАНИЙ И ИХ РОЛЬ В РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	157
<i>Горшенков Г. Н., Горшенков А. Г.</i>	
УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ КАК МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	162
<i>Есмагеев А. С.</i>	
О ПРАВИЛАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИИ НА ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ	167
<i>Серебренникова А. В.</i>	
ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ИХ СООТНОШЕНИЕ С ЦЕЛЯМИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ	172
РАЗДЕЛ 5	
КАРА КАК УТВЕРЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СИСТЕМЕ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	
<i>Подвойкина И. А.</i>	
К ВОПРОСУ О РОЛИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	178

<i>Сипягина М. Н.</i>	
ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ОТ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ	183
<i>Долгова С. В., Цирит О. А.</i>	
ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ	187
<i>Гаврилов Б. Я.</i>	
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	192
РАЗДЕЛ 6	
ОБЩЕПРАВОВОЙ АСПЕКТ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА	
<i>Липинский Д. А.</i>	
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КРАТКИЙ ОБЗОР МОНОГРАФИЧЕСКОЙ ДИЛОГИИ	205
<i>Мусаткина А. А.</i>	
О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	210

Научное издание

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

*Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)*

Компьютерная верстка С. В. Бородина
Подписано в печать 15.12.21. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 12,79. Печ. л. 13,75.
Тираж 300 экз.

ООО «САМАРАМА»
443087, Самара, Стара-Загора, 167.
Тел.: 8 960 831 74 78
e-mail: oraborodina@yandex.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии ООО «Прайм»
443069, Самара, ул. Байкальский пер., 12
тел.: 8 927 201 82 95